

ISSN 2413-1407 (Print), 2587-8549 (Online)

Регионология

Том 31, № 2, 2023 (апрель – июнь)

Сквозной номер выпуска – 123

Научный журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»

430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Большевистская, 68/1

Тел./факс: +7 (8342) 48-14-24, +7 (8342) 32-86-14

Журнал издается с 1992 года. Периодичность издания – 4 раза в год

DOI: 10.15507/2413-1407

Russian Journal of Regional Studies

Vol. 31, no. 2, 2023 (April – June)

Continuous issue 123

Scholarly journal

FOUNDER AND PUBLISHER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“National Research Ogarev Mordovia State University”

68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation

EDITORIAL OFFICE:

68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation

Tel/Fax: +7 8342 481424, +7 8342 328614

Published since October 1992. Publication frequency: quarterly

e-mail: regionology@mail.ru, redreg@mrsu.ru
<http://regionsar.ru>

Регионовология

Рецензируемый научный журнал открытого доступа

Основное содержание журнала составляют оригинальные научные статьи, посвященные актуальным проблемам региональной политики, экономики и социологии, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран.

Журнал осуществляет научное рецензирование всех поступающих в редакцию материалов.

Политика редакционной коллегии журнала базируется на современных юридических требованиях в отношении клеветы, авторского права, законности и плагиата, поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций, и строится с учетом этических норм работы редакторов и издателей, закрепленных в Кодексе поведения и руководящих принципах наилучшей практики для редактора журнала и Кодексе поведения для издателя журнала, разработанных Комитетом по публикационной этике (COPE).

Журнал индексируется и архивируется в Web of Science Core Collection (ESCI), Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), базе данных Ulrichsweb Global Serials Directory, Немецкой национальной экономической библиотеке Лейбница, реферативной базе данных ERIH PLUS, научной электронной библиотеке «КиберЛенинка», электронно-библиотечной системе «Лань».

Журнал является членом Directory of Open Access Journals (DOAJ), Open Access Scholarly Publishers Association (OASPA), Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ), CrossRef и международного сообщества рецензентов Publons.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным специальностям и соответствующим им отраслям:

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки)

5.5.4. Международные отношения (политические науки)

5.4.2. Экономическая социология (социологические науки)

5.4.3. Демография (социологические науки)

5.4.3. Демография (экономические науки)

5.4.5. Политическая социология (социологические науки)

5.4.5. Политическая социология (политические науки)

5.4.6. Социология культуры (социологические науки)

5.4.7. Социология управления (социологические науки)

5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки)

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Russian Journal of Regional Studies

The peer-reviewed scholarly journal with open access

The main contents of the Journal are original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. The journal publishes the articles in the following branches of scientific knowledge: Economics, Sociology, Political Science.

The Journal conducts scientific review of all papers submitted to the Editorial Office.

The Editorial Board's policy is based on modern legal requirements concerning libel, copyright, legality and plagiarism. It complies with the Code of Ethics of Scientific Publications, formulated by the Committee on the Ethics of Scientific Publications, and is implemented taking into account the ethical standards of work of editors and publishers enshrined in the Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors developed by the *Committee on Publication Ethics (COPE)*.

The Journal is indexed and archived in *Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)*, in *Russian Index of Scientific Citation*, in *UlrichsWeb Global Serials Directory* international reference database of periodicals, in *German National Library of Economics (ZBW)*, in *ERIH PLUS* reference index, in *CyberLeninka* scientific electronic library, in *Lan* electronic library system.

The Journal is a member of the Directory of Open Access Journals (DOAJ), Open Access Scholarly Publishers Association (OASPA), Association of Scientific Editors and Publishers (ASEP), CrossRef and Publons international peer-review community.

The Journal is included in the Higher Attestation Commission List of the Peer-Reviewed Scientific Publications where the Main Scientific Results of Ph.D. and Doctoral Theses (by applicants for Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees) in scientific specialties and their respective branches should be published:

Social Structure, Social Institutions and Processes (Social Sciences)
Political Institutions, Processes, Technologies (Political Sciences)
International Relations (Political Sciences)
Economic Sociology (Social Sciences)
Demography (Social Sciences)
Demography (Economic Sciences)
Political Sociology (Social Sciences)
Political Sociology (Political Sciences)
Sociology of Culture (Social Sciences)
Sociology of Management (Social Sciences)
Public Administration and Sectoral Policies (Political Sciences)

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons "Attribution"
(«Атрибуция») 4.0 Всемирная

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Глушко Дмитрий Евгеньевич – главный редактор, кандидат педагогических наук, ректор Национального исследовательского Мордовского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4321-4191>, rector@adm.mrsu.ru (Саранск, Российская Федерация)

Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора, доктор социологических наук, профессор, директор НИИ регионологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Саранск, Российская Федерация)

Гордина Светлана Викторовна – ответственный секретарь, кандидат педагогических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2265-418X>, gordinaedu@gmail.com, inted@mail.ru (Саранск, Российская Федерация)

Ахмад Наср Салех Мохамад – профессор бухгалтерского учета, факультет бухгалтерского учета Университета Гарьяна, генеральный директор Института персонала Ливийской академии, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2057-2220>, nassr_ahmad@yahoo.co.uk (Гарьян, Ливия)

Антонова Наталья Леонидовна – доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной социологии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2063-4970>, n.l.antonova@urfu.ru (Екатеринбург, Российская Федерация)

Бахлов Игорь Владимирович – доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bahlov@mail.ru (Саранск, Российская Федерация)

Белоножка Марина Львовна – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5517-3740>, mlb@inbox.ru (Тюмень, Российская Федерация)

Великая Наталия Михайловна – доктор политических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института социально-политических исследований – обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5532-844X>, natalivelikaya@gmail.com (Москва, Российская Федерация)

Дахин Андрей Васильевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и теории государства и права Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, nn9222@rambler.ru (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Дружинин Павел Васильевич – доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела моделирования и прогнозирования регионального развития Института экономики Карельского научного центра Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Петрозаводск, Российская Федерация)

Дулина Надежда Васильевна – доктор социологических наук, доцент, профессор, и. о. заведующего кафедрой социологии и политологии Волгоградского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@yandex.ru (Волгоград, Российская Федерация)

Жигунова Галина Владимировна – доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социальных наук Мурманского арктического государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7981-9278>, galina-zhigunova@yandex.ru (Мурманск, Российская Федерация)

Зубок Юлия Альбертовна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной и научно-образовательной деятельности, руководитель Центра социологии молодежи Института социально-политических исследований – обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3108-2614>, vzubok@mail.ru (Москва, Российская Федерация)

Кизима Сергей Анатольевич – доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений Академии управления при Президенте Республики Беларусь, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0725-5391>, kizima@mail.ru (Минск, Республика Беларусь)

Кулибанова Валерия Вадимовна – доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник лаборатории комплексного исследования пространственного развития регионов Института проблем региональной экономики Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6881-2812>, valerykul@mail.ru (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Лапин Анатолий Евгеньевич – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономического анализа и государственного управления Ульяновского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eagov01@mail.ru (Ульяновск, Российская Федерация)

Миролюбова Татьяна Васильевна – доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2933-5077>, mirolubov@list.ru (г. Пермь, Российская Федерация)

Немировский Валентин Геннадьевич – доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Москва, Российская Федерация)

Никитаева Анастасия Юрьевна – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой информационной экономики Южного федерального университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0406-7440>, a_nikitaeva@list.ru (г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Рожкова Лилия Валерьевна – доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой экономической теории и международных отношений Пензенского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7058-4871>, mamaeva_lv@mail.ru (Пенза, Российская Федерация)

Садвокасова Айгуль Какимбековна – доктор социологических наук, заместитель директора Института прикладных этнополитических исследований Министерства информации и общественного развития Республики Казахстан, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, aigul-kaz@yandex.ru (Астана, Казахстан)

Спринчан Сергей Леонидович – доктор политологии, доцент, ученый секретарь и ведущий научный сотрудник Института юридических, политических и социологических исследований Академии наук Молдовы, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Кишинев, Республика Молдова)

Судьин Сергей Александрович – доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3625-6804>, sergeysudin@fsn.unn.ru (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Фролова Елена Викторовна – доктор социологических наук, профессор Департамента социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8958-4561>, efrolova06@mail.ru (Москва, Российская Федерация)

Ярош Ольга Борисовна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры маркетинга, торгового и таможенного дела, главный научный сотрудник Лаборатории нейромаркетинга и поведенческой экономики Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9663-2528>, iarosh.olga.cfu@gmail.com (г. Симферополь, Российская Федерация)

EDITORIAL BOARD

Dmitriy E. Glushko – Editor-in-Chief, Cand. Sci. (Ped.), Rector of National Research Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4321-4191>, rector@adm.mrsu.ru (Saransk, Russian Federation)

Sergey V. Polutin – Deputy Editor-in-Chief, Dr. Sci. (Sociol.), Full Professor, Director of Research Institute of Regionology, National Research Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Saransk, Russian Federation)

Svetlana V. Gordina – Executive Editor, Cand. Sci. (Ped.), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2265-418X>, gordinaedu@gmail.com, inted@mail.ru (Saransk, Russian Federation)

Nassr S. M. Ahmad – Professor of Accounting, Faculty of Accounting, University of Gharyan, General Manager of Human Resources Development Institute, Libyan Academy, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2057-2220>, nassr_ahmad@yahoo.co.uk (Gharian, Libya)

Natalya L. Antonova – Dr. Sci. (Sociol.), Full Professor, Professor, Department of Applied Sociology, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2063-4970>, n.l.antonova@urfu.ru (Ekaterinburg, Russian Federation)

Igor V. Bakhlov – Dr. Sci. (Polit.), Associate Professor, Head of Department, Department of World History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bakhlov@mail.ru (Saransk, Russian Federation)

Marina L. Belonozhko – Dr. Sci. (Sociol.), Full Professor, Head of Department, Department of Marketing and Municipal Administration, Industrial University of Tyumen, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5517-3740>, mlb@inbox.ru (Tyumen, Russian Federation)

Andrey V. Dakhin – Dr. Sci. (Philos.), Full Professor, Professor, Department of History and Theory of State and Law, Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, nn9222@rambler.ru (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

Pavel V. Druzhinin – Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher, Department of Modeling and Prognostication of Regional Development, Institute of Economics, Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Petrozavodsk, Russian Federation)

Nadezhda V. Dulina – Dr. Sci. (Sociol.), Full Professor, Acting Head of Department, Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@yandex.ru (Volgograd, Russian Federation)

Elena V. Frolova – Dr. Sci. (Sociol.), Full Professor, Professor, Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8958-4561>, efrolova06@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

Sergey A. Kizima – Dr. Sci. (Polit.), Full Professor, Professor, Department of International Relations, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0725-5391>, kizima@mail.ru (Minsk, Republic of Belarus)

Valeriia V. Kulibanova – Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher, Laboratory of Complex Research of the Spatial Development of Regions, Institute for Regional Economic Studies, the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6881-2812>, valerykul@mail.ru (St. Petersburg, Russian Federation)

Anatoly E. Lapin – Dr. Sci. (Econ.), Full Professor, Head of Department, Department of Economic Analysis and Public Administration, Ulyanovsk State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eagov01@mail.ru (Ulyanovsk, Russian Federation)

Tatyana V. Mirolubova – Dr. Sci. (Econ.), Full Professor, Dean of the Faculty of Economics, Perm State National Research University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2933-5077>, mirolubov@list.ru (Perm, Russian Federation)

Valentin G. Nemirovskiy – Dr. Sci. (Sociol.), Full Professor, Leading Researcher, Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

Anastasia Yu. Nikitaeva – Dr. Sci. (Econ.), Full Professor, Head of the Department of Information Economics, Southern Federal University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0406-7440>, a_nikitaeva@list.ru (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Liliya V. Rozhkova – Dr. Sci. (Sociol.), Associate Professor, Head of Department, Department of Economic Theory and International Relations, Penza State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7058-4871>, mamaeva_lv@mail.ru (Penza, Russian Federation)

Aigul K. Sadvokassova – Dr. Sci. (Sociol.), Deputy Director of Institute of Applied Ethnopolitical Research, Ministry of Information and Social Development of the Republic of Kazakhstan, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, aigul-kaz@yandex.ru (Astana, Republic of Kazakhstan)

Serghei L. Sprincean – Dr. Sci. (Polit.), Associate Professor, Academic Secretary and Leading Researcher, Institute of Legal and Political Research, Academy of Sciences of Moldova, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Chisinau, Republic of Moldova)

Sergei A. Sudin – Dr. Sci. (Sociol.), Associate Professor, Head of Department, Department of General Sociology and Social Work, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3625-6804>, sergeysudin@fsn.unn.ru (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

Nataliya M. Velikaya – Dr. Sci. (Polit.), Full Professor, Deputy Director for Science and Research, Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5532-844X>, natalivelikaya@gmail.com (Moscow, Russian Federation)

Olga B. Yarosh – Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor of Marketing, Trade and Customs Department Affairs, Leading Researcher, Laboratory of Neuromarketing and Behavioral Economics, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9663-2528>, iarosh.olga.cfu@gmail.com (Simferopol, Russian Federation)

Galina V. Zhigunova – Dr. Sci. (Sociol.), Associate Professor, Head of Department, Department of Philosophy and Social Sciences, Murmansk Arctic State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7981-9278>, galina-zhigunova@yandex.ru (Murmansk, Russian Federation)

Yulia A. Zubok – Dr. Sci. (Sociol.), Full Professor, Deputy Director for Science and Education, Head of the Center for Sociology of Youth, Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3108-2614>, vzubok@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Политические институты, процессы и технологии

Ирхин А. А., Москаленко О. А., Кабанова Н. Е., Демешко Н. Э. Имперское возрождение: соперничество и сотрудничество России и Турции в Черноморском регионе (политико-исторический анализ) 214

Бахлова О. В., Бахлов И. В. Тема исторической памяти в дискурсе и практике парламентских партий России: федеральный и региональный уровни 238

Политическая регионалистика. Этнополитика

Головацкий Е. В., Кранзеева Е. А., Орлова А. В. Социально-политическое взаимодействие горожан и власти в условиях транспортных нововведений (реформа городов Кузбасса) 255

Великая Н. М., Тартыгашева Г. В., Новоженина О. П. Представления о геополитическом будущем России как фактор консолидации российского общества 275

Экономика и управление народным хозяйством

Васина А. В., Киселева О. Н., Сысоева О. В. Практика реализации концепции открытых инноваций в России: государственный, региональный и корпоративный уровни 294

Макаренко Е. Н., Тяглов С. Г., Шевелева А. В. Вовлечение в хозяйственный оборот отходов производства: российский и европейский опыт 313

Прокопьев Е. А. Средняя заработная плата в Северо-Западном федеральном округе: оценка территориальных диспропорций на поселенческом уровне 335

Экономическая социология и демография

Шубат О. М. Экономические детерминанты рождений высоких порядков в России: исследование на основе анализа региональной дифференциации 357

Социальная структура, социальные институты и процессы

Нгуен Х. Х. Социальная адаптация пожилых людей к цифровой трансформации общества: социологические исследования в Ханое и Хошимине (Вьетнам) 375

Абрамова С. Б., Антонова Н. Л. Молодежь региона в поисках гражданской идентичности: цифровое участие и модель наблюдателя 393

Информация для авторов и читателей 411

CONTENTS**Political Institutions, Processes and Technologies**

- Irkhin A. A., Moskalenko O. A., Kabanova N. E., Demeshko N. E.** The Rebirth of Empires: Contest and Cooperation of Russia and Türkiye in the Black Sea Region (Political and Historical Analysis) 214

- Bakhlova O. V., Bakhlov I. V.** The Theme of Historical Memory in the Discourse and Practice of Parliamentary Parties in Russia: Federal and Regional Levels 238

Political Regional Studies. Ethnopolitics

- Golovatsky E. V., Kranzeeva E. A., Orlova A. V.** Socio-Political Interaction of Citizens and Authorities in the Context of Transport Innovations (Reform of Kuzbass Cities) 255

- Velikaya N. M., Tartygasheva G. V., Novozhenina O. P.** Ideas about the Geopolitical Future of Russia as a Factor of Russian Society Consolidation 275

Economics and Management of National Economy

- Vasina A. V., Kiseleva O. N., Sysoeva O. V.** Implementing the Concept of Open Innovations in Russia: State, Regional and Corporate Level 294

- Makarenko E. N., Tyaglov S. G., Sheveleva A. V.** Involvement in the Economic Circulation of Production Waste: Russian and European Experience 313

- Prokopyev E. A.** The Average Wage in the North-West Federal District: An Assessment of Territorial Disparities on a Settlement Level 335

Economic Sociology and Demography

- Shubat O. M.** Economic Determinants of High Order Births in Russia: The Study Based on the Analysis of Regional Differentiation 357

Social Structure, Social Institutions and Processes

- Nguyen H. H.** Social Adaptation of the Elderly to Digital Transformation of Society: The Sociological Research in Hanoi Capital and Ho Chi Minh City (Vietnam) 375

- Abramova S. B., Antonova N. L.** Regional Youth in Search of Civic Identity: Digital Participation and the Observer Model 393

- Information for Authors and Readers of the Journal** 411

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ / POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

УДК 94(470)"1991..."(560)

doi: 10.15507/2413-1407.123.031.202302.214-237

Оригинальная статья

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Имперское возрождение: соперничество и сотрудничество России и Турции в Черноморском регионе (политико-исторический анализ)

А. А. Ирхин

О. А. Москаленко ✉

Н. Е. Кабанова

Н. Э. Демешко

*Севастопольский государственный университет
(г. Севастополь, Российская Федерация)
✉ kerulen@bk.ru*

Аннотация

Введение. Современные Россия и Турция являются динамично развивающимися геополитическими центрами, активно участвующими в формировании новой модели международных отношений. Цель статьи – определить влияние исторических моделей и закономерностей взаимодействия двух государств на современное сотрудничество и возможное столкновение в ближайшем будущем и сравнить их основные ресурсные возможности для получения статуса державы в новом мировом порядке.

Материалы и методы. Исследование выполнено в рамках парадигм классической геополитики с использованием системного, геополитического, исторического и цивилизационного подходов. Исторический опыт российско-турецких отношений авторы рассматривают в виде взаимодействия имперских систем, понимая, что ретроспектива как метод научного исследования станет основой прогнозирования дальнейших моделей двусторонних отношений с учетом сопоставления логики политической и исторической географии.

Результаты исследования. Выявлено, что в основе имперской сущности России и Турции лежат евразийские пространственные проекты, что влияет на их современную внешнюю политику. Несмотря на 12 российско-турецких войн, державы никогда не представляли экзистенциальную угрозу друг для друга и имели беспрецедентные периоды политического сближения, но в то же время сталкивались с экзистенциальными вызовами со стороны объединенного Запада. Определено, что сейчас в геополитической сфере Россия и Турция сталкиваются в трех ключевых регионах: Восточном Средиземноморье и Северной Африке, Черноморском регионе, Южном Кавказе и Центральной Азии. Важным вопросом взаимодействия является проблема функционирования Черноморских проливов. Вопрос получил актуализацию после начала специальной военной операции России на Украине, когда Анкара на основании Конвенции Монтрё перекрыла проливы для всех военных кораблей, что играет на пользу России.

© Ирхин А. А., Москаленко О. А., Кабанова Н. Е., Демешко Н. Э., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Обсуждение и заключение. Державное возрождение России и Турции формирует крайне неустойчивый климат двусторонних отношений, внутри которого в настоящее время формируется положительная повестка за счет личного фактора двух президентов, что заставляет решение болезненных вопросов переносить в пространство будущего времени. Такое положение вещей требует качественной научной экспертизы исторического и политического опыта взаимодействия двух держав и моделирования будущих двусторонних отношений.

Ключевые слова: российско-турецкие отношения, имперское возрождение, Черноморские проливы, Черноморский регион, сотрудничество и соперничество России и Турции, турецкий баланс

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00917 (<https://rscf.ru/project/23-28-00917/>).

Для цитирования: Имперское возрождение: соперничество и сотрудничество России и Турции в Черноморском регионе (политико-исторический анализ) / А. А. Ирхин [и др.] // Регионоведение. 2023. Т. 31, № 2. С. 214–237. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.123.031.202302.214-237>

Original article

The Rebirth of Empires: Contest and Cooperation of Russia and Türkiye in the Black Sea Region (Political and Historical Analysis)

A. A. Irkhin, O. A. Moskalenko ✉, N. E. Kabanova, N. E. Demeshko
Sevastopol State University (Sevastopol, Russian Federation)
✉ kerulen@bk.ru

Abstract

Introduction. Modern Russia and Türkiye are dynamically developing geopolitical centers actively participating in the formation of a new model of international relations. The purpose of the research is to determine how historical models and patterns of interaction of the two states have influenced on current cooperation and their possible clash in the near future and compare their main resource opportunities for obtaining the status of a power in the new world order.

Materials and Methods. The study is carried out within the framework of the paradigms of classical geopolitics using system, geopolitical, civilizational and historical approaches. The authors consider the historical experience of Russian-Turkish relations in the form of the interaction of imperial systems.

Results. It's seen that although Russia and Türkiye can be seen as historical antagonists, their imperial nature is based on Eurasian spatial projects that influence their contemporary foreign policy. Despite the 12 Russian-Turkish wars, the powers have never posed an existential threat to each other and have had unprecedented periods of political rapprochement, while at the same time they have faced the existential challenges from the united West. Now, having a significant space for cooperation in the economic and geopolitical sphere, Russia and Türkiye clash in three key regions: the Eastern Mediterranean and North Africa, the Black Sea region, the South Caucasus and Central Asia. The central issue of interaction is the problem of the functioning of the Black Sea straits. The issue was updated after the start of the Special Military Operation of the Russian Federation in Ukraine, when Ankara, on the basis of the Montreux Convention, blocked the straits for all warships that benefits Russia.

Discussion and Conclusion. The sovereign revival of Russia and Türkiye is a reason for an extremely unstable climate of bilateral relations, within which a positive agenda is currently being formed due to the personal factor of the two presidents: painful issues to be postponed for future. This state of affairs requires a qualitative scientific examination of the historical and political experience of the interaction of the two powers and modeling of future bilateral relations.

Keywords: Russian-Turkish relations, imperial revival, Black Sea Straits, Black Sea Region, cooperation and contest of Russia and Türkiye, Turkish balance

Conflict of interests. The authors declare that there is no conflict of interest.

Acknowledgements. The research was supported by the Russian Science Foundation (project No. 23-28-00917, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00917/>).

For citation: Irkhin A.A., Moskalenko O.A., Kabanova N.E., Demeshko N.E. The Rebirth of Empires: Contest and Cooperation of Russia and Türkiye in the Black Sea Region (Political and Historical Analysis). *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(2):214–237. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.123.031.202302.214-237>

Введение. Новый постбиполярный мир ближайшего будущего, вероятно, сильно напомнит мир новых империй, синтез Вестфальской, Венской и Ялтинской систем международных отношений: национальные интересы, «концерт ряда великих держав» и преобладание в нем сверхдержав – явных лидеров в военной, экономической, технологической и культурной сферах. Российская Федерация и Турецкая Республика – в прошлом две империи, которые в первом десятилетии XXI в. вновь начинают заявлять о себе как великие державы, демонстрируя имперскую сущность и традиции, активно участвуя в формировании нового мирового порядка. Оба государства переосмысливают итоги неудачных для себя войн, которые привели к потере геополитического потенциала: Россия пересматривает итоги окончания холодной войны, а Турция – Первой мировой. Во внутренней политике в начале XXI в. две державы также переживают схожие процессы: с разницей в один год к власти в государствах приходят правящие политические партии (Партия справедливости и развития в Турции (2002 г.) и партия «Единая Россия» в России (2003 г.)), которые используют риторику великого имперского прошлого и возрождают веру и перспективу на великое будущее.

Цель статьи – по результатам проведенного исследования определить влияние исторических моделей и закономерностей взаимодействия двух государств на современное сотрудничество и возможное столкновение в ближайшем будущем и сравнить основные ресурсные возможности России и Турции как региональных держав в Черноморском регионе. Объектом исследования являются российско-турецкие отношения в системе международных отношений, предметом – политический курс руководства России и Турции, направленный на получение и признание статуса великих держав в процессе формирования новой модели международных отношений.

В процессе работы решались следующие задачи:

- 1) исследовать исторический опыт взаимодействия двух империй и на его основе определить модели будущего развития двусторонних отношений;
- 2) сравнить ресурсные возможности России и Турции, а также других претендентов на лидерство в регионе и путем сопоставления ресурсных данных спрогнозировать траектории возможных кризисов и столкновений.

Обзор литературы. В последнее десятилетие западная наука демонстрирует значительный интерес к осмыслению феномена империи – и в исторической ретроспективе, и в современном преломлении. В том числе в более широком контексте имперской истории часто рассматривается эволюция турецкой и российской держав. Впрочем, заметна эта тенденция и у турецких ученых.

В рамках понимания империи как политического устройства, где центр контролирует периферию значительных размеров, рассматривает развитие Турции Л. Бергер: при первом типе центр кооптирует местные элиты в имперскую элиту (австрийский тип), при втором – контроль за пределами местного уровня возлагается на людей из центра (британский тип). Классическая Османская

империя была империей второго типа, которую контролировали выходцы из центра (например, с Балканского полуострова). В последние десятилетия своего существования она эволюционировала до «австрийского» варианта, но тогда уже империи «австрийского» типа воспринимались как опрессивные, что не защитило ее от натиска национализма. Однако именно вследствие этого государства – правопреемники Империи (и в первую очередь Турецкая Республика) вооружились национализмом для сопротивления империалистам «британско-го» толка [1]. Г. Дерлюгян исходит из понимания империи как среднесрочного успешного результата силовой стратегии: к «пороховым империям» относятся территориальные образования, созданные португальцами, русскими-москвитами и турками-османами. Пережив эпический успех, все три империи вынуждены были отступить перед капиталистическими организациями Западной Европы и развиваться в основном в ответ на расширение капиталистических сетей торговли, инноваций и геополитики. В этот период Португалия, Турция и Россия столкнулись со многими схожими дилеммами, использовали схожие стратегии и прошли примерно одинаковые этапы кризиса и адаптации [2].

Принцип географического детерминизма становится ведущим во многих исследованиях, заявляющих неминуемое проявление имперской сущности России и Турции и характеризующих ее как основу внешнеполитических стратегий обеих держав. Так, по мнению профессора Стамбульского университета М. Доган, географическое положение Турции определяет всю историю ее развития как имперского центра: расположившись на пересечении важных коммуникаций разного рода, Турция не только соединяет окружающие ее государства, но и образует ось Европы и Азии. Турецкая география, сыгравшая предопределяющую роль в период крестовых походов, в османский период, в Первую и Вторую мировые войны, во время холодной войны и российско-украинского конфликта, неминуемо будет выводить Турцию на важные позиции нового мирового порядка, каким бы он ни был [3]. Географическое положение России и Турции на стыке Европы и Азии и общая историческая идентичность, проистекающая из прошлого опыта в качестве центров силы крупных сухопутных империй, определяют внешнюю политику двух региональных лидеров на современном этапе, которая характеризуется устойчивыми политическими, социальными, торговыми и культурными связями с евразийским регионом. При этом сходства в подходах неминуемо приведут к усилению конкуренции в будущем [4]. Хотя во многих западных исследованиях звучат опасения о том, что Россия и Турция, несмотря на тактические разногласия, могут образовать «стратегическую ось» в евразийском регионе [5–8]. У ученых преобладает негативное отношение к перспективе возрождения имперских центров (не только России и Турции, но и Китая, Ирана) с агрессивной внешней политикой [9; 10] – с одной стороны, а с другой – подчеркивается необоснованность претензий империй на возвращение [11].

В отечественной гуманитарной науке ощущается недостаток исследований, направленных на осмысление взаимоотношений России и Турции именно в имперской парадигме. Тем не менее можно констатировать значительную разработку темы собственного геополитического проекта Турции, представленного

неоосманизмом, пантюркизмом и панисламизмом [12; 13], и неоосманизма как курса Турции на империализацию [14–16]; уделяется внимание тенденции создания Турцией единого туркоцентричного пространства [17; 18], что закономерно ставит вопрос о рассмотрении российско-турецкого взаимодействия.

Материалы и методы. Исследование выполнено в рамках парадигм классической геополитики с использованием системного, цивилизационного и исторического подходов. Системный подход с творческим набором научных методов позволяет исследовать российско-турецкие отношения в виде единой многогранной, многосторонней, диалектической и устойчивой во времени системы. Исторический опыт российско-турецких отношений мы рассматриваем в виде взаимодействия имперских систем; в основе прогнозирования дальнейших моделей двусторонних отношений России и Турции лежит ретроспективный метод научного исследования с учетом сопоставления логики политической и исторической географии.

Как отмечают авторы Академического словаря теории и истории империй, понятие «империя», будучи одним из ключевых в человеческой истории, получает в науке довольно одностороннее осмысление, что связано с выведением его в преимущественно политическую плоскость и наделение в таком ракурсе негативными смыслами: в этом значении империи всегда противопоставляются свободному миру. Таким образом, негативная оценка империй как политических структур заслоняет конструктивность и историческую эффективность имперских организмов¹.

Выделим несколько подходов к осмыслению понятия «империя», которые отражают не только негативные аспекты политического устройства, но и их созидательную функцию.

Французский политолог А. Ле Бра-Шопар выделяет следующие критерии империй:

1) территория, значительно превышающая средние для своей эпохи и региона;

2) этническая разнородность, основанная на географическом факторе, тем не менее компенсируемая религиозным, языковым, культурно-экономическим единством;

3) длительное существование во времени;

4) власть сосредоточена в руках одного лица или партии;

5) империя стремится к неограниченной гегемонии². С. И. Каспэ формулирует гипотезу имперской системы как «способа разрешения конфликтогенных напряжений, возникающих при столкновении универсалистских культурно мотивированных политических ориентаций с реальным разнообразием и разнородностью представленных в конкурентном политическом пространстве политических культур. Эта гипотеза позволяет рассматривать различные компоненты имперской структуры с точки зрения того, в какой степени и какими методами они обеспечивают культурно-политическую интеграцию пространства империи

¹ Академический словарь теории и истории империй. СПб. : Санкт-Петербургский университет. Исторический факультет, 2012. С. 5.

² Chopard-Bras A. Empire // Dictionnaire constitutionnelle. Paris, 1992. P. 358.

и, таким образом, становятся базой как для структурно-функционального анализа имперских систем, так и для перехода от синдромного определения империи к генетическому»³.

По мнению Ш. Айзенштадта, основной причиной возникновения империй является «выдвижение в период обострения социальных конфликтов и кризиса традиционных политических механизмов новаторской элиты, которая стремится к восстановлению социального порядка, но не к его примитивной реставрации. В процессе создания нового механизма управления центральная элита опирается на наиболее активные и профессиональные культурные группы, которые находятся в оппозиции к традиционным аристократическим группам, а также на более широкие массы, заинтересованные в установлении более справедливого социального порядка. При их помощи центральная власть выводит из-под контроля традиционных элит наиболее ценные виды ресурсов, которые ставит под свой контроль, а при необходимости распределяет в пользу слоев, составляющих опору империй»⁴. Предпосылками для распада империй является частичная автономизация сферы политической системы легитимации. При этом создание абсолютно новой системы секулярной и рационально обоснованной легитимации власти воспринимается имперской элитой, при которой рушится Большое пространство, как противоречащее своим интересам.

Наиболее удачными среди прочих определений параметров империй является трактовка, которую приводит С. Переслегин: «...Игроками на мировой шахматной доске являются только Империи – государства, для которых выполняются следующие условия:

1. Есть осознание населением или элитами ассоциированности с одной из самостоятельных геополитических структур.
2. Существует один или несколько этносов, соотносящих себя с данным государством.
3. Хотя бы одним из этих этносов проявлена пассионарность в форме господствующей идеологии.
4. У государства наличествует определенное место в мировой системе разделения труда.
5. Государство смогло сформировать собственную уникальную цивилизационную миссию, иными словами, оно способно ответить на вопрос, зачем оно существует»⁵.

В последние годы наблюдается значимая тенденция рассматривать усиление позиций отдельных акторов на геополитической арене в контексте имперского возрождения.

Результаты исследования. Годом начала межгосударственных отношений Московского княжества и Османской империи считается 1492 г., за пять с лишним последующих столетий два государства 12 раз оказывались в состоянии войны друг с другом и провели так в общей сложности 69 лет. Больше ни с одним

³ Каспэ С. И. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М. : РОССПЭН, 2001. С. 35.

⁴ Там же. С. 23.

⁵ Переслегин С. Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. М. : АСТ; СПб. : Terra Fantastica, 2005. С. 31.

соседом эти страны не воевали так часто и так долго. Во многом развитие этих империй происходило схожим, синхронным образом, а их государственные интересы далеко не всегда оказывались противоположными. Как отношения России и Турции, так и их войны нельзя рассматривать только в рамках двусторонних отношений: проблема более сложная и имеет международный характер⁶. Наряду с продолжительными войнами в российско-турецких отношениях были периоды беспрецедентного сближения: 1799–1805, 1833–1840, 1920–1939, 2004–2011 гг. Если сравнить мирные периоды и периоды войн в российской истории, то окажется, что за более чем 500-летнюю историю от Куликовской битвы до Брестского мира 288 лет из 334, проведенных в войнах, пришлось на столкновения с Западом⁷.

Возникнув примерно одновременно (вторая половина XV – начало XVI в.), Московское государство и Османская империя почти в одно время (по итогам Первой мировой войны) распались как имперские образования. Однако большевики пересобрали Российскую империю на новых политических смыслах в рамках СССР, а кемалистская Турция почти столетие – с 1923 по 2002 г. – подражала Западу в своем развитии, пытаясь стать его частью. После развала СССР Российская Федерация переживала тождественные процессы, отказавшись на время от собственной имперской природы.

При поверхностной оценке Турция и Россия могут показаться антиподами, хотя на деле можно выделить значительные объединяющие факторы. Оба государства перенимали от Европы и Азии и политические, и культурные традиции, формировались как евразийские державы; они стремились не только к политическому господству в своих цивилизациях, но и к духовному: претендовали на роль стержневых государств (С. Хантингтон). Оба государства тяжело интегрировались в мировую капиталистическую систему и становились ее экономической полупериферией, проходя болезненные процессы догоняющей модернизации. Несмотря на то, что обе державы являются стержневыми для своих цивилизаций, та же методология цивилизационного подхода позволяет их определять как разорванные державы, когда элиты и часть населения стремятся стать частью другой, в данном случае Западной, цивилизации⁸.

Ретроспективный анализ развития двух имперских пространств позволяет выделить основные проблемы, которые приводили к перманентному столкновению. Эта методика выделения данных конфликтных точек, имеющих историческое и геополитическое измерение, позволяет прогнозировать, что в условиях державного возрождения Москвы и Анкары они снова будут актуализированы.

Обмен первыми дипломатическими документами между государствами произошел в 1492 г., вскоре после чего при посредничестве крымского хана Менгли-Гирея Иван III направил ко двору Баязида II посольство во главе с Михаилом Плещеевым. Османы раньше стали на имперский путь, что повлияло на

⁶ Орешкова С. Ф. Войны России с Османской империей: причины и некоторые исторические итоги // Российско-турецкие отношения: современное состояние и перспективы. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2003. С. 21.

⁷ Кара-Мурза С. Г. Демонтаж народа. М.: Алгоритм, 2008. С. 394.

⁸ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2016.

отношение Стамбула к Москве, который первое время не уделял значительного внимания контактам с русскими, и лишь к 1514 г. в Москву был отправлен первый османский посол.

Первое русско-турецкое столкновение состоялось в 1569–1570 гг. из-за амбициозных планов османской стороны в отношении недавно присоединенных мусульманских российских территорий Астрахани, что предполагалось закрепить путем строительства канала между Волгой и Доном с последующим выходом в Азов, где стоял османский флот. Однако, хотя и произошло обострение между государствами, османам не удалось закрепиться на русском Каспии, а усилиями Новосельцева, прибывшего в 1570 г. в Стамбул, кризис был преодолен. В то же время этот исторический сюжет, связанный со стремлением Османской империи через мусульманские регионы России получить пространственные приращения, должен быть интересен в свете современной внешнеполитической активности Анкары.

В XVII в. вторая русско-турецкая война стала серьезным столкновением османов и русских на территории современной Украины за крепость Чигирин. В 1680 г. султан хотел лично возглавить армию, выдвинутую к Эдирне для решения «русского вопроса». По просьбе России и при посредничестве крымского хана Мурат-Гирея в феврале 1681 г. в Бахчисарае было подписано русско-турецкое перемирие сроком на 20 лет⁹. В середине XVII в. включение части Украины в состав Российского государства стало причиной новых трудностей. Тогда украинская казацкая верхушка в борьбе с Речью Посполитой, а позднее и Россией, стала обращаться за поддержкой к Османской империи в лице Крымского ханства. В 1669 г. договоренность гетмана Петра Дорошенко с турецким султаном дала повод османам надеяться на включение украинских земель в свои владения, причем без серьезных материальных и людских затрат, что подтвердила и война с Польшей в 1672 г. Стамбул рассчитывал использовать завоеванные подольские земли для поддержания вошедшей в кризис тимарной системы и установить более надежный контроль за своими пограничными вассальными владениями – Дунайскими княжествами, Крымским ханством и другими татарскими юртами Северного Причерноморья. Однако экономические расчеты османов на Подолью и другие украинские земли провалились. Ослабленная недавними войнами и внутренними усобицами Османская империя не рассчитывала восстанавливать разрушенную и обезлюдевшую страну¹⁰.

В дальнейшем геополитическое пространство современной Украины неоднократно возникает в столкновении османской и российской имперских систем, что является важным аспектом для понимания современной политики руководства Турции в отношении украинского пространства.

12 русско-турецких войн в целом показывали тенденцию расширения Российской империи за счет пространственных позиций Османской империи. Каждая последующая война отдаляла российский центр от досягаемости османских армий, расширяя либо непосредственно российское пространство, либо сферу

⁹ Актюн М. Черноморские проливы: незримые связи // Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы : сб. ст. конф. / отв. ред.: Н. Ю. Ульченко, Г. Казган. М. : ИВ РАН, 2003. С. 43.

¹⁰ Орешкова С. Ф. Войны России с Османской империей... С. 22.

влияния России. Начиная с третьей русско-турецкой войны (1686–1700 гг.) в двусторонних конфликтах стали присутствовать коалиционный и международный аспекты, которые выводят противостояния на уровень широких международных и стратегических комбинаций и проблем.

Переломным моментом в имперском противостоянии стали военные успехи Екатерины II, которая в результате двух русско-турецких войн (1768–1774, 1787–1791 гг.) заключила Кючук-Кайнарджийский мирный договор (1774), присоединила Крым через девять лет и закрепила этот успех по итогам следующего конфликта и Ясского мирного договора (1791). В результате Кючук-Кайнарджийского мирного договора, среди прочих условий, Россия получила возможность покровительства православной церкви в Османской империи. В современных условиях такая статья мирного договора означала бы ограничение внутреннего суверенитета Турции. Фактически условия договора 1774 г. определяли систему координат взаимодействия России и Турции вплоть до начала Крымской войны 1853–1856 гг.

С момента выхода и закрепления России у черноморских берегов одной из центральных международных проблем, далеко выходящих за рамки двусторонних российско-турецких отношений, становится вопрос регулирования режима проходов судов через Черноморские проливы. Черноморские проливы Босфор и Дарданеллы как политический объект начинают испытывать влияние трех подходов: турецкого, российского и международного. Последний связан с влиянием сильной нерегиональной державы либо альянса держав.

При рассмотрении турецкого подхода к Черноморским проливам необходимо учитывать, что до Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г. Турция рассматривала Черное море как гарем султана, и ни одному иностранному судну не дозволено было заходить в его воды¹¹. В дальнейшем эта модель – закрытия Черноморских проливов для всех военных кораблей в мирное время – была восстановлена Лондонской конвенцией 1841 г. как древнее правило Османской империи. Проблемы существования режима Черноморских (турецких) проливов в дальнейшем становятся предметом не только российско-турецких отношений, но и более широкой международной повестки. И здесь для Турции особую важность приобретает вопрос сохранения фактора национального контроля наряду с присутствием международного аспекта в различных моделях, где проливы могли переходить под международный контроль.

Примечательно, что по условиям Кючук-Кайнарджийского договора вопрос прохода русских военных кораблей не был решен. Позднее право свободного прохода через Турецкие проливы получили торговые суда государств, не находящихся с Турцией в состоянии войны. Русско-турецкие союзные договоры 1799 и 1805 гг. позволили проход российских транспортных и военных судов через Черноморские проливы. В 1806 г. под давлением наполеоновской дипломатии Турция вновь закрыла Босфор и Дарданеллы для российских военных кораблей. Адрианопольский мирный договор по итогам русско-турецкой войны 1828–1829 гг. утвердил свободу торгового мореплавания в проливах, но в нем отсутствовали положения, определявшие военное судоходство.

¹¹ Акгюн М. Черноморские проливы: незримые связи. С. 44.

26 июня (8 июля) 1833 г. Ункяр-Искелесийским договором о мире, дружбе и оборонительном союзе между Россией и Турцией правительство Российской империи вновь добилось права прохода через Черноморские проливы для своих военных кораблей. При этом Турция обязалась закрывать проливы для военных кораблей нечерноморских держав по требованию России¹². Далее были заключены Лондонская (1841) и Лозаннская (1923) конвенции с диаметрально противоположными принципами функционирования Черноморских проливов.

Второй парадигмой турецкой политики в отношении Черноморских проливов является использование фактора проливов Стамбулом, а после Анкарой, в качестве геостратегического аспекта, существенно повышающего геополитическую роль Турции в региональных военно-политических проблемах и балансе сил, который выводил Османскую империю и продолжает выводить Турецкую Республику на уровень регионального и глобального влиятельного игрока. К этим манипуляциям можно отнести и проект канала «Стамбул», который с 2011 г. активно эксплуатируется в международном информационном пространстве и предполагает создание искусственного судоходного канала, параллельного Босфору.

В 1877 г. русский ученый Н. Я. Данилевский в одном из своих трудов под одноименным названием «Проливы» подробно разбирает стратегическое значение Черноморских проливов для России: его анализ спустя 145 лет не потерял актуальности для современной геополитической ситуации вокруг водной артерии и отражает российскую дилемму между разными режимами. По мнению Н. Я. Данилевского, нейтрализация Черноморских проливов означает, что военные корабли ни одной державы не должны проходить через проливы. Русский Черноморский флот, следовательно, остался бы запертым в Черном море и практически не имел надежды когда-либо высвободиться из этого плена, так как запрещение входа и выхода было бы наложено на него не только Турцией, а общим решением Европы при документированном согласии России¹³. В сущности, нейтрализация проливов приводит к тому, что они заперты для одной России, но открыты для Турции и ее союзников¹⁴, – резюмирует Данилевский. Далее он приходит к выводу, что полная либерализация и свобода прохода через проливы угрожает не меньше России, чем их закрытие (нейтрализация): «Напротив того, свободное плавание (для военных судов) по проливам есть нарушение самых прямых интересов России, потому что для держав, не имеющих в Черном море никаких владений, а следовательно, и никаких оборонительных интересов, оно имеет лишь интерес чисто наступательный, даст им новое средство нападать на Россию. <...> Право свободного выхода из Черного моря русским военным судам есть право выхода из своего внутреннего двора на вольный Божий свет...»¹⁵.

¹² К 145-летию со дня подписания в Лондоне конвенции европейских держав о режиме Черноморских проливов [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/34Anx6> (дата обращения: 10.01.2023).

¹³ Данилевский Н. Я. Горе победителям. М.: «АЛИР», ГУП «ОБЛИЗДАТ», 1998. С. 79.

¹⁴ Там же. С. 80.

¹⁵ Там же. С. 99.

За более чем полстолетия до появления Конвенции Монтрё заключения Н. Я. Данилевского в общем предвосхитили ее суть: «...все же оказывается ...совместное с Турцией владение проливами России не нарушает никаких прямых интересов, уже по одному тому, что составляет естественное последствие обладания Россиею большей частью берегов Черного моря. Это есть необходимое последствие происшедших в течение столетий перемен, по которым берега Черного моря из исключительного владения Турции перешли значительную долю во владение России»¹⁶.

Британия и позднее США придерживались и придерживаются принципа свободы мореплавания, в том числе в отношении Черного моря. Этот подход удалось в полной мере реализовать Западу после Крымской войны. А во время Крымской войны 1853–1856 гг. Турция открыла проливы для Великобритании и Франции, предоставив возможность флоту врагов Российской империи войти в Черное море и атаковать Крым. Неудачный для России ход войны вынудил русских принять навязанные условия мира и подписать 18 (30) марта 1856 г. Парижский мирный договор (Парижский трактат), согласно которому Черное море объявлялось европейским (нейтральным) морем¹⁷.

Шире британская стратегия концентрируется на создании контролируемого пространства между Балтийским и Черным морями, что связано с доступностью балто-черноморского региона для морской державы, с одной стороны, и разделением за счет этой дуги европейской и российской цивилизации – с другой, и созданием механизмов ключевого влияния на оба субъекта – с третьей.

В исторической ретроспективе взаимодействия Российской и Османской империй необходимо подчеркнуть часто повторяющийся сюжет, когда обе империи становились подсистемами британского или французского империализма и выступали либо союзниками, либо участвовали в противостоянии мировых держав по разные стороны. С 1688 по 1815 г. Франция и Великобритания воевали за доминирование в мире, формируя расширенные рамки внешнеполитических возможностей для региональных держав, какими на тот момент являлись Османская и Российская империи [19].

В исторической ретроспективе Россия и Турция конкурируют также в цивилизационном пространстве, а в современном периоде – и национальном, являясь стречневыми государствами православной и исламской цивилизаций. В настоящее время цивилизационные проекты имперской эпохи подкрепляются национально-идеологической идентичностью таких идеологов, как «русский мир» и «тюркский мир» (Türk dünyası). И вот здесь необходимо учитывать лингвистические особенности турецкого языка, которые несколько меняют акценты для восприятия идей «тюркского мира» за пределами Турции и тюркского сообщества: в турецком языке *тюрок* и *турок* имеет одно значение – «Türk», т. е. на турецком языке это – идеи «турецкого мира».

Особенностью же политизации идей пантюркизма является еще один аспект, который необходимо учитывать в процессе понимания турецкой современной экспансии: в период правления кемалистов (1923–2002 гг. с небольшими перерывами

¹⁶ Данилевский Н. Я. Горе победителям. С. 98–99.

¹⁷ Там же.

нахождения военных и оппозиционных партий у власти) пантюркизм популяризировался в 1942–1943 гг. и с 1991 г. до начала 2000-х гг. – в периоды ослабления СССР и Российской Федерации. Очевидно, что после победы во втором туре президентских выборов 28 мая 2023 г. партии Р. Эрдогана и его политического союзника Д. Бахчели продолжают курс на использование тюркского фактора во внешней политике и для внутривластного потребления¹⁸.

Цивилизационный подход позволяет выделить зоны межцивилизационного взаимодействия. Как отмечают Ю. Павленко, Б. Парахонский, «такой зоной цивилизационного стыка и периодически обостряющейся этноконфессиональной напряженности является Крым – важнейший стратегический пункт всего Причерноморья. В древности здесь преобладало влияние непосредственно присутствовавшей на полуострове (город Боспор, Феодосия, Херсонес, Керкинитида) Античной цивилизации в ее ранней древнегреческой, а также эллинистической и поздней греко-римской формах. Последняя, по мере утверждения христианства в Средиземноморско-Черноморском бассейне, органически переросла в Византийско-Восточно-христианское влияние, сочетавшееся с заметным присутствием иудаизма и господством в степной зоне тюркских племен с их традиционным язычеством»¹⁹. Конфессиональные изменения в Крыму начались в XIII в., когда он стал частью Золотой Орды. Если до XV в. в юго-западной и южной частях полуострова преобладало православие, то в 1475 г. в результате турецкого завоевания ислам выходит на ведущие позиции с конца XV в. по конец XVIII в. Развернутая Екатериной II политика христианизации и русификации Крыма была успешно продолжена российскими государями в XIX в. А после выселения крымских татар в 1944 г. славянское, православно-советское и постправославное преобладание стало здесь непререкаемым. Однако на фоне возвращения крымских татар при поддержке Турции на полуострове возросла роль тюрко-мусульманского фактора и он, при сохранении численного политического и социально-экономического преобладания славянского компонента, снова приобрел характер района межцивилизационного взаимодействия²⁰. После 2014 г. взвешенная межконфессиональная политика России компенсирует тенденции активной исламизации крымского региона в период с 1991 по 2014 г.

В своем имперском пути развития Османская империя повлияла на геоэкономические трансформации всего мира, сыграв значительную роль в стимулировании развития мореплавания и новых географических открытий. Так, представляется интересным тезис американского исследователя Дж. Фридмана: «Став после завоевания Константинополя доминирующей военно-морской силой в Восточном Средиземноморье, турки-османы получили контроль над ключевой точкой Шелкового пути; для полного контроля над Средиземным

¹⁸ Имперское возрождение Турции: вызовы для России. Интервью с российским политологом, доктором политических наук Александром Ирхиным [Электронный ресурс] // Крымское армянское общество. URL: <https://kaoluys.ru/2022/01/03/imperskoe-vozzrozhdenie-turcii-vyzovy-rossii-intervju-s-rossijskim-politologom-doktorom-politicheskikh-nauk-aleksandrom-irhinym/> (дата обращения: 10.01.2023).

¹⁹ Павленко Ю. В., Парахонский Б. А. Черноморский регион как зона цивилизационного стыка и место в нем Крыма // Цивилизационная структура мира. Кн. 2. Киев : «Наукова думка» НАН Украины, 2007. С. 522–534.

²⁰ Там же. С. 528–529.

морем им требовался союзник, которым в середине XV в. стала христианская Венеция, а цены на пряности были подняты до небес. Поиск альтернативных путей в Индию в обход Османской империи стал насущной необходимостью: европейские государства хотели найти возможность не отдавать деньги туркам и венецианцам»²¹.

Современная система координат взаимодействия Российской Федерации и Республики Турция в парадигме классической геополитики удачно описана Ш. Актюрком, который утверждает, что после окончания холодной войны для Турции образовался исторический шанс отыграть часть имперских пространств, потерянных в результате взаимодействия с Российской (Советской) имперской системой. Развал СССР создал геополитическую ситуацию, при которой непосредственные соседи Турции, за исключением Ирана, не представляют экзистенциального вызова Турции с точки зрения их скрытой или фактической силы, «периферия» непосредственных соседей Турции включает в себя уже сферы влияния держав, обладающих военными или экономическими возможностями, чтобы угрожать соседям Турции или самой Турции. Таким образом, Турция должна принять «доктрину добрососедского ядра», чтобы не допустить экспансию военной мощи великих держав на свою периферию – пространство непосредственных соседей – и должна стремиться к интеграции со своими непосредственными соседями через двусторонние или многосторонние экономические, политические инициативы и инициативы в области безопасности. Иными словами, Турция должна обеспечить неприкосновенность границ своих соседей и укреплять их суверенитет и целостность от более сильных соседей. Непосредственные соседи Турции являются естественным поясом безопасности для нее [20]. В итоге концепция «Стратегической глубины» А. Давутоглу была направлена на достижение этой цели. С учетом закрытости основных документов по внешней политике Турции тезисы Ш. Актюрка представляются достаточно продуктивными.

Схематично современную внешнюю политику Турции можно представить несколькими уровнями: глобальный, региональный, морской.

Первый уровень, отраженный в тезисе президента Р. Т. Эрдогана «Мир больше пяти» (*Dünya besten büyüktür*), – создание на обломках однополярного мира более справедливой модели мирового порядка, где не только постоянные члены Совета безопасности ООН, но и иные субъекты международных отношений принимают участие в судьбоносных мировых решениях. Однако тезис Эрдогана должен трактоваться шире: создание не только более справедливой модели мира в рамках принятия решений, что следует из его выступлений на Генеральной ассамблее ООН, но и более справедливого в социальной сфере мира, когда голодающая или живущая в нищете часть мирового населения должна изменить свое положение за счет более равномерного распределения материальных благ в рамках всего мира [13]. Этот уровень внешней политики подкрепляется в пространстве идей концепцией лидерства Турции во всем исламском мире. Президент Турции справедливо замечает, что последние 100 лет мир строился за счет исламской цивилизации (к слову, между строк читается:

²¹ Фридман Дж. Горячие точки. Геополитика, кризис и будущее мира. М. : Питер, 2016. С. 60.

когда Турция в результате Лозаннского мирного договора пыталась отказаться от своей цивилизационной идентичности и роли лидера в исламском мире, как только Турция пошла по этому пути, мусульмане во всем мире стали ресурсом для Вестфальской и Ялтинско-Потсдамской систем международных отношений, за счет которых существовал остальной мир).

С 2007 г. в программных документах Партии справедливости и развития ставится задача превращения Турции в глобальную державу (глобального влиятельного игрока). Далее этот тезис звучит все чаще среди руководства правящей партии. Однако Турция до сегодняшнего дня не обладает достаточным количеством ресурсов для статуса мировой державы, являясь, безусловно, великой региональной державой [21, с. 82].

Региональный уровень современной внешней политики Турции может быть рассмотрен в системе координат постстратегической глубины, которую турецкие исследователи обозначили как период морального реализма (после 2016 г.), неоосманизма и пантюркизма (табл. 1).

Таблица 1. Эволюция параметров турецкой внешней политики в рамках «Стратегической глубины»²²

Table 1. Evolution of Some Criteria of the Turkish Foreign Policy within the Strategic Depth Concept

Параметры / Parameters	До 2016 г. / Before 2016	После 2016 г. / After 2016
Турция как центр притяжения / Türkiye as a centre of attraction	✓	✓
Приоритет «мягкой» силы над «жесткой» / Soft power priority over hard power	✓	–
Экономическое лидерство и экономическая взаимозависимость / Economic leadership and interdependence	✓	
«Ноль проблем с соседями» / Zero problems with neighbours	✓	–
Историческое наследие / Historic heritage	✓	✓
Гуманитарная дипломатия / Humanitarian diplomacy	✓	✓
Активное международное сотрудничество / Active international cooperation	✓	
Страна-модель / Country as a model	✓	
Энергетический хаб-коридор / Energy hub&corridor	✓	

В конце второго десятилетия XXI в. в Турции появляется и оформленная морская политика под названием «Голубая родина» (Mavi Vatan). Президент Турции в этом плане неоднократно показывал свое отношение к «Тюркскому миру» и «Голубой родине», позируя с картами данных концептов перед национальными СМИ. Если политическая карта «Тюркского мира» (Türk dünyası – Турецкого мира) не учитывает российских интересов, а показывает претензии на собственно территории Российской Федерации, не говоря уже о сфере влияния на Южном и Северном Кавказе и Центральной Азии, то концепт «Голубая родина» демонстрирует сферу национальных интересов Турции в Южном и Центральном Причерноморье и Восточном Средиземноморье. То есть, по сути, учитывает интересы России в Северном Причерноморье.

²² Таблица составлена авторами.

При исследовании имперского возрождения Турции следует принимать во внимание так называемый северский синдром турецкой элиты, когда объединенный Запад расчленяет Турцию. Северский мирный договор предполагал существование государства в рамках примерно 25 % от современных территорий. Факт подписания Северского мирного договора (1920 г.) последним султаном и халифом Османской империи Мехмедом VI, который благодаря этому акту потерял власть и спровоцировал национально-освободительную войну, представляется интересным в синтезе политической и исторической методологии. Национально-освободительная война привела к Лозаннскому миру (1923 г.) и созданию нового образования – Турецкой Республики. Турция, таким образом, в свой имперский период долгого противостояния с Западом и Россией планомерно теряла свои имперские пространства, точкой бифуркации данного процесса стал 1920 г.

Российская Федерация (1991 г.), как и Российская империя (1721 г.), в своем имперском развитии взаимодействовала и сталкивалась с Западом. Циклы развития российского пространства, начиная с первого крупного столкновения с военно-политической внешней силой и с учетом киевского периода древнерусской государственности, показывают, что за исключением первого периода ослабления и упадка, который связан со столкновением с татаро-монгольской силой, все остальные циклы потери пространства происходили за счет столкновения с Западом. А. И. Уткин следующим образом характеризует циклы российского пространства: «...Внутри страны доминирует мнение, что государство распадалось и исчезало многократно – в 1237, 1612, 1918 годах, оно стояло на краю гибели в 1709, 1812, 1941 годах, но восставало в 1480, 1613, 1920, 1945 годах. И этот национальный код трудно, если вообще возможно, изменить, он живет в массовом сознании, являясь основой национальной психологической парадигмы. С психологической реальностью следует обращаться всерьез: Россия была, есть и будет такой, какой она живет в воспоминаниях, восприятии и мечтах ее народа»²³.

Ни одного экзистенциального вызова для российского пространства не исходило со стороны Турции в течение двенадцати войн, в то же время Россия дважды спасала турецкую государственность от гибели: в 1833 и 1920 гг.

Общим для двух империй является факт катастрофической и революционной потери имперских пространств в результате неудачных столкновений с западными империями, прежде всего с Великобританией для Османской империи, и США – для Российской (в рамках СССР). При этом вторым фактом, объединяющим два имперских пространства России и Турции, является то, что оставшиеся от них части пытались стать частью западной цивилизации: за счет пространства и потери собственной идентичности. Немецкий геополитик К. Хаусхофер следующим образом описывал такое состояние позднеимперских элит: «Ибо бывают времена апатии и усталости: они приходят и к сильным странам, и к храбрым народам, укрепляя и обессиливая их подобно яду, заставляя их растратить и проспать унаследованное пространство и будущее собственных детей. В подобные времена всякий говорящий им то, что они желают слышать, заставляя их погружаться в гипноз, не обретает никакой заслуги перед ними,

²³ Уткин А. И. Вызов Запада и ответ России. М. : ЭКСМО, 2003. С. 552.

но лишь грешит в отношении их лучшей жизненной силы. Напротив, следует считать своим долгом без устали окликать их как сомнамбул до тех пор, пока они не услышат и не пробудятся, дабы укрепить и расширить свои границы»²⁴.

В этом контексте в генетической памяти российской и турецкой имперских элит глубоко укоренилась горечь геополитического поражения от коллективного Запада, результатом которого стал драматический поиск новой идентичности, который по большому счету заключался в подражании Западу и сопровождался катастрофически длительным экономическим и ментальным ограблением.

На современном этапе Россия и Турция выстраивают отношения в сложной системе сдержек и противовесов с учетом исторического опыта и геополитической динамики. В этой динамике две державы обречены, как показывает исторический опыт, одновременно являться и конкурентами, и партнерами.

По традиционным параметрам силы России и Турции (военный, экономический, технологический, фактор притягательности массовой культуры) эти страны являются региональными лидерами (табл. 2).

Таблица 2. Соотношение параметров лидерства в Черноморском регионе [13, с. 96]

Table 2. Correlation of Leadership Parameters in the Black Sea Region

Государ- ство / State	Площадь, км ² / Area, sq. km.	Береговая линия, км / Coastline, km	Сухопут- ная гра- ница, км / Land boundary, km	Население, чел. / Population, ppl.	ВВП, долл. (на 2021 г.) / GDP, USD (as for 2021)	Государ- ственный долг, % от ВВП (на 2021 г.) / National debt, GDP % (as for 2021)	Военный бюд- жет, % от ВВП (на 2021 г.) / Military budget, GDP % (as for 2021)
Россия / Russia	17 098 242	37 653	22 407	142 021 981	4,016 трлн	15,5	3,9
Турция / Türkiye	783 562	7 200	2 816	83 047 706	2,186 трлн	28,3	1,89
Грузия / Georgia	69 700	310	1 814	4 935 518	39,85 млрд	44,9	2,0
Украина / Ukraine	603 550	2 032	5 618	43 528 136	369,6 млрд	71,0	3,9
Болгария / Bulgaria	110 879	354	1 806	6 873 253	153,5 млрд	23,9	3,25
Румыния / Romania	238 391	225	2 844	18 519 899	483,4 млрд	36,8	2,04
Молдавия / Moldova	33 851	0*	1 885	3 287 326	23,72 млрд	31,5	0,4

* Порт Джурджулешты / Port of Giurgiulești.

Сравнение показателей развития черноморских государств позволяет выделить две региональные державы, которые формируют исторически сложившейся кондоминимум региона. При этом Россия превосходит Турецкую Республику по экономическим показателям и военным тратам. В то же время

²⁴ Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. М. : Мысль, 2001. С. 248.

пространство Турции почти в 22 раза меньше российского, что формирует крайне неблагоприятные экономические издержки на его содержание в мирное время, которое, однако, становится стратегической глубиной для России в военные периоды [13].

Современное российско-турецкое взаимодействие можно определить в качестве трехуровневой системы.

Первый уровень характеризуется сферой сотрудничества двух держав по пяти основным направлениям:

1) геополитическое взаимодействие в Сирии – на общем уровне оба государства заинтересованы в сохранении целостности Сирийской Арабской Республики [20];

2) сохранение Черноморского региона в качестве «заднего двора» для Турции и России, что возможно осуществить при сохранении Конвенции Монтрё и совместных усилий по недопущению экспансии нерегиональной державы либо расширения присутствия нерегионального военно-политического блока (ссылка на ст. 19 Конвенции Монтрё и перекрытие проливов для всех военных кораблей в период развития конфликта в Черноморском регионе относятся к этому пункту);

3) энергетические проекты (газотранспортные проекты и проекты в области ядерной энергетики), позволяющие превращать Турцию в хаб по реэкспорту энергетических ресурсов и тем самым максимально использовать свое выгодное положение;

4) финансово-экономическое сотрудничество, которое имеет значительные перспективы после начала специальной военной операции России на Украине;

5) ограниченное военно-техническое сотрудничество двух государств: турки не поставляют России беспилотные технологии, Россия поставляет комплексы ПВО;

6) другие сферы сотрудничества двух государств, направленные на формирование многополярного мира.

Другой уровень двусторонних отношений формирует сферу конкуренции и военно-политического противоборства между Россией и Турцией. Основная часть этой конкуренции происходит через посредников и как бы хеджирует риски прямого столкновения Анкары и Москвы. Так, Армения, Сирия, Греция, Израиль, Иран, Украина, Азербайджан, Турецкая Республика Северного Кипра и другие в своей внешней политике апеллируют за поддержкой либо к Москве, либо к Анкаре. Однако представлять этот уровень сугубо дуалистичным противостоянием неверно. В каждой конкретной кризисной ситуации вероятное столкновение России и Турции может привести к проигрышу и Анкары, и Москвы при любом сценарии окончания данного столкновения и выигрышу нерегиональных субъектов – как правило США и Великобритании.

Третий уровень взаимодействия касается внешнеполитической активности Анкары, непосредственно угрожающей российским национальным интересам:

1) интеграционная деятельность Турции в рамках пантюркистских площадок (основная – организация тюркских государств (Турция, Азербайджан, Казахстан,

Киргизия, Узбекистан), до 2021 г. – Совет сотрудничества тюркоязычных государств, Тюркский совет) идет вразрез с интересами Российской Федерации на Южном Кавказе, в Центральной Азии и в самой России;

2) на Ближнем Востоке, в зоне неоосманского проекта, Турция ведет политику, противоречащую российским подходам;

3) Турция не только не признала российский статус Крыма, но с начала специальной военной операции значительно нарастила сотрудничество с Украиной в области военных технологий [13].

Кроме того, за последние несколько лет появились тенденции конкуренции России и Турции в области эмоционального пространства: все чаще лидер Турции озвучивает идеи, которые при разрушении однополярного мира брала на себя ранее Россия – построение более справедливого мирового порядка.

Обсуждение и заключение. Ретроспективный и политический анализ российско-турецких отношений в рамках взаимодействия России и Турции в качестве имперских систем позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, природа двух государств, несмотря на то, что они часто представляются антиподами, имеет много общего: обе империи формировались как евразийские державы, впитав в себя культуры многих народов. Османы при этом в своем имперском развитии двигались с Востока на Запад, а русские – с Запада на Восток. Обе империи распались в результате Первой мировой войны, Турция начала путь подражания Западу с Лозаннского мирного договора (1923 г.), а Россия, которая была пересобрана большевиками, – спустя почти семьдесят лет, с 1991 г. В этом имперском пути России и Турции необходимо учитывать, что несмотря на 12 российско-турецких войн, ни одна из сторон не представляла экзистенциальной опасности для другой, а Россия дважды спасала турецкую государственность (1833 и 1920 гг.). В то же время у обеих элит естьотрефлексирующая историческим опытом экзистенциальная угроза со стороны Запада.

Во-вторых, в процессах имперского или державного возрождения в первом десятилетии XXI в. и Россия, и Турция проходят внешне схожие процессы. К власти в Турецкой Республике в 2002 г. приходит Партия справедливости и развития, а в Российской Федерации в 2003 г. – «Единая Россия». Оба политических субъекта используют риторику великого прошлого и необходимости создания многополярного мира, где Анкара и Москва займут достойное место в новом мировом порядке. Некоторые реперные точки имперского возрождения России и Турции проходили с взаимной поддержкой: к примеру, военно-морская операция в Черноморском регионе «Черноморская гармония», которая заблокировала расширение американской операции «Активные усилия» на Черное море (2004 г.), дипломатическая поддержка Турцией позиции России в пятидневной российско-грузинской войне (2008 г.).

В-третьих, сопоставление ресурсных потенциалов России и Турции дает безусловное преимущество первой, а наличие в отношениях двух держав сферы сотрудничества и области конкуренции и острой конфронтации приводит к положению, когда Анкара и Москва могут являться партнерами и конкурентами одновременно и часто по одним и тем же вопросам. Однако сохранение

современного многомерного состояния двусторонних отношений является более выгодным, чем возвращение Анкары к прозападной политике, следовательно, продолжение политического курса Партии справедливости и развития является для Москвы более желательным, чем его замещение оппозиционными турецкими партиями в ближайшем будущем.

Черноморский регион стал фронтовой зоной формирования новой системы международных отношений. Российско-турецкие отношения являются стержневыми для обеспечения его стабильности при условии сохранения действия Конвенции Монтрё. Однако новые геополитические конфигурации в Черноморском регионе со стороны Запада и Турции структурируются за счет геополитического пространства России. Все неурегулированные конфликты на постсоветском пространстве находятся в Черноморском регионе, а главной задачей американской геостратегии является вытеснение России из него. Реализация этих двух составляющих позволит сформировать синергетический эффект: США и их союзникам получить доступ в Каспийский регион как энергетическую кладовую и создать оперативный простор для военно-политического влияния на Россию, Иран, Китай, Индию, Турцию, а через балто-черноморско-каспийскую проекцию – и на ведущие державы Евросоюза (Францию и Германию). До 2014 г. Москва и Анкара по сути образовывали региональный военно-политический альянс в Черном море и в зоне Черноморских проливов во многом за счет реализации проектов «Черноморская гармония» и «Платформа стабильности и сотрудничества на Кавказе». Однако после 2014 г. региональная военно-политическая ситуация усложнилась, и Турция присоединилась к коалиционному «сдерживанию» России в Черноморском регионе. При этом Турция Эрдогана все же имеет особую позицию в этой системе «сдерживания», которая заключается в многовекторности внешней политики, связанной с постановкой на первое место национальных интересов, а затем блоковых обязательств. В то же время возрастающие региональные и глобальные амбиции Турции способствуют усилению сферы конкуренции между ней и Россией и включают возможный «эффект домино» в региональной и мировой политике.

Турция под руководством Р. Т. Эрдогана является «проблемным» союзником для Западной коалиции, равно как и сложным партнером для России. Однако закрытие в период специальной военной операции Черноморских проливов Анкарой со ссылкой на ст. 19 Конвенции Монтрё показывает субъектность и роль турецкого государства в региональном конфликте и в политике Черноморского региона, который сейчас относится к наиболее важным в мире. И для Запада, и для России, как и ранее, актуализируется проблема Черноморских проливов.

Россия и Турция являются активными архитекторами создаваемого нового миропорядка. Каждая из держав пытается найти свои политические границы, которые в эти исторические периоды становятся активно подвижными, пределы сфер влияния и – как обязательный политический бонус – сферу хаоса. Эти компоненты державности в новом мире, как представляется, будут основой новой структуры международных отношений, и в этом процессе Россия и Турция на данном этапе выступают по крайней мере стратегическими союзниками. Два государства имеют значительный исторический опыт взаимодействия, который

характеризуется как соперничеством, так и сотрудничеством. Две евразийские империи находятся в точке бифуркации своего развития: либо они станут самостоятельными центрами развития, либо гумусом для других имперских и цивилизационных проектов в новом мире.

Исключительно с теоретической точки зрения имперские структуры России и Турции имеют много общего. На практическом уровне политики Турция, как ни странно, в последние пять лет начала перенимать те черты и механизмы взаимодействия с миром, которые были присущи ранее России, что эмоционально отразилось на полях саммита ШОС 15–16 сентября 2022 г., когда Эрдоган стал центром внимания со стороны всех лидеров государств, прибывших на саммит: создание более справедливого мира, реформа системы ООН, более равномерное распределение мировых богатств между богатым Севером и бедным Югом и т. д. Очевиден успех незападного вектора внешней политики и развития Турции, однако итоги президентских выборов показали глубокий раскол турецкого общества с небольшим перевесом в сторону Р. Эрдогана, поэтому политическая борьба за выбранный курс в различных ее проявлениях будет продолжена. Почти 48 % голосов за К. Кылычдароглу – это практически цивилизационный раскол мировосприятия будущего Турции, ее внутренней и внешней политики. Эрдогану необходимо предложить этой второй, оппозиционной, Турции какой-либо компромисс существования – общую картину будущего для «двух Турций». Параллельно действующий турецкий президент продолжит проводить реформы, направленные на упрочнение своей власти, укрепляя фундамент своего долговременного пребывания во главе государства. В сфере внешней политики Р. Эрдоган продолжит свой внешнеполитический курс, при котором Турция за счет Запада уравнивает возрастающую роль России, а за счет военно-политической активности Москвы, на которой сейчас Турция зарабатывает геополитические и экономические ресурсы, уравнивает Запад.

Мы определяем эту логику новой Турции как «турецкий баланс», когда Анкара, являясь региональным центром силы, стремится повысить свой статус до мировой державы за счет своего уникального геополитического положения и при умелом маневрировании получает максимальные геополитические и геоэкономические дивиденды, используя глобальные противоречия между Западом и Востоком.

Материалы проведенного исследования имеют как теоретическую, так и практическую значимость и могут быть использованы научными институтами РАН при подготовке аналитических докладов в соответствующие органы государственной власти. Исследование может быть непосредственно использовано профильными отделами МИД России при разработке внешнеполитических документов, рекомендаций, аналитических материалов для информирования высшего руководства государства по исследуемой тематике. На региональном уровне результаты исследования могут быть полезны руководству Республики Крым и города федерального значения Севастополь при разработке механизмов для выхода региона из политической и экономической изоляции, а также разработки региональных мер безопасности в условиях проведения специальной военной операции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Berger L. The Long Lasting End of the Ottoman Empire // *The End of Empires* / ed. by M. Gehler, R. Rollinger, Ph. Strobl. Springer VS, Wiesbaden, 2022. Pp. 561–568. https://doi.org/10.1007/978-3-658-36876-0_28
2. Derlugian G. Some Ideas about Empires on Europe's Periphery (The Worlds the Portuguese, the Russians, and the Turks Created) // *Social Evolution & History*. 2007. Vol. 6, no. 1. Pp. 145–154. URL: https://www.socionauki.ru/journal/files/sch/2007_1/some_ideas_about_empires_on_europes_periphery.pdf (дата обращения: 15.01.2023).
3. Doğan M. Türkiye'nin Jeopolitiği // *Uluslararası Yönetim Akademisi Dergisi*. 2022. Cilt 5, Sayı 2. Pp. 320–339. <https://doi.org/10.33712/mana.1159064>
4. Svarin D. Towards a Eurasian Axis? Russia and Turkey between Cooperation and Competition // *Global Affairs*. 2015. Vol. 1, issue 4-5. Pp. 381–398. <https://doi.org/10.1080/23340460.2015.1117250>
5. Aktürk Ş. Turkish–Russian Relations after the Cold War (1992–2002) // *Turkish Studies*. 2006. Vol. 7, issue 3. Pp. 337–364. <https://doi.org/10.1080/14683840600891034>
6. Ersen E. Turkey and Russia: An Emerging “Strategic Axis” in Eurasia? // *EurOrient*. 2011. No. 35–36. Pp. 263–285. URL: https://www.researchgate.net/publication/289087784_Turkey_and_Russia_An_Emerging_‘Strategic_Axis’_in_Eurasia (дата обращения: 15.01.2023).
7. Larrabee F. S. Turkey's Eurasian Agenda // *The Washington Quarterly*. 2011. Vol. 34, issue 1. Pp. 103–120. <https://doi.org/10.1080/0163660X.2011.538654>
8. Öniş Z., Yılmaz Ş. Turkey and Russia in a Shifting Global Order: Cooperation, Conflict and Asymmetric Interdependence in a Turbulent Region // *Third World Quarterly*. 2016. Vol. 37, issue 1. Pp. 71–95. <https://doi.org/10.1080/01436597.2015.1086638>
9. Khalid A. A New Age of Empires? // *Current History*. 2022. No. 121 (837). Pp. 286–288. <https://doi.org/10.1525/curh.2022.121.837.286>
10. Mankoff J. *Empires of Eurasia: How Imperial Legacies Shape International Security*. New Haven, CT, Yale University Press, 2022. 384 p. <https://doi.org/10.12987/yale/9780300248258.001.0001>
11. Therme C. Russia, Iran and Turkey: Between Shared Historical Experiences and Contextual Understanding // *Hérodote*. 2018. No. 169. Pp. 27–39. <https://doi.org/10.3917/her.169.0027>
12. Комлева Н. А. Возрождение империи: «турецкий треугольник» // *Вестник МГОУ*. 2021. № 3. С. 83–105. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2021-3-1082>
13. Ирхин А. А., Москаленко О. А. «Мир больше пяти». Становление Турции в качестве глобального актора мировой политики: перспективы и вызовы для России // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2021. Т. 21, № 1. С. 91–107. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-1-91-107>
14. Кудряшова И. В., Матюхин В. В. Турция: национальные интересы и имперскость // *Политическая наука*. 2013. № 3. С. 117–136. EDN: RCOYBL
15. Вартумян А. А. Современные политические элиты Турции и их имперский проект // *Вопросы элитологии*. 2022. № 3. С. 112–125. URL: <https://elitology-journal.com/index.php/ieo/article/view/120> (дата обращения: 15.01.2023).
16. Аватков В. А., Сбитнева А. И. Новый национализм Турецкой Республики // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2022. Т. 24, № 2. С. 291–302. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-2-291-302>
17. Аватков В. Турция и Азербайджан: одна нация – одно государство? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2022. Т. 66, № 2. С. 90–100. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-2-90-100>
18. Надеин-Раевский В. А. История пантюркизма и его современные сторонники. Часть 1. Пантюркизм: основные вехи истории // *Перспективы. Электронный журнал*. 2022. № 1 (28). С. 62–73. <https://doi.org/10.32726/2411-3417-2022-1-62-73>
19. Ирхин А. А., Чихарев И. А. Россия и Большое Средиземноморье 1783–1920 гг.: от присоединения Крыма к России до эвакуации белой элиты из Севастополя // *Парадигмы истории и общественного развития*. 2018. № 12. С. 48–57. EDN: VUBBHT

20. Aktürk Ş. Turkey's Grand Strategy as the Third Power: A Realist Proposal // PERCEPTIONS: Journal of International Affairs. 2021. Vol. 25, issue 2. Pp. 152–177. URL: <https://dergipark.org.tr/en/pub/perception/issue/59437/853765> (дата обращения: 10.01.2023).

21. Аватков В. А. Внешняя и внутренняя политика Турции. Ключевые изменения 2020 г. // Свободная мысль. 2021. № 1. С. 81–90. URL: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/Articles/2021/SvobMysl-012021-Avatkov.pdf> (дата обращения: 10.01.2023).

Поступила 16.01.2023; одобрена после рецензирования 27.02.2023; принята к публикации 10.03.2023.

Об авторах:

Ирхин Александр Анатольевич, доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой политических наук и философии Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета (299053, Российская Федерация, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7895-550X>, Scopus ID: 57212405239, Researcher ID: A-4781-2019, alex.irhin@mail.ru

Москаленко Ольга Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета (299053, Российская Федерация, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4162-3162>, Scopus ID: 57211746837, Researcher ID: F-2699-2016, kerulen@bk.ru

Кабанова Наталья Евгеньевна, старший преподаватель кафедры теории и практики перевода Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета (299053, Российская Федерация, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1395-3217>, natalia.kabanova@gmail.com

Демешко Наталья Эдуардовна, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук и философии Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета (299053, Российская Федерация, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9620-2410>, Scopus ID: 57759845100, Researcher ID: ABY-8555-2022, natalidem93@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

А. А. Ирхин – разработка концепции исследования; развитие методологии; подготовка начального варианта текста.

О. А. Москаленко – развитие методологии; разработка дизайна исследования; подготовка текста.

Н. Е. Кabanova – критический анализ и доработка текста; формализованный анализ данных.

Н. Э. Демешко – критический анализ и доработка текста; формализованный анализ данных.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Berger L. The Long Lasting End of the Ottoman Empire. In: Gehler M., Rollinger R., Strobl Ph., editors. The End of Empires. Wiesbaden: Springer VS; 2022. p. 561–568. https://doi.org/10.1007/978-3-658-36876-0_28

2. Derluigan G. Some Ideas about Empires on Europe's Periphery (The Worlds the Portuguese, the Russians, and the Turks Created). *Social Evolution & History*. 2007;6(1):145–154. Available at: https://www.socionauki.ru/journal/files/seh/2007_1/some_ideas_about_empires_on_europes_periphery.pdf (accessed 15.01.2023).

3. Doğan M. Turkey's Geopolitics. *Uluslararası Yönetim Akademisi Dergisi*. 2022;5(2):320–339. (In Turkish, abstract in Eng.) <https://doi.org/10.33712/mana.1159064>

4. Svarin D. Towards a Eurasian Axis? Russia and Turkey between Cooperation and Competition. *Global Affairs*. 2015;1(4-5):381–398. <https://doi.org/10.1080/23340460.2015.1117250>
5. Aktürk Ş. Turkish–Russian Relations after the Cold War (1992–2002). *Turkish Studies*. 2006;7(3):337–364. <https://doi.org/10.1080/14683840600891034>
6. Ersen E. Turkey and Russia: An Emerging “Strategic Axis” in Eurasia? *EurOrient*. 2011;(35–36):263–285. Available at: https://www.researchgate.net/publication/289087784_Turkey_and_Russia_An_Emerging_‘Strategic_Axis’_in_Eurasia (accessed 15.01.2023).
7. Larrabee F.S. Turkey’s Eurasian agenda. *The Washington Quarterly*. 2011;34(1):103–120. <https://doi.org/10.1080/0163660X.2011.538654>
8. Öniş Z., Yılmaz Ş. Turkey and Russia in a Shifting Global Order: Cooperation, Conflict and Asymmetric Interdependence in a Turbulent Region. *Third World Quarterly*. 2016;37(1):71–95. <https://doi.org/10.1080/01436597.2015.1086638>
9. Khalid A. A New Age of Empires? *Current History*. 2022;(121):286–288. <https://doi.org/10.1525/curh.2022.121.837.286>
10. Mankoff J. Empires of Eurasia: How Imperial Legacies Shape International Security. New Haven, CT, Yale University Press; 2022. <https://doi.org/10.12987/yale/9780300248258.001.0001>
11. Therme C. Russia, Iran and Turkey: Between Shared Historical Experiences and Contextual Understanding. *Hérodote*. 2018;(169):27–39. <https://doi.org/10.3917/her.169.0027>
12. Komleva N.A. The Rebirth of the Empire: “Turkish Triangle”. *Bulletin of Moscow Region State University*. 2021;(3):83–105. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2021-3-1082>
13. Irkhin A.A., Moskalenko O.A. “The World is Bigger than Five”. Turkey’s Emergence as a Global Actor in World Politics: Prospects and Challenges for Russia. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2021;21(1):91–107. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-1-91-107>
14. Kudryashova I.V., Matyukhin V.V. Turkey: National Interests and Imperial Legacy. *Political Science*. 2013;(3):117–136. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: RCOYBL
15. Vartumyan A. Modern Political Elites of Turkey and Their Imperial Project. *Issues in Elitology*. 2022;(3):112–125. Available at: <https://elitology-journal.com/index.php/ioe/article/view/120> (accessed 15.01.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
16. Avatkov V.A., Sbitneva A.I. New Nationalism of Turkish Republic. *RUDN Journal of Political Science*. 2022;24(2):291–302. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-2-291-302>
17. Avatkov V. Turkey and Azerbaijan: One Nation – One State? *World Economy and International Relations*. 2022;66(2):90–100. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-2-90-100>
18. Nadein-Raevskiy V.A. History of Pan-Turkism and its Contemporary Supporters. Part 1. Key Milestones in the History of Pan-Turkism. *Perspectives and Prospects*. 2022;(1):62–73. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.32726/2411-3417-2022-1-62-73>
19. Irkhin A.A., Chikharev I.A. Russia and the Mediterranean Macro-Region in 1783–1920: From the Accession of Crimea to Russia to Evacuation of the White Elite from Sevastopol. *Paradigmy istorii i obshchestvennogo razvitiya*. 2018;(12):48–57. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: VUBBHT
20. Aktürk Ş. Turkey’s Grand Strategy as the Third Power: A Realist Proposal. *PERCEPTIONS: Journal of International Affairs*. 2021;25(2):152–177. Available at: <https://dergipark.org.tr/en/pub/perception/issue/59437/853765> (accessed 10.01.2023).
21. Avatkov V.A. Turkey’s Foreign and Domestic Policy. Key Changes in 2020. *Svobodnaya Mysl*. 2021;(1):81–90. Available at: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/Articles/2021/Svob-Mysl-012021-Avatkov.pdf> (accessed 10.01.2023). (In Russ., abstract in Eng.)

Submitted 16.01.2023; revised 27.02.2023; accepted 10.03.2023.

About the authors:

Aleksandr A. Irkhin, Dr. Sci. (Polit.), Associate Professor, Head, Department of Political Science and Philosophy, Sevastopol State University (33 Universitetskaya St., Sevastopol 299053, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7895-550X>, Scopus ID: 57212405239, Researcher ID: A-4781-2019, alex.irhin@mail.ru

Olga A. Moskalenko, Cand. Sci. (Phil.), Associate Professor, Department of Theory and Practice of Translation, Sevastopol State University (33 Universitetskaya St., Sevastopol 299053, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4162-3162>, Scopus ID: 57211746837, Researcher ID: F-2699-2016, kerulen@bk.ru

Natalya E. Kabanova, Senior Lecturer, Department of Theory and Practice of Translation, Sevastopol State University (33 Universitetskaya St., Sevastopol 299053, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1395-3217>, natalia.kabanova@gmail.com

Natalya E. Demeshko, Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor, Department of Political Sciences and Philosophy, Sevastopol State University (33 Universitetskaya St., Sevastopol 299053, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9620-2410>, Scopus ID: 57759845100, Researcher ID: ABY-8555-2022, natalidem93@mail.ru

Contribution of the authors:

A. A. Irkhin – concept of the research; development of the methodology; initial draft of the manuscript.

O. A. Moskalenko – development of the methodology; design of the research; draft of the manuscript.

N. E. Kabanova – critical analysis and editing of the text; formal data analysis.

N. E. Demeshko – critical analysis and editing of the text; formal data analysis.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Тема исторической памяти в дискурсе и практике парламентских партий России: федеральный и региональный уровни

О. В. Бахлова ✉

И. В. Бахлов

*Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
(г. Саранск, Российская Федерация)*

✉ olga.bahlova@mail.ru

Аннотация

Введение. Неотъемлемой частью общей исторической памяти России как государства – продолжателя Советского Союза является память о советском прошлом. На фоне активизации попыток влиятельных международных акторов по фальсификации и ревизии новейшей истории особую актуальность приобретает создание его целостной картины, равноценной и непротиворечивой для власти и общества. Цель статьи – определение специфики репрезентации темы исторической памяти парламентскими партиями Российской Федерации на современном этапе.

Материалы и методы. Ключевые методы исследования – сравнительный, синхронный анализ, традиционный и дискурс-анализ документов. Важнейшие материалы – нормативные правовые акты и концептуально-стратегические документы Российской Федерации, программные документы парламентских партий России, информация, размещенная на их официальных сайтах, а также в Системе обеспечения законодательной деятельности. В совокупности они позволили верифицировать принципиальные позиции и вероятные направления формирования государственной политики памяти России с учетом необходимости имплементации преемственности и непрерывности отечественной государственности.

Результаты исследования. Выявлены сходные и отличительные черты в интерпретации советского прошлого в партийном дискурсе, смысловые образы и сюжеты. Охарактеризованы главные инициативы и действия российских парламентских партий и их региональных отделений в Республике Мордовия по сохранению исторической памяти, показано их участие в разработке и осуществлении историко-патриотических проектов. Акцентированы партийные практики в плоскости защиты исторической правды о Великой Отечественной войне и подвиге советского народа. Обнаружена преимущественная активность «старых» парламентских партий в рассматриваемой области.

Обсуждение и заключение. Проведенное исследование демонстрирует неоднозначность статуса парламентских партий как мнемонических акторов и артикулирует существенные пробелы в трактовке и продвижении позитивно наполненных мемориальных нарративов в отношении советского прошлого. Его результаты могут быть полезны органам государственной власти и общественным объединениям разного уровня, способствовать разработке и реализации соответствующих решений и стратегий политического позиционирования, стратегических национальных приоритетов Российской Федерации.

Ключевые слова: историческая политика, коммеморация, политика памяти, патриотическая акция, советское прошлое в дискурсивных практиках парламентских партий, противодействие фальсификации истории

© Бахлова О. В., Бахлов И. В., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (код научной темы FZRS-2022-0003) в рамках государственного задания ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарева».

Для цитирования: Бахлова О. В., Бахлов И. В. Тема исторической памяти в дискурсе и практике парламентских партий России: федеральный и региональный уровни // Регионоведение. 2023. Т. 31, № 2. С. 238–254. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.123.031.202302.238-254>

Original article

The Theme of Historical Memory in the Discourse and Practice of Parliamentary Parties in Russia: Federal and Regional Levels

O. V. Bakhlova ✉, I. V. Bakhlov

National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation)

✉ olga.bahlova@mail.ru

Abstract

Introduction. An integral part of the general historical memory of Russia as the state-successor of the Soviet Union is the memory about the Soviet past. In the light of the intensification of attempts by the influential international actors to falsify and revise the modern history, the creation of its integral picture, equivalent and non-controversial for the authorities and society, is of particular relevance. The purpose of the study is to determine the specifics of the representation of the topic of historical memory by the parliamentary parties of the Russian Federation at the present stage.

Materials and Methods. The key research methods are comparative, synchronous analysis, traditional and discourse analysis of documents. The most important materials are normative legal acts and conceptual and strategic documents of the Russian Federation, program documents of parliamentary parties of Russia, information posted on their official websites, as well as in the System of Legislative Support. Totally they made it possible to verify the principled positions and probable directions of the formation of the state policy of the memory of Russia, taking into account the need to implement the continuity of the national statehood.

Results. Similar and distinctive features in the interpretation of the Soviet past in the party discourse, semantic images and plots are revealed. The main initiatives and actions of the Russian parliamentary parties and their regional branches in the Republic of Mordovia for the preservation of historical memory are characterized; their participation in the development and implementation of historical and patriotic projects is shown. The party practices are emphasized in the plane of protecting the historical truth about the Great Patriotic War and the feat of the Soviet people. The predominant activity of the “old” parliamentary parties in the area under consideration has been found.

Discussion and Conclusion. The conducted research has demonstrated the ambiguity of the status of parliamentary parties as mnemonic actors and articulates significant gaps in the interpretation and promotion of positively filled memorial narratives in relation to the Soviet past. Its results can be useful to public authorities and public associations of various levels, contribute to the development and implementation of appropriate decisions and strategies for political positioning, strategic national priorities of the Russian Federation.

Keywords: historical politics, commemoration, memory politics, patriotic action, the Soviet past in the discursive practices of parliamentary parties, countering the falsification of history

Conflict of interests. The authors declare that there is no conflict of interest.

Funding. This work was financially supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, grant number FZRS-2022-0003.

For citation: Bakhlova O.V., Bakhlov I.V. The Theme of Historical Memory in the Discourse and Practice of Parliamentary Parties in Russia: Federal and Regional Levels. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(2):238–254. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.123.031.202302.238-254>

Введение. Разнообразные сюжеты в плоскости исторической памяти сегодня интегрированы в политические практики внутреннего и внешнего измерений. В текущих событиях настоящее и прошлое часто неотделимы друг от друга. Международные или внутригосударственные акторы дают прошлому свои оценки и наделяют его смыслами, которые могут быть устойчивыми или подвижными в зависимости от целей, намерений, ожиданий. Оценки ими одного и того же явления, эпохи порой диаметрально противоположны, противоречивы либо непоследовательны.

Важно не допустить противопоставлений между «коллективной» памятью и «индивидуальной», к артикуляции которой склонны постмодернисты и которая применяется в политических спекуляциях на поле исторического ревизионизма. Заметную роль здесь способны сыграть политические институты, обеспечивающие связь между обществом и государством. Таковыми являются общественные объединения, прежде всего политические партии, непосредственно включенные в борьбу за власть и обладающие наибольшими из всех общественных объединений легальными возможностями оказывать влияние на функционирование государственного механизма и принятие публично-властных решений. Одновременно они остаются активной и организованной частью общества, формирующей общественное мнение, выражающей интересы социальных групп и выполняющей иные социально-политические функции. Соответственно, партии должны учитывать специфику общественного запроса в данный момент времени. Сошлемся на результаты социологических опросов. Так, опрос ВЦИОМ от 2–3 мая 2015 г. показал, что каждый второй россиянин (54 %) сталкивался с фактами искажения истории страны. Главным объектом фальсификаций исторических фактов респондентами названы события Второй мировой войны (19 %)¹. Другой опрос ВЦИОМ (29 августа 2019 г.) выявил преобладающее мнение россиян о решающем вкладе СССР в победу во Второй мировой войне (69 % признали его основным, 15 % – значительным, 10 % – довольно значительным). Треть опрошенных правильно назвали дату начала войны (32 %); более половины (52 %) указали 1941 г., что может расцениваться как коннотация с устойчивой фиксацией в общественном сознании Великой Отечественной войны, сопрягаемой с судьбой страны, народа².

Приведенные сведения, эмпирические факты и теоретические исследования доказывают, что доминирующие фальсификации приходятся в первую очередь на советскую эпоху, что неслучайно. В основе – стремление их авторов и вдохновителей к маргинализации России как державы, воспринявшей внешнеполитические традиции и ответственность Советского Союза.

В федеративном государстве, каковым является Россия, важно выявить соотношение общегосударственных и региональных тенденций. Потому в фокусе внимания – разноразмерные политические практики.

Цель статьи – определить специфику репрезентации темы исторической памяти парламентскими партиями Российской Федерации на современном

¹ Культура, традиции, историческая память [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2015/127/2015_127_104_monitor_cult.pdf (дата обращения: 23.11.2022).

² Россияне о Второй мировой войне: причины, союзники, противники [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiyane-o-vtoroj-mirovoj-vojne-prichiny-soyuzniki-protivniki> (дата обращения: 23.11.2022).

этапе. Задачи исследования: охарактеризовать содержание партийного дискурса в ракурсе интерпретации советского прошлого; показать сходство и отличия в позициях ведущих политических партий Российской Федерации в этой области; обобщить инициативы и действия российских парламентских партий и их региональных отделений (на примере Республики Мордовия) по сохранению исторической памяти, акцентировать их участие в разработке и реализации историко-патриотических проектов.

Обзор литературы. Тематика исторической памяти включена в проблемное поле достаточного количества работ зарубежных и отечественных авторов. Упомянем об «исследованиях памяти» (memory studies), начиная с М. Хальбвакса, П. Нора, П. Рикёра и др., с объективацией данной дисциплины до ее переориентации на метауровень в русле критической волны, связанной с именами Б. Зелизера, Д. Олика и др. [1, с. 94–95]. Интересны концепции «коллективной памяти», «индивидуальной памяти», «памятных мест», концепт «поворота в Истории», детерминирующий политический дискурс³.

Значимы работы, посвященные вопросам формирования политики памяти / исторической политики. Опираемся, хотя и с оговорками, на формулировки А. И. Миллера и О. Ю. Малиновой. По Миллеру, историческая политика – особая конфигурация методов, предусматривающая «использование государственных административных и финансовых ресурсов в сфере истории и политики памяти в интересах правящей элиты»⁴. Политика памяти интерпретируется как деятельность государства и других акторов, направленная на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и формирование поддерживающих их культурной инфраструктуры, образовательной политики, а в некоторых случаях – законодательного регулирования [2, с. 291].

Распространены констатации инструментализации исторической политики и политики памяти во внутри- и внешнеполитическом контекстах. Затрагиваются вопросы применения исторических аналогий, построения исторических нарративов, создания мест памяти, маргинализации и забвения прошлого, секьюритизации исторической памяти, корреляции с дискурсивными действиями партий, лидеров, протестных движений, социальных сетей [3; 4].

Авторы прибегают к сравнительному анализу политических практик, особенно при сопоставлении доктрин постсоветских стран / стран Восточной Европы [5–8]. Особенности стратегий позиционирования политических элит трактуются через приверженность миметической теории репрезентации прошлого (Россия) и эстетической теории (Грузия, Украина и др.) [9, с. 20]. Современные практики коммемораций понимаются как стратегический инструмент поддержания политики памяти [10, с. 34]. Есть мнения об элементах индоктринации в государственной институциональной политике России (символика и др.) [11, с. 15–16].

Многие авторы концентрируются на анализе конкретных сюжетов и ключевых тем. Среди востребованных – советское прошлое и Великая Отечественная война [12–16]. В зарубежных исследованиях ощутима негативизация советского

³ Аккер Р. ван дер, Вермюлен Т. Периодизируя 2000-е, или Появление метамодернизма // Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма. М., 2020. С. 41.

⁴ Миллер А. И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке / под ред. А. Миллера, М. Липман. М., 2012. С. 19.

прошлого [17; 18]. Справедливо замечание, что формы материализации народных воспоминаний в публичном пространстве могут противоречить официальному дискурсу, создаваемому в некоторых странах бывшего СССР [19]. Примечателен вывод В. В. Титова о том, что «попытки разрушения героической составляющей советского символического наследия и замещения его нарративом, связанным с дореволюционным периодом, приводят к размыванию ценностно-символических оснований ин группового фаворитизма в российском обществе» [20, с. 20–24].

Основными акторами исторической политики в России признаются политические элиты, средства массовой информации (СМИ) и общественные активисты. Делаются акценты на региональных СМИ и общественных активистах, заинтересованных в придании тем или иным сюжетам локальной истории приоритетного значения в мемориальном каноне, на влиянии идеологических предпочтений региональных элит на интеграцию тех или иных моментов прошлого в мемориальный канон [21, с. 24, 43]. О. Ю. Малинова, А. И. Миллер и К. А. Пахалюк артикулируют взаимовлияния и взаимодействия общефедеральных и локальных акторов в ракурсе отличительных характеристик России [22, с. 114, 116–117].

Интересна трактовка механизма функционирования исторической памяти как сложного, многоуровневого и многокомпонентного социального процесса, показателем эффективности которого является норма функционирования исторической памяти, когда большинство сохраняет, воспроизводит и транслирует содержание общегосударственной исторической памяти [23, с. 22]. Подчеркивается необходимость принятия на себя государством роли главного субъекта в отборе когнитивного и ценностного ядра исторической памяти [24, с. 35]. Одновременно с восприятием государства как основного источника легитимации образов прошлого и репрезентирующих их коммеморативных практик предпринимается попытка уточнить роль политических партий как акторов политики памяти. В частности, Д. А. Аникин и А. А. Линченко полагают, что она во многом связана с конституированием определенных образов, их предложением в качестве символически значимых ресурсов [25, с. 9].

Резюмируем, что в обозначенном проблемном поле требуются дальнейшая систематизация региональных и федеральных практик, изучение возможностей актуализации повестки российских политических акторов в контексте реагирования на современные вызовы и угрозы и повышения эффективности политических решений.

Материалы и методы. В основе исследования – концепция континуитета (непрерывности) и преемственности (правопреемства) России по отношению к СССР, элементы которой закрепляются нормативно – в Конституции Российской Федерации (ст. 67.1) и Федеральном законе № 99-ФЗ⁵; memory studies, идеи коммеморации (П. Нора) и мнемонических акторов (М. Бернхард, Дж. Кубик, А. И. Миллер и др.).

Ключевыми методами выступают сравнительный и синхронный анализ, предполагающий выявление сходств и различий в подходах и практиках парламентских

⁵ О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом [Электронный ресурс] : федер. закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ (ред. от 23 июля 2013 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23178/ (дата обращения: 23.11.2022).

партий России в анализируемом ракурсе; традиционный и дискурс-анализ содержания письменных текстов программного характера, размещенных на официальных сайтах политических партий (программ, уставов и т. п.). Объект анализа – их повестка в плоскости исторической памяти, единица анализа – проблемные категории и подкатегории, поясняющие формируемые образы:

1. Ценностные основания программной позиции:

1А) политико-идеологические основания;

1Б) духовные, традиционные ценности;

1В) нет четко выраженной позиции.

2. Советская эпоха / советское прошлое, их восприятие:

2А) позитивное;

2Б) негативное;

2В) двойственное;

2Г) нейтральное (не выражено).

3. Великая Отечественная война, внимание к ней:

3А) явно выраженное;

3Б) отдельные упоминания;

3В) нет артикуляции.

4. Распад СССР, его оценка:

4А) трагическое событие;

4Б) позитивное событие;

4В) нейтральное отношение / нет артикуляции.

5. Роль власти, элиты в защите исторической памяти:

5А) позитивная;

5Б) негативная;

5В) нейтральная / нет оценки;

5Г) нет явно выраженной оценки роли власти, элиты, но есть предложения о конкретных действиях по защите памяти;

5Д) более общая оценка власти, элитных групп.

Хронологические рамки – 2021–2022 (по декабрь) гг., важнейшие события в которых – парламентская кампания 2021 г., специальная военная операция России на Украине, памятные даты начала Великой Отечественной войны, создания и прекращения существования СССР.

Главными материалами служили внутренние источники, возникающие в процессе функционирования парламентских партий, официальные документы Российской Федерации, информация Системы обеспечения законодательной деятельности.

Результаты исследования. Анализ содержания предвыборных программных текстов парламентских партий России – Всероссийской политической партии «Единая Россия» (ЕР), политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации» (КПРФ), Социалистической политической партии «Справедливая Россия – Патриоты – За правду» (СРЗП), политической партии ЛДПР – Либерально-демократической партии России (ЛДПР), политической партии «Новые люди» – выявил относительно высокую степень отражения в них тематики исторической памяти (табл.). Расположение партий указано в соответствии с представительством в думских фракциях согласно результатам выборов 2021 г. Сохранено написание, принятое в конкретных документах.

Т а б л и ц а. Программный блок партийного дискурса по теме исторической памяти⁶
 Table. The program block of the party discourse on historical memory theme

Политическая партия / Political party	Программный текст / Program text	Категории, подкатегории / Categories, Subcategories
1	2	3
«Единая Россия» / All-Russian political party “United Russia”	Народная программа «Единой России» / United Russia People’s Program	1Б) история, культура, традиции – это душа народа, основа его самобытности и национальной идентичности / History, culture, traditions are the soul of the people, the basis of their individuality and national identity; 2Б) «+» – Россия... Родина... Пушкина и Гагарина / Russia... Motherland... of Pushkin and Gagarin «-» – с 60–70-х годов прошлого века необходимость постоянных масштабных закупок продовольствия за рубежом превратилась в угрозу для безопасности и стабильности страны / since the 60–70s of the last century, the need for constant large-scale purchases of food abroad has become a threat to the security and stability of the country; 3А) закрепить практику проведения ежегодного «Диктанта Победы»; продолжить публикацию архивных документов, связанных с историей Великой Отечественной войны; обеспечить охрану и достойный уход за воинскими мемориалами, захоронениями военнослужащих и мирных жителей, погибших в Великой Отечественной войне, а также за памятниками героям и защитникам Отечества / to prolong the practice of holding the annual “Dictation of Victory”; to continue the publication of archival documents related to the history of the Great Patriotic War; to ensure the protection and proper care of military memorials, burials of servicemen and civilians who died during the Great Patriotic War, as well as monuments to heroes and defenders of the Motherland; 4В) 5Г) реализация исторических и музейных проектов; предложения о защите памяти о Великой Отечественной войне / implementation of historical and museum projects; proposals on the protection of the memory of the Great Patriotic War
КПРФ / The Communist Party of the Russian Federation / CPRF	Предвыборная программа «Десять шагов к власти народа» / The election program “Ten steps to the power of the people”	1А) мы готовы строить социалистическую Родину / We are ready to build a socialist Motherland; 1Б) сделаем задачей государства духовное и патриотическое воспитание, защиту Русского мира и достижений нашей многонациональной культуры / We will make the task of the state spiritual and patriotic education, protection of the Russian world and the achievements of our multinational culture; 2А) отдельные ссылки на достижения СССР: средства транспорта Россия должна производить, а не закупать. В Советском Союзе было именно так / individual references to the achievements of the USSR: Russia should produce means of transport, not purchase. In the Soviet Union it was just like that; 3Б) ни на один день КПРФ не прекращала борьбу за принятие закона о «детях войны» / Not for a single day the Communist Party has stopped fighting for the adoption of the law on “children of war”; 4А) оценка дается исходя из контекста и общей позиции партии / the assessment is given based on the context and the general position of the party; 5Г) мы обязаны делать все для сближения братских народов СССР, для возрождения нашего исторического единства / We are obliged to do everything for the rapprochement of the fraternal peoples of the USSR, for the revival of our historical unity;

⁶ Таблица составлена авторами на основе анализа предвыборных программ политических партий Российской Федерации, размещенных на их официальных сайтах.

Окончание табл. / End of table

1	2	3
CPЗП / Just Russia – For Truth / SRZP	Предвыборная программа партии «Справедливая Россия – Патриоты – За правду» / The election program of the Socialist Political Party “Just Russia – Patriots – For the Truth”	1А) мы социалисты / We are socialists; 1Б) сохранение и развитие национальной культуры страны / Preservation and development of the national culture of the country; 2А) советский опыт показал, что бесплатное образование... – это реально / The Soviet experience has shown that free education... is real; 3Б) 4А) оценка как цивилизационной катастрофы 1991 года / assessment as a civilizational catastrophe of 1991; 5Д) критика идеологических противников – самоназванной «элиты», ...оффшорных капиталистов, коррупционеров и предателей страны / criticism of ideological opponents – the self-named “elite”... offshore capitalists, corrupt officials and traitors of the country
ЛДПР / Liberal Democratic Party of Russia / LDPR	Предвыборная программа ЛДПР / LDPR election program	1Б) защищать традиционные семейные ценности. Поддерживать все традиционные религии России. Защищать христианство / Protect the traditional family values. Support all traditional religions of Russia. Defend Christianity; 2Б) на государственном уровне осудить политику большевиков, Горбачева и Ельцина как антинародную; принять Акт исторического примирения. Давайте возьмем все лучшее, что было в Российской империи, СССР и новой России / At the state level condemn the policies of the Bolsheviks, Gorbachev and Yeltsin as anti-national; Adopt an Act of historical reconciliation. Let's take all the best that was in the Russian Empire, the USSR and the new Russia; 3А) подписать со всеми странами Европы Хартию исторической оценки Второй мировой войны. Пора положить конец разгулу неонацизма; навести порядок в выплатах ветеранам труда и Великой Отечественной войны, труженикам тыла; улучшить жилищные условия ветеранов Великой Отечественной войны / To sign a Charter of Historical Assessment of the World War II by all European countries. It's time to put an end to the orgy of neo-fascism; To restore order in payments to veterans of Labor and the Great Patriotic War, Home Front workers; To improve the living conditions of veterans of the Great Patriotic War; Скорее / More likely; 4А) упоминается о необходимости возвращения здравоохранения; «на тот высокий уровень, что был утерян после распада СССР», хотя в позиции партии сохраняются антикоммунистические установки / it mentions the need to return healthcare “to the high level that was lost after the collapse of the USSR”, although anti-communist attitudes remain in the party's position 5Г)
«Новые люди» / New People	Программа партии / Party program	1А) либеральные начала: ослабить душающий контроль государства над всеми сферами жизни / liberal principles: to weaken the suffocating control of the state over all spheres of life; 1Б) обновленный, адекватный современным реалиям гуманизм / updated humanism, adequate to modern realities; 2Б) Россия унаследовала от СССР набор мощных внешнеполитических инструментов, ...эти атрибуты исчезнувшей сверхдержавы создавались в логике ценностной экспансии; по сути, новой России также предлагается сделать акцент на ценностях во внешней политике / Russia inherited from the USSR a set of powerful foreign policy tools ... these attributes of a vanished superpower were created in the logic of value expansion; in fact, the new Russia is also invited to focus on values in foreign policy 3Б) 4Б) 5Б)

В предвыборных документах парламентских партий Российской Федерации тема исторической памяти не раскрывается комплексно, что объясняется в том числе особенностями их характера и объема. Некоторые аспекты уточняются в постоянных программах и текстах, размещенных на официальных сайтах. Довольно отчетливо исторические сюжеты выражены в программах КПРФ и «Справедливой России» (2016 г.)⁷. На их основании можно уточнить категории, трудно поддающиеся идентификации в проанализированных материалах, например, 4А для КПРФ или 3В для СРЗП.

Достаточно насыщены информацией федеральные сайты партий. Исключение составляют «Новые люди». Проиллюстрируем событийный ряд общегосударственных практик в деле сохранения исторической памяти.

Только в 2021 г. ЕР организовала и провела 27 федеральных и 250 региональных знаковых тематических акций («Парад у дома ветерана», «Палисадник Победы» и др.). Выделим федеральный партийный проект «Историческая память» (при поддержке Фонда президентских грантов), в рамках которого организуются патриотические мероприятия ко Дню Победы, Дню памяти и скорби, Дню Героев Отечества и др. Постоянный партнер ЕР – «Волонтеры Победы». Совместно ими проводятся субботники по благоустройству военных мемориалов, захоронений и памятных знаков. Многие акции – продолжающиеся («Сад памяти», «Свеча памяти», «Диктант Победы» и др.). ЕР оказывает содействие осуществлению инициативы Президента России по присвоению городам страны почетного звания «Город трудовой доблести»⁸.

У КПРФ известны «Знамя нашей Победы», «Наша Великая Победа», «Сад Победы – Сад Жизни», ориентированные на увековечивание памяти о подвиге народов Советского Союза в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и организацию патриотического воспитания молодого поколения бывших союзных республик (совместно с Союзом коммунистических партий – КПСС (СКП – КПСС))⁹. КПРФ не осталась в стороне от 100-летия образования СССР (Всероссийский патриотический автопробег «Моя Родина – СССР!»). В сообщении на партийном сайте в качестве цели акции указаны «воспитание патриотизма, напоминание о величии наследия советского периода... восстановление в сознании людей исторической правды и гордости за свое Великое Отечество...»¹⁰.

Лидер «справедливороссов» С. М. Миронов актуализирует следующие направления сохранения исторической памяти: забота о ветеранах и «детях войны»;

⁷ Программа партии. 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://kprf.ru/party/program>; Программа партии «Справедливая Россия» [Электронный ресурс]. URL: <https://storage.spravedlivo.ru/pf59/075833.pdf> (дата обращения: 23.11.2022).

⁸ Александр Хинштейн: «Единая Россия» в 2021 году организовала и стала участником 27 федеральных и 250 региональных знаковых тематических акций [Электронный ресурс]. URL: <https://er.ru/activity/news/aleksandr-hinshteyn-edinaya-rossiya-v-2021-godu-organizovala-i-stala-uchastnikom-27-federalnyh-i-250-regionalnyh-znakovyh-tematicheskikh-akcii>; В «Единой России» подвели итоги работы партпроекта «Историческая память» за пять лет [Электронный ресурс]. URL: <https://er-gosduma.ru/news/v-edinoy-rossii-podveli-itogi-raboty-partproekta-istoricheskaya-pamyat-za-pyat-let/> (дата обращения: 02.12.2022).

⁹ Состоялось заседание по вопросу реализации Союзно-патриотического проекта «Наша Великая Победа» [Электронный ресурс]. URL: <https://kprf.ru/kpss/191240.html> (дата обращения: 02.12.2022).

¹⁰ Моя Родина – СССР! Патриотический автопробег, посвященный 100-летию СССР [Электронный ресурс]. URL: <https://kprf.ru/actions/kprf/214690.html> (дата обращения: 02.12.2022).

формирование общероссийского банка воспоминаний о войне и военном времени; мемориализация памяти о войне за рубежом; противостояние попыткам фальсификации истории войны; популяризация решающего вклада в Победу и сплочение всех антифашистских сил на международной арене¹¹. Упомянем об акциях СРЗП «Эстафета Вечного огня», «Панорама героя» (совместно с общественной организацией «Оплот»). Примечательно создание общественного движения «Культурный фронт России» на основе инициативы депутата фракции «Справедливая Россия – Патриоты – За правду» Н. П. Бурляева¹².

Предложения исходят и от представителей ЛДПР. Заместитель руководителя думской фракции Я. Е. Нилов и сенатор Российской Федерации С. Д. Леонов инициировали законопроект, предусматривающий учреждение 18 сентября нового Дня воинской славы России – Дня основания Советской гвардии. Законопроект был отклонен Госдумой 21 декабря 2021 г.¹³ Еще одна инициатива – об установлении Дня памяти распада СССР (о прекращении существования Союза Советских Социалистических Республик) – 26 декабря. Соответствующий законопроект 25 декабря 2021 г. был внесен в Госдуму депутатом от ЛДПР, вице-спикером Госдумы Б. А. Чернышовым. В пояснительной записке к законопроекту сказано, что эта мера увековечит память «о значимом событии в истории российского государства, об особой вехе, которая не должна быть забыта всеми поколениями граждан России»¹⁴. Такая интерпретация позволяет верифицировать для ЛДПР категорию 4А. 19 января 2022 г. законопроект был возвращен субъекту права законодательной инициативы в связи с отсутствием заключения Правительства Российской Федерации¹⁵.

Сайты региональных отделений парламентских партий Российской Федерации признаем относительно информативными. В размещенных на них материалах отражены федеральные и региональные мероприятия, посвященные событиям советской эпохи, прежде всего Великой Отечественной войне.

Довольно предметно свою роль освещает региональное отделение «Единой России». Назовем некоторые события с участием регионального актива ЕР и ее партнеров. Это республиканские этапы международной патриотической акции «Диктант Победы», международные и всероссийские акции «Свеча памяти», «Георгиевская ленточка», «Юные герои Великой Победы» и др. Многие реализуются в рамках федеральных партийных проектов «Историческая память», «Культура малой Родины», «Новая школа». С учетом региональной специфики

¹¹ Выступление Сергея Миронова на круглом столе «Историческая память народов России о Великой Отечественной войне. Связь поколений» [Электронный ресурс]. URL: <https://spravedlivo.ru/10117310> (дата обращения: 02.12.2022).

¹² Культурный фронт России [Электронный ресурс]. URL: https://zavtra.ru/events/kul_turnij_front_rossii (дата обращения: 02.12.2022).

¹³ О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России» (об установлении дня воинской славы России «18 сентября – День основания Советской Гвардии (1941 г.)») [Электронный ресурс] : Законопроект № 1163448-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1163448-7> (дата обращения: 02.12.2022).

¹⁴ Борис Чернышов внес в Госдуму законопроект, устанавливающий День памяти распада СССР [Электронный ресурс]. URL: <https://ldnp.pf/event/157102> (дата обращения: 02.12.2022).

¹⁵ О внесении изменений в статью 1.1 Федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России» (об установлении даты памяти о прекращении существования Союза Советских Социалистических Республик) [Электронный ресурс] : Законопроект № 47090-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/47090-8> (дата обращения: 02.12.2022).

выделим акцию «Огненные картины войны»: в 2021 г. волонтеры центра «Единой России», «Волонтеры Победы», актив партии и молодогвардейцы создали инсталляцию в 7 тыс. свечей, представив иллюстрацию с обложки книги Героя Советского Союза Михаила Девятаева «Побег из ада»; в 2022 г. актив реготделения ЕР, молодогвардейцы, «Волонтеры Победы», члены Молодежного парламента, студенты МГПУ им. М. Е. Евсевьева – инсталляцию «Сурский рубеж»¹⁶. Размещенные материалы ориентированы также на районный / муниципальный / локальный уровни (поздравления и помощь ветеранам, уход за памятниками и др.).

Региональное отделение КПРФ концентрируется на идеологической и пропагандистской работе. 26 ноября 2022 г. состоялся VII (ноябрьский) совместный Пленум Комитета и Контрольно-ревизионной комиссии Мордовского республиканского отделения КПРФ, основная повестка которого – «Опыт советского народовластия и задачи Мордовского республиканского отделения в борьбе за подлинную демократию, социальный прогресс и дружбу народов»¹⁷. Акцентируется инициированный коммунистами круглый стол на тему «Великий Октябрь: история и современность», прошедший 8 ноября 2022 г. в Госсобрании Республики Мордовия. Артикулированы темы 105-летия Октябрьской революции и 100-летия образования СССР. Одна из центральных тем – Великая Отечественная война. Активисты реготделения принимают участие в праздничных (9 Мая) и траурных (22 июня) памятных мероприятиях. Освещаются 100-летие создания пионерской организации, годовщина вывода советских войск из Афганистана. Мордовскими коммунистами выражена поддержка внесенного в Госдуму законопроекта КПРФ о признании государственным флага СССР¹⁸. Реготделение приветствовало акции «Красное Знамя Победы» и «Поезд Победы». Рескомом КПРФ и Ленинского коммунистического союза молодежи (ЛКСМ) проведены автопробеги, посвященные Дню космонавтики.

Мордовское отделение СРЗП фокусируется на общероссийском контексте и современных событиях. Его сторонники принимают участие в шествиях «Бесмертного полка», акциях «Свеча памяти», субботниках по уборке территории памятников героям Великой Отечественной войны, мероприятиях ко Дню защитника Отечества, Дню Неизвестного солдата, проводят региональные акции («Эстафета Вечного огня» и др.). На сайте акцентированы и другие значимые события советского прошлого. В частности, на круглом столе «справедливороссов» Мордовии на тему «Значение Космоса для России: прошлое, настоящее, будущее» (12 апреля 2022 г.) председатель Совета регионального отделения в Мордовии, депутат Госсобрания Т. В. Гераськин подчеркнул, что открытие Космоса обеспечило СССР (России) лидирующую позицию среди других стран

¹⁶ В Саранске зажгли «Огненную картину войны» в память о героях Великой Отечественной войны [Электронный ресурс]. URL: <https://mordov.er.ru/activity/news/v-saranske-zazhgli-ognennuyu-kartinu-voyny-v-pamyat-o-geroyah-velikoj-otechestvennoj-vojny>; В Саранске из горящих свечей выложили картину «Сурский рубеж» [Электронный ресурс]. URL: <https://mordov.er.ru/activity/news/v-saranske-iz-goryashih-svechej-vylozhili-kartinu-surskij-rubezh133> (дата обращения: 02.12.2022).

¹⁷ К 100-летию образования СССР [Электронный ресурс]. URL: <https://кпрф13.рф/к-100-летию-образования-ссср/> (дата обращения: 02.12.2022).

¹⁸ Двадцать Неотложных Мер. Под Ленинским Мудрым Взглядом... [Электронный ресурс]. URL: <https://кпрф13.рф/двадцать-неотложных-мер-под-ленински/> (дата обращения: 02.12.2022).

мира¹⁹. К 60-летию первого полета был приурочен автопробег «справедливороссов» по Саранску.

Сайт Мордовского регионального отделения ЛДПР насыщен разноплановой информацией. Здесь содержатся сообщения о проведении выставок «Герои Сталинграда» (февраль 2022 г.), «Битва за Берлин», «Без срока давности» (апрель 2022 г.) и других в Мемориальном музее военного и трудового подвига 1941–1945 гг., поддержке акций «Поезд Победы», «Красная гвоздика», «Сад памяти», «Свеча памяти», поздравления с праздничными датами. Региональные активисты участвуют в митингах, концертах («Повелители Победы») и др. ЛДПР не обходит своим вниманием День космонавтики. Присутствует акцент на важности исторических событий для республики: например, в сообщении о выставке «“Кузница” летчиков морской авиации» (декабрь 2021 г.) говорится о 1-м запасном авиационном полку ВВС ВМФ СССР, базировавшемся в 1942–1943 гг. в Мордовии²⁰.

Наименее информативен в изучаемой плоскости сайт регионального отделения «Новых людей». Он воспроизводит константы федерального сайта, давая лишь приблизительное представление об отношении регактива партии к теме исторической памяти и степени его участия в деле ее актуализации. Анализ его содержания выявил отдельные упоминания о некоторых важных для России исторических датах – Дне защитника Отечества и Дне России, причем поздравление партии с первым названным праздником датировано 23 февраля 2021 г.²¹, т. е. оно приходится на период до обретения ею парламентского статуса. Уже в таком качестве как на федеральном, так и региональном (Республика Мордовия) уровнях «Новые люди» свое участие в определенных событиях не афишируют. Тема исторической памяти для них не является доминантной, хотя на текущем этапе партией уделяется внимание вопросам поддержки новых субъектов Российской Федерации и другим, связанным с проведением специальной военной операции.

Обсуждение и заключение. Тема исторической памяти наиболее востребована «старыми» парламентскими партиями Российской Федерации, наименее – партией «Новые люди». Отстраненность «Новых людей» от ее обсуждения выглядит понятной ввиду особенностей интеграции партии в систему публично-властных отношений и декларируемых идеологических представлений. Однако то обстоятельство, что основой социальной базы «Новых людей» выступает молодежь, делает подобное дистанцирование опасным в долгосрочной перспективе с точки зрения интересов общества и государства, обеспечения неразрывности связи поколений и «коллективной памяти».

Репрезентация темы «старожилами» довольно последовательна, с акцентом на тезисе об исторической преемственности в развитии отечественной государственности. Есть серьезные пробелы, разрывы в сюжетах советского прошлого. ЕР «замалчивает» проблематику Октябрьской революции, создание

¹⁹ Поздравляем всех жителей Республики Мордовия с Днем космонавтики! [Электронный ресурс]. URL: <https://mordovia.spravedlivo.ru/20229310> (дата обращения: 02.12.2022).

²⁰ В Мемориальном музее можно увидеть уникальную реликвию – Боевое Знамя 1-го запасного полка ВВС ВМФ [Электронный ресурс]. URL: <https://mordoviya.ldpr.ru/event/154554> (дата обращения: 02.12.2022).

²¹ Новые люди поздравляют всех защитников Отечества! [Электронный ресурс]. URL: <https://newpeople.ru/News/novye-lyudi-pozdravlyayut-vseh-zashitnikov-otechestva-> (дата обращения: 02.12.2022).

и распад СССР. КПРФ артикулирует эти события, как правило, с преломлением через призму идеологических установок. ЛДПР в последнее время склонна фокусироваться на советском опыте державности, геополитической роли Советского Союза, а ее инициативу об установлении Дня памяти распада СССР можно рассматривать в контексте его мемориализации. СРЗП формирует достаточно сбалансированную картину исторического прошлого, с критическим подтекстом, адресованным элитным группам постсоветской России. Еще более выражена критическая составляющая в дискурсе КПРФ. Позитивные смысловые образы советской эпохи репрезентируются в первую очередь КПРФ и СРЗП, но с явным уклоном в идеологизацию.

Системообразующий сюжет, вокруг которого строятся абсолютное большинство инициатив российских парламентских партий, – Великая Отечественная война. Обращение к ней свойственно всем «старожилам». Общая константа – призывы к противодействию историческому ревизионизму на этом направлении.

Сопоставляя деятельностный компонент практик парламентских партий России, подчеркнем относительно высокую степень их активности по инициированию важных проектов, акций, участия в общегосударственных и региональных мероприятиях. Наиболее заметна здесь ЕР. Акцентируем значимость федерального партийного проекта «Историческая память». ЕР как доминантная партия располагает наилучшими политическими и иными возможностями для продвижения собственной позиции и предложений на федеральном и региональном уровнях через разные каналы. Поэтому ее активность в рассматриваемом ключе вполне объяснима. ЕР чаще, чем другие партии, опирается на поддержку партнеров в реализации соответствующих инициатив, включая другие общественные объединения. Это присуще и КПРФ, но в меньшей степени.

Содержание и структуры региональных партийных практик фактически воспроизводят федеральные образцы, предполагая детализацию внимания к тем или иным видам коммеморации, например, церемониальной, музейно-выставочной, конкурсно-художественной, включая локальный контекст.

Можно заключить, что специфика репрезентации темы исторической памяти парламентскими партиями Российской Федерации во многом вытекает из их программных установок и стратегий политического позиционирования. Ряд транслируемых партиями смысловых образов демонстрирует солидарное понимание узловых для страны событий. В трактовке современных тенденций и процессов присутствуют отсылки к историческому прошлому. В целом парламентские партии оказывают большое содействие коммеморации и упрочению связей внутри общества. Они вовлечены в конструирование мемориальных нарративов, например, «воспевания исторического величия» России, но не являются доминирующими мнемоническими акторами. Для формирования целостной государственной политики памяти необходимо добиться не только социально-политического консенсуса по трактовке отдельных векторов и сюжетов в плоскости исторической памяти, но и устранить названные разрывы, обеспечив системность решений и действий, их непротиворечивость заявляемым ориентирам.

Полученные результаты могут быть востребованы в процессе выработки и реализации политических решений на общегосударственном уровне и уровне

субъектов Федерации в целях предупреждения негативизации исторической памяти и фальсификации истории, совершенствования политической системы России. Дальнейшее направление исследований предполагает акцентирование внешнеполитического измерения темы исторической памяти о советском прошлом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Котунова О. В. Историческая память и этика дискурса: перспектива взаимодействия // *Философия и общество*. 2021. № 1 (98). С. 93–113. <https://doi.org/10.30884/jfio/2021.01.05>
2. Малинова О. Ю. Политика памяти как область символической политики // *Метод*. 2019. № 9. С. 285–312. EDN: EROTGR
3. Couperus S., Tortola P. D., Rensmann L. Memory Politics of the Far Right in Europe // *European Politics and Society*. 2022. April, 03. Pp. 1–10. <https://doi.org/10.1080/23745118.2022.2058757>
4. Klymenko L., Siddi M. Exploring the Link Between Historical Memory and Foreign Policy: An Introduction // *International Politics*. 2020. Vol. 57. Pp. 945–953. <https://doi.org/10.1057/s41311-020-00269-x>
5. Асеев А. Д., Шишков В. В. Россия в «войнах памяти»: историческая политика в Восточной Европе // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*. 2020. № 2 (839). С. 9–23. URL: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/2_839_S.pdf (дата обращения: 25.11.2022).
6. Русаков В. М., Русакова О. Ф. Инфраструктура новой политики национальной памяти на постсоветском пространстве. К постановке проблемы // *Дискурс-Пи*. 2020. Т. 17, № 2 (39). С. 27–47. <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10202>
7. Pasieka A. M. Postsocialist and Postcapitalist Questions? Far-Right Historical Narratives and the Making of a New Europe // *East European Politics & Societies*. 2021. Vol. 35, issue 4. Pp. 975–995. <https://doi.org/10.1177/0888325420977628>
8. Seraphine F. Maerz Ma'naviyat in Uzbekistan: An Ideological Extrication from its Soviet Past? // *Journal of Political Ideologies*. 2018. Vol. 23, issue 2. Pp. 205–222. <https://doi.org/10.1080/13569317.2018.1419448>
9. Нечаев Д. Н., Леонова О. В. Мемориальная культура и политическая мифология: политика памяти в сфере государственного управления России и государств постсоветского пространства // *Вестник Поволжского института управления*. 2021. Т. 21, № 1. С. 12–21. <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2021-1-12-21>
10. Токарева Е. А. Историческая память, практики коммемораций и современная политическая история // *Вестник МГПУ. Сер.: Философские науки*. 2021. № 3 (39). С. 28–36. URL: <https://philosophy.mgpu.ru/2021/11/25/istoricheskaya-pamyat-praktiki-kommemoracziy-i-sovremennaya-politicheskaya-istoriya/> (дата обращения: 25.11.2022).
11. Красильников С. А. История и память в контексте политических интересов // *Исторический курьер*. 2022. № 1 (21). С. 9–21. <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2022-1-1>
12. Багдасарян В. Э. Войны памяти как войны историософских матриц: борьба за победу после Победы // *Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки*. 2020. № 3. С. 21–32. <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2020-3-21-32>
13. Кокоулин В. Г. Технологии трансформации исторической памяти о Великой Отечественной войне в постсоветской России // *Дискурс-Пи*. 2020. Т. 17, № 3 (40). С. 10–25. <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10301>
14. Коргунюк Ю. Г. Тематика советского прошлого в думской кампании 2021 года // *Полития*. 2022. № 3 (106). С. 105–129. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-106-3-105-129>
15. Тимшина Е. Л. Оглядываясь назад: образ Советского Союза в исторической политике партий (по материалам выборов в Государственную Думу РФ VI и VII созывов) // *Genesis: исторические исследования*. 2021. № 3. С. 37–52. <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2021.3.32753>

16. Aas S. Norwegian and Soviet/Russian World War II Memory Policy During the Cold War and the Post-Soviet Years // *Acta Borealia: A Nordic Journal of Circumpolar Societies*. 2012. Vol. 29, issue 2. Pp. 216–239. <https://doi.org/10.1080/08003831.2012.678721>
17. Sherlock T. Russian Politics and the Soviet Past: Reassessing Stalin and Stalinism under Vladimir Putin // *Communist and Post-Communist Studies*. 2016. Vol. 49, issue 1. Pp. 45–59. <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2016.01.001>
18. Adler N. Reconciliation with – or Rehabilitation of – the Soviet Past? // *Memory Studies*. 2012. Vol. 5, issue 3. Pp. 327–338. <https://doi.org/10.1177/1750698012443889>
19. Kovtiak E. A Bridge to the Past: Public Memory and Nostalgia for the Communist Times in Modern Georgia // *Journal of Nationalism, Memory & Language Politics*. 2018. Vol. 12, issue 1. Pp. 31–51. URL: <https://sciendo.com/issue/JNMLP/12/1> (дата обращения: 25.11.2022).
20. Титов В. В. Образы советского прошлого как ресурс формирования национально-государственной идентичности россиян // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020. Т. 10, № 3. С. 20–24. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2020-10-3-20-24>
21. Кирчанов М. В. Региональная «политика памяти» России: акторы, направления, перспективы развития мемориальной культуры // *PolitBook*. 2022. № 1. С. 24–54. URL: https://politbook.online/images/pdf/PolitBook2022_Issue_1.pdf (дата обращения: 25.11.2022).
22. Малинова О. Ю., Миллер А. И., Пахалюк К. А. Региональный аспект политики памяти в России // *Новое прошлое*. 2022. № 2. С. 112–136. <https://doi.org/10.18522/2500-3224-2022-2-112-136>
23. Кулиш В. В., Матвеев Н. А. Социальный механизм функционирования исторической памяти // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2022. № 10 (102). С. 16–23. <https://doi.org/10.24158/spp.2022.10.1>
24. Кулиш В. В. «Ядро» и «периферия» в содержании исторической памяти // *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2022. № 5 (56). С. 30–36. URL: <https://kpfu.ru/isfnnmk/kazanskij-socialno-gumanitarnyj-vestnik/arhiv-nomerov/39yadro39-i-39periferiya39-v-soderzhanii-422763.html> (дата обращения: 25.11.2022).
25. Аникин Д. А., Линченко А. А. Избирая память? Политические партии в России как акторы исторической политики // *Studia Humanitatis*. 2017. № 4. URL: https://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/anikin_linchenko.pdf (дата обращения: 25.11.2022).

Поступила 08.12.2022; одобрена после рецензирования 28.02.2023; принята к публикации 09.03.2023.

Об авторах:

Бахлова Ольга Владимировна, доктор политических наук, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3849-8321>, olga.bahlova@mail.ru

Бахлов Игорь Владимирович, доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bahlov@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

О. В. Бахлова – сбор, обработка и анализ информации; подготовка первоначального варианта текста; проведение критического анализа материалов; критический анализ и доработка текста.

И. В. Бахлов – изучение концепции; критический анализ и доработка текста.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Kotunova O.V. Historical Memory and Ethics of Discourse: Possible Interaction. *Philosophy and Society*. 2021;(1):93–113. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30884/jfio/2021.01.05>

2. Malinova O.Yu. Politics of Memory as a Branch of Symbolic Politics. *Metod.* 2019;(9):285–312. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: [EROTGR](#)
3. Couperus S., Tortola P.D., Rensmann L. Memory Politics of the Far Right in Europe. *European Politics and Society.* 2022;(April):1–10. <https://doi.org/10.1080/23745118.2022.2058757>
4. Klymenko L., Siddi M. Exploring the Link between Historical Memory and Foreign Policy: An Introduction. *International Politics.* 2020;57:945–953. <https://doi.org/10.1057/s41311-020-00269-x>
5. Aseev A.D., Shishkov V.V. Russia in the Wars of Memory: Historical Politics in Eastern Europe. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences.* 2020;(2):9–23. Available at: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/2_839_S.pdf (accepted 25.11.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
6. Rusakov V.M., Rusakova O.F. Infrastructure of the New National Memory Politics in the Post-Soviet Space. To the Statement of a Problem. *Discourse-P.* 2020;17(2):27–47. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10202>
7. Pasička A.M. Postsocialist and Postcapitalist Questions? Far-Right Historical Narratives and the Making of a New Europe. *East European Politics & Societies.* 2021;35(4):975–995. <https://doi.org/10.1177/0888325420977628>
8. Seraphine F. Maerz Ma'naviyat in Uzbekistan: An Ideological Extrication from its Soviet Past? *Journal of Political Ideologies.* 2018;23(2):205–222. <https://doi.org/10.1080/13569317.2018.1419448>
9. Nechaev D.N., Leonova O.V. Memorial Culture and Political Mythology: Politics of Memory in the Sphere of Public Administration in Russia and Post-Soviet States. *Bulletin of the Volga Region Institute of Administration.* 2021;21(1):12–21. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2021-1-12-21>
10. Tokareva E.A. Historical Memory, Commemoration Practices, and Contemporary Political History. *Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series "Pedagogy and Psychology".* 2021;(3):28–36. Available at: <https://philosophy.mgpu.ru/2021/11/25/istoricheskaya-pamyat-praktiki-kommemoracziy-i-sovremennaya-politicheskaya-istoriya/> (accessed 25.11.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
11. Krasilnikov S.A. History and Memory in the Context of Political Interests. *Historical Courier.* 2022;(1):9–21. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2022-1-1>
12. Bagdasaryan V.E. Wars of Memory as a War of Historiosophical Matrices: The Struggle for Victory after Victory. *Bulletin MSRU. Series: History and Political Science.* 2020;(3):21–32. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2020-3-21-32>
13. Kokoulin V.G. Technologies for Transforming the Historical Memory of the Great Patriotic War in Post-Soviet Russia. *Discourse-P.* 2020;17(3):10–25. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10301>
14. Korgunyuk Yu.G. The Soviet Past Theme in the 2021 Duma Campaign. *Politeia.* 2022;(3):105–129. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-106-3-105-129>
15. Timshina E.L. Looking Back at the Past: Image of the Soviet Union in the Politics of Memory the Parties (by the Example of Materials of Elections to the State Duma of the Russian Federation of the VI and VII Conventions). *Genesis: Historical Research.* 2021;(3):37–52. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2021.3.32753>
16. Aas S. Norwegian and Soviet/Russian World War II Memory Policy During the Cold War and the Post-Soviet Years. *Acta Borealia: A Nordic Journal of Circumpolar Societies.* 2012;29(2):216–239. <https://doi.org/10.1080/08003831.2012.678721>
17. Sherlock T. Russian Politics and the Soviet Past: Reassessing Stalin and Stalinism under Vladimir Putin. *Communist and Post-Communist Studies.* 2016;49(1):45–59. <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2016.01.001>
18. Adler N. Reconciliation with – or Rehabilitation of – the Soviet Past? *Memory Studies.* 2012;5(3):327–338. <https://doi.org/10.1177/1750698012443889>
19. Kovtiak E.A Bridge to the Past: Public Memory and Nostalgia for the Communist Times in Modern Georgia. *Journal of Nationalism, Memory & Language Politics.* 2018;12(1):31–51. Available at: <https://sciencdo.com/issue/JNMLP/12/1> (accessed 25.11.2022).

20. Titov V.V. Images of the Soviet Past as a Resource for the Formation of National-State Identity of Russians. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(3):20–24. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2020-10-3-20-24>
21. Kirchanov M.V. Regional “Politics of Memory” in Russia: Actors, Directions, Development Prospects of Memorial Culture. *PolitBook*. 2022;(1):24–54. Available at: https://politbook.online/images/pdf/PolitBook2022_Issue_1.pdf (accessed 25.11.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
22. Malinova O.Yu., Miller A.I., Pakhalyuk K.A. Regional Aspects of Memory Politics in Russia. *Novoe proshloe / The New Past*. 2022;(2):112–136. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18522/2500-3224-2022-2-112-136>
23. Kulish V.V., Matveeva N.A. Social Mechanism of Historical Memory Functioning. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*. 2022;(10):16–23. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24158/spp.2022.10.1>
24. Kulish V.V. “Core” and “Periphery” in the Content of Historical Memory. *The Kazan Social-ly-Humanitarian Bulletin*. 2022;(5):30–36. Available at: <https://kpfu.ru/isfmmk/kazanskij-socialno-gumanitarnyj-vestnik/arhiv-nomerov/39yadro39-i-39periferiya39-v-soderzhanii-422763.html> (accessed 25.11.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
25. Anikin D.A., Linchenko A.A. Choosing Memories? Russian Political Parties as Actors of Historical Policy. *Studia Humanitatis*. 2017;(4). Available at: https://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/anikin_linchenko.pdf (accessed 25.11.2022). (In Russ., abstract in Eng.)

Submitted 08.12.2022; revised 28.02.2023; accepted 09.03.2023.

About the authors:

Olga V. Bakhlova, Dr. Sci. (Polit.), Professor, Department of General History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University (68/1 Bolchevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3849-8321>, olga.bahlova@mail.ru

Igor V. Bakhlov, Dr. Sci. (Polit.), Associate Professor, Head of Department of General History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University (68/1 Bolchevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bahlov@mail.ru

Contribution of the authors:

O. V. Bakhlova – collection, processing and analysis of information; preparation of the initial version of the text; critical analysis of the materials; critical analysis and revision of the text of the article.

I. V. Bakhlov – examination of the conception; critical analysis and revision of the text of the article.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА.
ЭТНОПОЛИТИКА /
POLITICAL REGIONAL STUDIES.
ETHNOPOLITICS

УДК 323:656(471.17)

doi: 10.15507/2413-1407.123.031.202302.255-274

Оригинальная статья

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Социально-политическое взаимодействие горожан
и власти в условиях транспортных нововведений
(реформа городов Кузбасса)

Е. В. Головацкий ✉

Е. А. Кранзеева

А. В. Орлова

Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, Российская Федерация)

✉ xomaik@rambler.ru

Аннотация

Введение. В настоящее время в социально-политическом взаимодействии населения и представителей власти обнаруживается тенденция интенсивности проявления социальных и политических отношений. Горожане в условиях сетевых реактивных коммуникаций в информационном поле включаются в этапы планирования и реализации территориального управления, демонстрируют запрос на инновационные проекты, продукты и практики взаимодействия на городской территории. Цель статьи – по результатам проведенного исследования представить характер и особенности социально-политического взаимодействия горожан с органами власти в режиме освоения транспортных нововведений.

Материалы и методы. В исследовании применялся метод контент-анализа. Удалось получить уникальные единицы измерения – оценки пользователей региональных сетевых ресурсов транспортных инноваций в городах Кемерово и Новокузнецк. Анализ новостных порталов и сайтов публикаций городских событий, а также публичных страниц сообществ в социальных сетях позволил выявить активные, лояльные и пассивные категории пользователей транспортных услуг, определить векторы освоения транспортных нововведений, представить стратегии отношения и поведения к реформе жителей региона.

Результаты исследования. Опыт пассажирской транспортной реформы выявил наличие противоречивых гражданских оценок и запросов на инновации, население уверенно включается в активное и ответственное, судя по заявлениям многих жителей, участие в развитии и наполнении городской среды новыми коммуникативными практиками. В результате исследования обнаружены несколько различающиеся стратегии освоения нововведений. В Новокузнецке инициаторами нововведения была выбрана более динамичная и транспортно-ориентированная стратегия; основные коррекционные и мобилизующие этапы осуществлялись непосредственно в заданном временном лаге. В Кемерове использована модель последовательного инкорпорирования транспортных нововведений в сложившуюся схему городских коммуникаций. Определены различия в использовании инструментальных, экономических, культурных и социальных ресурсов в рамках внедрения транспортных инноваций.

© Головацкий Е. В., Кранзеева Е. А., Орлова А. В., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Обсуждение и заключение. В итоге были обнаружены направления, требующие внимания исследователей и управленцев: актуальность сетевых коммуникаций в отношении городских проблем («цифровая политика»), социальные коммуникации городского населения и власти в условиях реактивных отношений; транспортная пассажирская коммуникация города (агломерации) и др. Исследование представляет практический сравнительный интерес организации инновационных городских проектов для социологов, исследователей территории, административных и политических управленцев.

Ключевые слова: социально-политическое взаимодействие, городская территория, горожане, транспортная реформа, Кемеровская область

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Головацкий Е. В., Кранзеева Е. А., Орлова А. В. Социально-политическое взаимодействие горожан и власти в условиях транспортных нововведений (реформа городов Кузбасса) // Регионология. 2023. Т. 31, № 2. С. 255–274. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.123.031.202302.255-274>

Original article

Socio-Political Interaction of Citizens and Authorities in the Context of Transport Innovations (Reform of Kuzbass Cities)

E. V. Golovatsky ✉, E. A. Kranzeeva, A. V. Orlova
Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation)
✉ xomaik@rambler.ru

Abstract

Introduction. Currently there is a tendency of intensity of manifestation of social and political relations in the socio-political interaction of the population and government representatives. Citizens in the conditions of network reactive communications in the information field, are included in the stages of planning and implementation of territorial administration, demonstrate a request for innovative projects, products and practices of interaction in the urban area. The purpose of the study is to study the nature and features of the socio-political interaction of citizens with the authorities in the mode of mastering transport innovations.

Materials and Methods. During the check, the method of content analysis was applied. It was possible to obtain separate units of measurement – estimates of the use of financial innovation resources in the cities of Kemerovo and Novokuznetsk. The analysis of news portals and publications of city events, as well as public pages of communities in social networks, revealed active, loyal and passive categories of users of transport services, discovered and associated with the development of social innovations, including strategies for attitudes and behavior towards the movement of residents of the region.

Results. The experience of passenger transport reform has shown the presence of contradictory civic assessments and requests for innovation, the population is confidently involved in active and responsible, judging by the statements of many residents, participation in the development and filling of the urban environment with new communication practices. As a result of the research, we have found slightly different strategies for mastering innovations. In Novokuznetsk, the initiators of the innovation chose a more dynamic and transport-oriented strategy. The main corrective and mobilizing stages were carried out directly in a given time lag. In Kemerovo, a strategy (model) of consistent incorporation of transport innovations into the existing scheme of urban communications was applied. There are noticeable differences in the use of instrumental, economic, cultural and social resources within the framework of the introduction of transport innovations.

Discussion and Conclusion. According to the results of the research, it was possible to find the following areas that require the attention of researchers and managers: the relevance of network communications in relation to urban problems (“digital policy”); social communications of the urban population and the authorities in the conditions of reactive relations; transport passenger communication of the city (urban agglomeration). The study is of practical comparative interest in organizing innovative urban projects for sociologists, researchers of the territory, administrative and political managers.

Keywords: socio-political interaction, urban area, citizens, transport innovations, Kemerovo region

Conflict of interests. The authors declare that there is no conflict of interest.

For citation: Golovatsky E.V., Kranzeeva E.A., Orlova A.V. Socio-Political Interaction of Citizens and Authorities in the Context of Transport Innovations (Reform of Kuzbass Cities). *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(2):255–274. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.123.031.202302.255-274>

Введение. Транспортная реформа – одно из фундаментальных нововведений в России в сложных условиях трансформации и внешних перманентных угрозах общественного развития. Транспортная реформа представляет собой пороговое изменение, модернизацию жизни, в которую оказываются включенными население городов и непосредственно обширная городская инфраструктура. При этом горожане и власти городов «входят» в режим реформирования по-разному, со своей спецификой и подчас уникальными оценками происходящих событий. В мировой практике транспортные коммуникации городской территории являются характеристиками, дифференцирующими городское пространство (Н. Луман) или маскирующими «городские концентрические круги» (Р. Парк), также это является маркером социального качества жизни и повседневного потребления.

Транспортная коммуникация в современных условиях постглобального общества воспринимается остро, так как концептуально под способностью пространственного перемещения принимается во внимание общественная и личная форма свободы передвижения (право пользования пространством). Стороны – участники транспортной реформы могут испытывать взаимное сомнение в реалистичности и действенности применяемых мер. Горожане могут сомневаться в том, что предлагаемый проект учитывает интересы территорий и/или рядовых граждан, относя предлагаемые нововведения к покушению на свободу передвижения, пересечения пространства «знаемого мира». Транспорт в городе является идентификатором повседневности, ритмов городской жизни. Подобные нововведения характеризуются сильной эмоциональностью, так как транспортные нововведения затрагивают повседневную жизнь и касаются каждого гражданина. Условия и состояние городского транспорта обнажают качество жизни и точки роста, демонстрируют возможности и дифференциацию горожан, латентные возможности.

Цель статьи – на основе проведенного исследования охарактеризовать особенности социально-политического взаимодействия горожан с органами власти в режиме освоения транспортных нововведений.

Среди современных общественных притязаний к городской транспортной коммуникации можно обозначить, например, следующие:

- приоритетное обеспечение коммуникационной доступности;
- сокращение времени нахождения горожан в пути (на городских и пригородных маршрутах);
- возможная гибридность транспортной коммуникации;
- безопасность городской транспортной коммуникации;
- консолидация городского транспорта и его инфраструктуры с другими участниками коммуникации и городской средой в целом (различные участники взаимодействия, включая формы собственности и форматы организаций, бюджетирование (социальный пакет, услуги), индивидуальные коммуникационные траектории, «автомобильности» (по Дж. Урри) и пр.);

– претензия (общественный спрос) на инновационность организации пассажирской транспортной коммуникации.

Современные горожане все чаще рассматривают возможности реализовывать транспортную пассажирскую контактность «Право быть пассажиром маршрута», возможность реализовывать свою повседневность в русле возможностей перемещения в пространстве городских мест [1]. При этом на соблюдение «права на город в городе» претендуют не только рядовые горожане, но и представители бизнеса, как правило, демонстрирующие готовность принимать корпоративную ответственность за места и пересекаемые пространства вкупе со временем, заполняемым интересами реализации индивидуальных или консолидированных бизнес-проектов и т. п.

В результате мы получаем триангуляционную схему организации транспортного взаимодействия в масштабе городского пространства, а именно: «горожане» (преимущественно в роли пассажиров, заказчиков услуг) – «власти» (исполнители нормативной, распределительной и организационно-управленческой и контрольной функций) – «бизнес-сообщества» (поставщики ресурсов и акторы, обеспечивающие наполненность городской транспортной сети, организаторы транспортных треков и пр.). В практическом плане в действие вступает комплекс механизмов и различные заинтересованные стороны, интересы и желания которых не обязаны коррелировать с генеральной линией инновационного транспортного проекта.

Обзор литературы. В современных условиях социально-политическое взаимодействие граждан с властью и друг с другом реализуется в пространстве городских интересов и обусловлено «выживанием сильнейших в городах» [2] в связи с динамичными и активными (в формате 24/7) коммуникациями. В связи с нововведениями в городской среде, в том числе транспортными реформами, актуальными становятся новые подходы к исследованию социально-политического взаимодействия населения и власти в городе на примере транспортной реформы городов Новокузнецк и Кемерово.

В сочетании разнообразных приемов и практик модернизации транспортной системы современных городов исследователи и практики предлагают различные подходы совершенствования пассажирских и грузовых коммуникаций в пост-глобальном обществе.

Единство трансформации города и его социального совершенствования связывают с проектами развития «города-сада» Э. Говарда, Акрогорода Ф. Л. Райта, а также современными концепциями: Smart Cities («умные города») и Edgeless Cities («бескрайние города») Р. Е. Лэнга и др. [3–5]. Концепция «справедливого города» [6] и определение подходов к ее реализации в городском контексте представлены ориентированными на справедливость взглядами на мобильность, транспорт и город [7–9]. На этом фоне востребованы инновации городского развития в гибридных формах и сочетаниях технологий и ресурсов городского социально-политического взаимодействия. Возможности использования искусственного интеллекта в организации городского движения и инфраструктуры в целом и диагностика элементов конструкции и систем [10] являются трендовым направлением европейских исследований¹.

¹ Transfer Learning-Based Vehicle Classification, in Proc / S. Y. Jo [et al.] // 2018 International SoC Design Conference (ISODC). November, 2018. Pp. 127–128. <https://doi.org/10.1109/isocd.2018.8649802>

В международном масштабе предлагается многообразие моделей транспортной политики. Это связано с тем, что ключевыми становятся не техническая и социально-экономическая эффективность городского транспорта, а непосредственно объемы социального участия населения. Так, в результате реформы общественный транспорт в г. Хассельт (Бельгия) стал бесплатным, так как реконструкция дорог привела к невозможности использовать личный транспорт. Опасаясь протестов, власти пошли на эксперимент, который поддержали жители, сейчас отказ от использования автомобилей значительно разгрузил городской трафик и привел к дополнительным экономическим эффектам [1, с. 350]. «Зеленый» транспорт и применение гибридных транспортных коммуникаций также активизируют интерес к инновационным проектам и технологиям в области модернизации городской транспортной инфраструктуры, включая прототипирование транспортной сети, использования каналов радиодактилоскопии² [11], возможностей интеллектуальных систем мониторинга [12]. Детализированными технологическими инструментами могут служить системы обнаружения транспортных средств с обработкой окклюзии и ОС-SVM-классификации («машинное зрение») [13].

В Германии, США, Франции в транспортной идеологии применяется системобразующий принцип сочетания государственных и частных (гражданских) инициатив, предлагаются варианты создания крупных частно-государственных структур, способных выдерживать международную конкуренцию и централизованно формировать и качественно насыщать сферу оказания транспортных услуг населению и организациям. Одним из вариантов развития является «модель SPV» (special purpose vehicle), популярная в странах с развитым государственно-частным партнерством. Идея этой модели заключается в том, что государственные организации подключаются в проекты государственно-частного партнерства бинарно как участники-исполнители и одновременно заказчики услуг³. Снижение социальных рисков ресурсных регионов связывается с развитием именно некоммерческого сектора [14, с. 105–106].

В условиях перманентных политических и экономических рисков партнерство возможно в качестве механизмов мобилизации ресурсов, социальных инициатив, сетевого гражданского участия.

В нашей стране транспортная реформа увязывается со стратегией пространственного развития [15, с. 10] с учетом планирования проектов территориального развития и позиционируется как комплексная модернизация системы общественного транспорта города, имеющая экологический (развитие экологически чистых видов общественного транспорта), экономический (создание единого оператора, развитие безналичной оплаты) и технологический (интеллектуальная транспортная система) эффекты. Предлагаемый российскими исследователями рейтинг городов России по качеству общественного транспорта представляет

² Tamam M. T., Dwiono W., Safian R. J. P. Design a Prototype of the Application System of Classification and Calculating Motor Vehicles on Highway // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering, Volume 771, 2nd International Conference on Engineering and Applied Sciences (2nd InCEAS) 16 November 2019, Yogyakarta, Indonesia. doi: <http://dx.doi.org/10.1088/1757-899X/771/1/012002>

³ Семенова Е. Государственно-частное партнерство как один из путей модернизации российской инфраструктуры [Электронный ресурс] // РИСИ : сайт. URL: <https://riss.ru/analitika/gosudarstvenno-chastnoye-partnerstvo-kak-odin-iz-putey-modernizatsii-rossiyskoy-infrastruktury/> (дата обращения: 06.06.2022).

собой исследование систем общественного транспорта, проводимое во взаимодействии с администрациями российских городов, с использованием открытых данных и возможностей геопространственного анализа.

Практическая необходимость построения соотносимых рейтинговых показателей развития качества жизни в городах актуализирует формирование понимаемых горожанами и квантифицируемых исполнителями фактических индикаторов транспортной системы города. В частности, специалисты SIMETRA-group предлагают следующие обобщенные показатели транспортного обслуживания:

- доступная цена;
- физическая (в том числе пешеходная) доступность;
- транспортная эффективность;
- удобные условия и комфорт;
- показатели безопасности, устойчивости⁴.

Сугубо транспортные индикаторы в исследованиях обозначают вектор технических данных и наблюдение за изменениями качества жизни [1, с. 350].

Ряд исследователей предлагают формат «городского тождества» – типологий городских пространств с учетом схожести и различия важных образующих / под-держивающих признаков доступной и комфортной среды отдельных горожан и определенных сообществ [16]. На самом деле история изучения городских сообществ изобилует подобными систематизирующими обобщениями, понятными и объединяющими интересы одних сообществ и нивелирующими потенциал других.

Однако опыт реализации реформ в городах России указывает, что она имеет и определенные социально-политические эффекты, и характерные последствия [17–19]. Они могут представлять различные по масштабу и социальному значению ресурсы и средства, уникальные территории («места силы»), трансфер необходимых технологий и/или продуктов извне регионов.

Отмечается мировая тенденция – снижение функциональной ценности личного автомобиля. Эта тенденция способна «работать» на интересы общественного транспорта [20]. Усложнение международных отношений, геополитические кризисы только увеличивают общественный запрос на качество и безопасность транспортной пассажирской коммуникации. Современная жизнь значительной части горожан выражена «реактивностью», высокой динамикой пространственно-временных перемещений, актуализируя процессы мобильности.

Идея мобильности Дж. Урри предлагает учитывать сложную пространственно-временную структуру, актуализировать вопрос о возможностях «социальной управляемости». Подобные мобильности способны размывать не только конкретные территориальные, но и национальные границы, формировать новую подвижную (мобильную) социальную структуру. «Скейпы – это сети машин, технологий, организаций, текстов и действующих лиц, образующие различные взаимосвязанные узлы, по которым могут осуществляться те или иные потоки»⁵.

⁴ Рейтинг городов России по качеству общественного транспорта 2021 г. Сравнение 76 российских городов по 51 показателю [Электронный ресурс] // SIMETRA-group : сайт. URL: <https://publictransport.simetragroup.ru/rating#analysis> (дата обращения: 11.04.2022).

⁵ Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / пер. с англ. Д. Кралечкина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2012. С. 76.

М. де Серто предлагает рассматривать городскую мобильность в качестве пути горожанина, «...следуя законодательно и нормативно закреплённым правилам, и в то же время активно приспосабливаясь к барьерам и ограничениям и формируя свои собственные маршруты» [21, с. 260]. Данный подход определяется сочетанием двух моделей поведения горожан: «пользовательского» (протест) и «потребительского» (соглашение)⁶. В представлениях «города сверху» М. де Серто показывает организации, места работы, районы, кварталы, улицы, транспорт, где потребители пространства организуют мир «собственной жизни»⁷.

Процессы, инициирующие транспортную коммуникацию и окружающую это направление технологическую, производственно-эксплуатационную и социальную инфраструктуру, подвержены глобальным и региональным тенденциям развития [22]. Можно заметить, что «преодоление обозначенных вызовов и достижение целей устойчивого развития возможно при условии объединения потенциала науки, технологий и инноваций. Поскольку на современном этапе главным фактором устойчивого развития выступают инновации, то именно они способны обеспечить рост производительности труда и высвободить необходимые ресурсы» [23, с. 822–823].

Общие и особенные, связанные, например, с развитием территории, принципы гражданского (пассажирского) участия, а в части проектов соучастия реализации нововведений регионов, рассматриваются в ряде современных научных исследований [24; 25].

Отмечается наличие ресурсного потенциала развития территорий с учетом возможностей местных/городских инициатив жителей Кузбасса, демонстрируя разноплановые варианты согласования гражданских инициатив и значимых для жителей предложений⁸ [26].

Для современной России значение пассажирского общественного транспорта сохраняет зависимости от возможностей пространственно-временного перемещения и интересов пользователей в рамках транспортной концепции территории (города). В крупных городских агломерациях и на транспортных пересечениях высока роль личного транспорта наряду с общественным, на мезоуровне актуален и востребован общественный транспорт, в местах, отдаленных от крупных мегаполисов, в условиях ограниченной дорожной сети снова возрастает роль личного транспорта. В настоящее время транспортная система современных городов переживает инновационный этап, сочетающий технологические, коммуникационные (включая возможности искусственного интеллекта), социально-экономические, организационно-управленческие и политические поля решений.

Материалы и методы. Методы исследования, используемые в условиях инноваций и цифровой реактивной коммуникации (новые и традиционные форматы измерения, дистанции, опосредованная среда «исследуемый» – «исследователь» и пр.), потребовали от исследовательского коллектива активной

⁶ Серто де М. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.

⁷ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седелника и Н. Федоровой. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 381 с.

⁸ Система жизнеобеспечения городов Кузбасса: ресурсы населения, гражданская поддержка : коллектив. моногр. / отв. ред. Е. А. Кранзеева; Кемеровский государственный университет. Кемерово, 2020. 305 с.

мобилизации качественных микрометодик и сочетания гибридных приемов поиска информации.

Исследовательский интерес опоясывает группы актуальных, на наш взгляд, позиций. В частности, доверие горожан, интересы городской территории, содержание городских нововведений (транспортной реформы), актуальность городского пассажирского транспорта в современных условиях, наличие конфликтов в освоении нововведений порождается реактивностью значительной части повседневных городских коммуникаций («цифра» ускоряет, нагнетает атмосферу, способствует быстрому решению проблем).

Объектом исследования являются социально-политические взаимодействия горожан, инициаторов нововведений и представителей власти по поводу осуществления транспортной реформы.

В исследовании применялся метод контент-анализа. В качестве уникальных единиц измерения использовались высказывания пользователей региональных сетевых ресурсов, фиксирующие свое внимание на оценке (частотной и содержательной) реализуемых транспортных инноваций в двух крупнейших городах области – Кемерове и Новокузнецке. Основу анализа изучения взаимодействия горожан, представителей власти и инициаторов транспортных нововведений составили сообщения и комментарии в пабликах, соцсетях, публичных страницах. Временной лаг подготовки, замера и анализа данных: февраль 2020 г. – февраль 2022 г. (анализ 735 комментариев к публикациям по транспортной реформе в Кемерове и Новокузнецке).

Проведен анализ новостных порталов и сайтов публикаций городских событий (9 цифровых ресурсов), а также анализ публичных страниц и сообществ в социальных сетях (13 цифровых ресурсов).

В ходе исследования обнаружено несоответствие опубликованных программных значений и проблемных точек, отмечаемых рядовыми пользователями результатов транспортной реформы городов Новокузнецка и Кемерова. Можно предположить существование различных векторов знания проблемы, уровня ответственности и управляемости, наличия у исполнителей и получателей услуг соответствующих ресурсов. С другой стороны, в перечне качественных оценок результатов транспортной реформы обнаруживаются интересы и чаяния определенных социальных категорий граждан, в частности пассажиров, характеризующихся собственной оценкой и видением целей, процессов и результатов транспортных нововведений в городах.

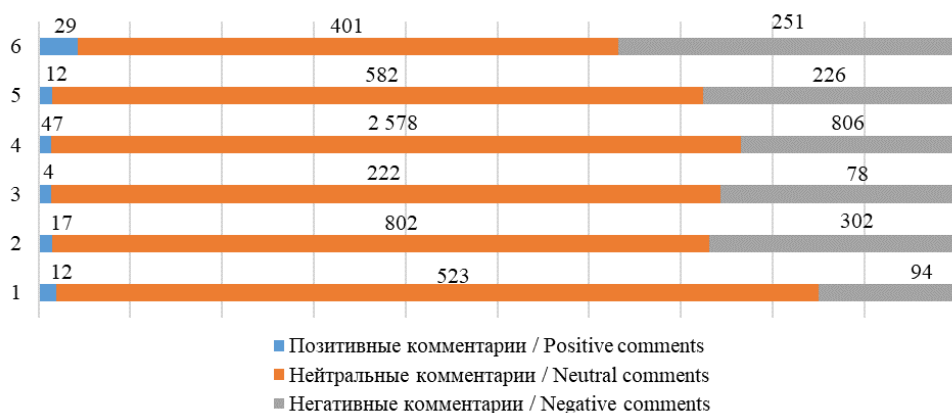
Результаты исследования. Важно помнить, что политика городского управления основывается на работе с непрерывными потоками знаний (данных). Как полагает Р. Китчин, «управление городской инфраструктурой в рамках этого подхода гораздо меньше подвержено политическому влиянию, формируясь под действием объективных, нейтральных фактов в технократическом, прагматическом ключе» [27, с. 105].

Результаты построения городских рейтингов показывают определенную динамику присутствия в рейтинге Кемерова и Новокузнецка. По итогам рейтингования Новокузнецк в 2020 г. занимал 24 место, в 2021 г. качественно переместился на 6 место. Город Кемерово в 2020 г. занимал 26-ю рейтинговую

позицию, в 2021 г. «подрос», улучшив свои показатели до 16 места в рейтинге⁹. Причем города располагаются в модели на осевой линии, демонстрируя устойчивую динамику роста, и «выскочили» в рейтинге ввиду инновационной транспортной политики.

Социально-политическое взаимодействие горожан и власти в инновационных сегментах повседневной городской жизни позволяет отметить увеличение скорости коммуникации, социальный заказ на информацию и участие горожан в ее создании и пополнении. В рамках изучения транспортной реформы в городах Кемерове и Новокузнецке нами были обобщены и проанализированы соответствующие региональные цифровые ресурсы, описывающие информационную ситуацию вокруг внедрения транспортных инноваций в крупных городах региона (рис. 1–3).

1 – «Инцидент Новокузнецк» (социальная сеть Instagram¹⁰, 48 публикаций за период 04.02.2020 – 12.02.2022 гг.) / “Novokuznetsk Incident” (Social network Instagram, 48 publications for the period 04.02.2020 – 12.02.2022)

2 – «Подслушано Новокузнецк» (социальная сеть «ВКонтакте», 11 публикаций за период 03.11.2020 – 16.02.2021 гг.) / “Overheard Novokuznetsk” (VKontakte social network, 11 publications for the period 03.11.2020 – 16.02.2021)

3 – «Новокузнецк ОНЛАЙН» (социальная сеть «ВКонтакте», 21 публикация за период 06.12.2020 – 28.04.2021 гг.) / Novokuznetsk ONLINE (VKontakte social network, 21 publications for the period 06.12.2020 – 28.04.2021)

4 – Официальная группа Администрации города Новокузнецка (социальная сеть «ВКонтакте», 22 публикации за период 05.11.2020 – 06.03.2021 гг.) / The official group of the Novokuznetsk City Administration (VKontakte social network, 22 publications for the period 05.11.2020 – 06.03.2021)

5 – «Инцидент Новокузнецк» (социальная сеть «ВКонтакте», 25 публикаций за период 17.11.2020 – 07.02.2021 гг.) / “Novokuznetsk Incident” (VKontakte social network, 25 publications for the period 17.11.2020 – 07.02.2021)

6 – «Инцидент Кузбасс» (социальная сеть «ВКонтакте», 22 публикации за период 19.02.2020 – 18.01.2022 гг.) / “Kuzbass Incident” (VKontakte social network, 22 publications for the period 19.02.2020 – 18.01.2022)

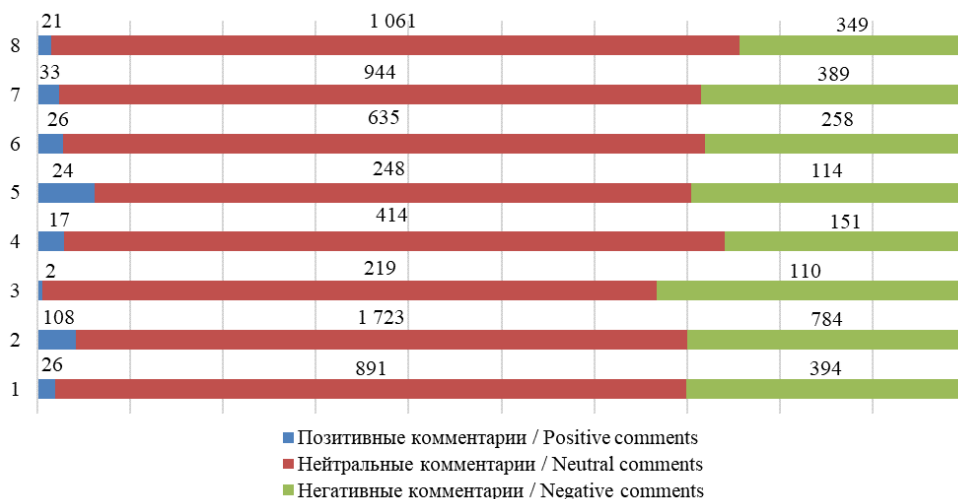
Р и с. 1. Анализ публичных комментариев и выступлений на страницах сообществ в социальных сетях по поводу транспортной реформы (количество и характер комментариев по г. Новокузнецку (февраль 2021 г. – февраль 2022 г.))¹¹

F i g. 1. Analysis of public comments and speeches on community pages in social networks about the transport reform (the number and nature of comments on Novokuznetsk (February 2021 – February 2022))

⁹ Рейтинг городов России по качеству общественного транспорта 2021 г.

¹⁰ Instagram – проект Meta Platforms Inc., деятельность которой запрещена в Российской Федерации.

¹¹ Здесь и далее в статье рисунки составлены авторами.

1 – «Инцидент Кузбасс» (социальная сеть «ВКонтакте», 21 публикация за период 10.10.2021 – 18.02.2022 гг.) / “Kuzbass Incident” (VKontakte social network, 21 publications for the period 10.10.2021 – 18.02.2022)

2 – «Инцидент Кемерово» (социальная сеть «ВКонтакте», 16 публикаций за период 16.12.2021 – 27.01.2022 гг.) / “Kemerovo Incident” VKontakte (VKontakte social network, 16 publications for the period 16.12.2021 – 27.01.2022)

3 – «Город Кемерово» (социальная сеть «ВКонтакте», 9 публикаций за период 16.06.2018 – 19.02.2022 гг.) / “Kemerovo City” (VKontakte social network, 9 publications for the period 16.06.2018 – 19.02.2022)

4 – «В ритме Кемерово» (социальная сеть «ВКонтакте», 26 публикаций за период 07.12.2021 – 12.02.2022 гг.) / “In Rhythm Kemerovo” (VKontakte social network, 26 publications for the period 07.12.2021 – 12.02.2022)

5 – «Подслушано Кемерово» (социальная сеть «ВКонтакте», 13 публикаций за период 14.12.2021 – 16.02.2022 гг.) / “Overheard Kemerovo” (VKontakte social network, 13 publications for the period 14.12.2021 – 16.02.2022)

6 – «Регион 42» (социальная сеть «ВКонтакте», 25 публикаций за период 04.10.2021 – 19.02.2022 гг.) / “Region 42” (VKontakte social network, 25 publications for the period 04.10.2021 – 19.02.2022)

7 – «Типичный Кемерово» (социальная сеть «ВКонтакте», 17 публикаций за период 12.10.2021 – 11.02.2022 гг.) / “Typical Kemerovo” VKontakte (VKontakte social network, 17 publications for the period 12.10.2021 – 11.02.2022)

8 – «Инцидент Кемерово» (социальная сеть Instagram¹², 25 публикаций за период 07.12.2021 – 26.02.2022 гг.) / “Kemerovo Incident” (Social network Instagram, 25 publications for the period 07.12.2021 – 26.02.2022)

Р и с. 2. Анализ публичных комментариев и выступлений на страницах сообществ в социальных сетях по поводу транспортной реформы (количество и характер комментариев по г. Кемерову (июнь 2018 г. – февраль 2022 г.))

F i g. 2. Analysis of public comments and speeches on the pages of communities in social networks about the transport reform (the number and nature of comments on Kemerovo (June 2018 – February 2022))

¹² Instagram – проект Meta Platforms Inc., деятельность которой запрещена в Российской Федерации.

■ Позитивные комментарии / Positive comments

■ Нейтральные комментарии / Neutral comments

■ Негативные комментарии / Negative comments

Р и с. 3. Анализ новостных порталов и сайтов публикаций городских событий

F i g. 3. Analysis of news portals and publication sites of city events

Исследовательская идея выделения трех вариантов первичного оценивания комментариев строилась на предположении о смещении пользователями характера оценок в сторону культуры «просьб, требований и обвинений власти», сложившейся в российской практике социально-политического взаимодействия за последние десятилетия.

Большинство комментариев нейтральны («Новокузнецк ОНЛАЙН» и «Администрация города Новокузнецка»), лидером концентрации негативных оценок выступают ресурсы «Подслушано Новокузнецк» (302 комментария) и «Администрация города Новокузнецка» (806 комментариев). Рост нейтральных комментариев (высокое присутствие такого рода оценок на фоне остальных) позволяет поддержать идею актуальности данных инноваций, а также коридор, который население (пользователи) готовы использовать для демонстрации себя и «своих» интересов быстро и безболезненно.

Незначительное увеличение позитивных комментариев на фоне других ресурсов демонстрирует «Инцидент Кузбасс» (29 сообщений положительного содержания).

Анализ публичных страниц сообществ по теме транспортной реформы в Кемерово также выявляет преобладание нейтральных оценок. Доминирующим ресурсом, на котором пользователи демонстрируют позитивность осуществляемых

транспортных нововведений в городе, является «Инцидент Кемерово» в социальной сети «ВКонтакте» (108 комментариев).

Среди наиболее информационно включенных в обсуждение транспортной реформы ресурсов можно назвать «работу» сообществ «ВКонтакте». Причем доминирующим выступает в основном нейтральный тон комментариев пользователей по поводу проблем, возникающих в ходе транспортной реформы.

При этом, подводя итоги наблюдения за оценками транспортной реформы в специализированных новостных ресурсах, обнаруживается негативное комментирование происходящих событий, возможно, темп и условия динамического ритма активизируют в представителях журналистского цеха критичные требования.

Проведенные нами исследования [19; 25; 28] и результаты текущего анализа позволили обозначить различия в подходах к реализации транспортных нововведений в городах Новокузнецк и Кемерово.

1. *Тема / повестка* – «Новокузнецкая» стратегия предусматривает быстрый старт проекта без использования времени на подготовку общественного мнения, тестирование площадок и материальных компонентов. В Кемерово был выбран «длинный» путь подготовки и запуска инновационных транспортных коммуникаций с указанием фиксированного времени информирования, общественно-политического резонанса в социальных сетях, подготовки сообщений об улучшениях на примере страны и сибирского макрорегиона.

2. *Острота проблемы и попытки обоснования ее значимости*. Ритм и темп транспортной инновации в южной столице Кузбасса привел к динамичному отклику и социально-политическим акциям, неоднократному публичному пикетированию и «захвату» горожанами городской администрации. Острота звучания перспектив и последствий кемеровской транспортной реформы переключалась в сетевое пространство, в режиме последовательного гражданского обсуждения (рис. 2, 3).

3. *Быстрота изменений в ходе реализации транспортных нововведений*. Важно отметить существенную роль объемов и темпов технологического перевооружения и ресурсного обеспечения транспортной реформы. По оценкам пользователей, в обоих городах продолжительное время заняла именно качественная организационно-технологическая отладка. Оба города формально получили равные возможности обмена актуальной информацией по поводу реформы. В кемеровской стратегии сопровождения городской реформы растянутость этапов затрудняет пользователям услуг и эксплуатантам перейти к обсуждению «прошлого состояния» и результатов.

4. *Ключевые субъекты, апелляция к социальным признакам / «ролирование»* (население становится оценщиком, «экспертом» деятельности власти). Оценки жителей в городах преимущественно сходятся. Для новокузнецчан значительную часть проблемных точек занимает проблема быстрого и оперативного перемещения по городу и необходимости посещения мест работы. Кемеровчане отмечают условия перевозки пассажиров, возможность добраться в социально значимые места («отвезти ребенка...»¹³, «добраться ребенку в школу»). Без претензии на

¹³ Здесь и далее в тексте приведены высказывания горожан по поводу проводимой в городах Кузбасса транспортной реформы. Пунктуация и синтаксис преимущественно сохранены.

репрезентативность сравниваемых результатов такие акценты все же показательны. Особенно в сочетании с требованиями к новым маршрутам и транспортным средствам (жители Новокузнецка «голосуют» за своевременное и качественное перемещение, движение без задержек и пробок, кемеровские пассажиры отмечают приоритет безопасных перевозок и «транспортной культуры»). В оценках роли органов власти оба города категорично строги и требовательны.

5. *Характер, направленность и возможности сетевой (свободной, круглосуточной) коммуникации.* Стиль и тон комментариев требователен и насыщен категоричными нотами сравнения условий и качества жизни по регионам. Пользователи указывают на отсутствие иллюзий по поводу скорого результата, не теряя надежды в перспективе. Результаты наших качественных наблюдений показывают существование возможности диалога формата «власть – население». Также сохраняются традиции персонализации ответственности за результаты предлагаемых нововведений от первых лиц (губернатор и мэры городов).

6. *Правила и формы коммуникативного взаимодействия участников реформы, степень доверия, границы реформы («степень притязаний», «масштабы бедствий и востребованность преобразований»).* В указанном направлении результаты сравнительных исследований демонстрируют различные оценки предлагаемых инноваций («У них план и алгоритм на реформы уже расписан на несколько лет. Не выполнению НЕ подлежит» («Типичный Кемерово», 30 января 2022 г.).

7. *Оценка результатов* транспортных нововведений. В целом вектор оценок «сдержанно-прогрессивный», отмечается насущный интерес к городским переменам, включая формирование новой транспортной свободы горожан («Очень, очень большие неудобства терпит народ в этих автобусах... Толпа возле водителя с оплатой. Очень неудобно...») («Инцидент Новокузнецк», 3 июня 2021 г.). Без учета территории проживания горожане отмечают сомнительные последствия транспортной инновации – удлинение маршрутов, появление новых «неизвестных» пассажирами маршрутов, необходимость пересадок. Первоначально обозначившаяся проблема – переход на цифровые взаимодействия между эксплуатантами и пассажирами – оказалась относительно легко преодолеваемой.

Обсуждение и заключение. В процессе анализа транспортного поведения горожан исследователи прибегают к сюжетной линии изучения противоречивых требований в борьбе за место¹⁴, принимая во внимание свойство постоянной изменчивости городского пространства и его обитателей.

Описывая проблемы реализации транспортной реформы, важно учитывать, что ритм, характер и направленность общественного отклика на заявленные нововведения выступают индексом общественного доверия. По результатам исследования реформ в Новокузнецке и Кемерове (начальная стадия) можно предположить некоторые признаки гражданской оценки транспортных нововведений. В частности, можно выделить «адаптационные реакции»¹⁵ участников:

– провиденциализм, имеющий в целом положительный эффект для общества, но повышающий социальное паразитирование и пассивность (ожидание

¹⁴ Система жизнеобеспечения городов Кузбасса... С. 72.

¹⁵ Sztompka P. Society in Action: The Theory of Social Becoming. Chicago : University of Chicago Press, 1991. 211 p.

нового транспортного парка, маршрутов перевозок, критика работы поставщиков услуг, обвинения в предоставлении якобы «старых списанных “московских” автобусов»);

– угроза коррупции для участников взаимодействия (формируются два разнонаправленных процесса: поиск новых точек доверия и авторитетов, ощущение предсказуемых решений власти и управленцев, намеки горожан на «распил денежных средств», «откаты чиновникам»);

– сверхбдительное внимание участников взаимодействия друг за другом, поскольку компетентность и ответственность сторон остается под сомнением, увеличивая роль контрольных сообществ и технологий;

– приоритет личных связей над формализованными или безличными отношениями (приоритет доменных структур, жителей определенных районов, пассажиров конкретных маршрутов, автомобилистов и т. д.);

– «геттоизация» – формирование множества границ вокруг «своей» группы в угрожающем «внешнем» окружении. Попытка снизить сложность и неопределенность и повысить доверие местным, этническим или семейным, кровнородственным группам и сообществам (особенно заметно в оценках последствий транспортной реформы для конкретных районов Новокузнецка и Кемерова);

– поиск сильного авторитарного лидера и ратование за «железный порядок» (апелляция к решениям мэра, губернатора, присутствие СМИ);

– экстернализация доверия – перенос объектов доверия за пределами привычного круга (в случае недоверия “местным” сравнение результатов реформы с другими городами и регионами России).

Актуальность сетевых коммуникаций в отношении городских проблем развития в настоящее время выступает индикатором, определяющим общественный интерес и активный коммуникативный профиль городского взаимодействия. В частности, в изучении коммуникаций городских сообществ нами отмечается:

– осведомленность пользовательских сетей об угрозах: «Жаль, наверное, что открытого и честного диалога между властью и обществом так и не состоялось...» (vse42.ru, 20 января 2022 г.);

– «ожидания поломок» в сложно сочетаемых схемах взаимодействия (техническое, логистическое, финансовое, организационно-управленческое), угроза терроризма, пандемии, «неуправляемые» публичные пространства.

Социальные коммуникации городского населения и власти осуществляются в условиях реактивных отношений. Реактивные коммуникации, их акторы, драйверы, эксперты и платформы также инициируют быстрые темпы реализации транспортной городской реформы. Ниже приведены некоторые показатели реактивности городского взаимодействия.

1. Быстрая коммуникативная реакция на информационные сообщения органов власти и других участников взаимодействия: «Пожалуйста, обратите внимание на транспорт. Сегодня 15 февраля люди на конечной не смогли все войти в 8 автобус, 48 приехал с опозданием на 10 минут, развернулся и уехал, никого не взял и другие остановки проезжал» (профиль губернатора в соцсети Instagram¹⁶).

¹⁶ Instagram – проект Meta Platforms Inc., деятельность которой запрещена в Российской Федерации.

2. Демонстрация гражданской точки зрения (общественный интерес может быть услышан): «Я житель д. Мозжуха. Утром ехать на работу невозможно, ДАВКА! и вечером до дому уехать ТЯЖКО!!» (Администрация г. Кемерово в социальной сети «ВКонтакте», 3 февраля 2022 г.).

3. Наличие платформ для обсуждения проблем городского развития (коммуникация горожан, власти, экспертов и управленцев).

4. Использование квазипубличных приемов социально-политического взаимодействия (право граждан комментировать содержание, характер и результаты властных и управленческих решений) – общественные приемные первых лиц региона и представителей исполнительной власти, сетевые «зеркала» городских проблем.

Обращает на себя внимание обремененность глобальными рисками и угрозами (угроза пандемии, изолированность российского общества, современные мировые, российские и региональные «ожидания трагедии»).

Инновации (качество проектов, новые технологии, новые форматы услуг, система «профессии – рынок – обучение – организации», востребованность нововведений как формат современного взаимодействия) полностью реализуются на территории с привлечением соответствующих ресурсов, мобилизации потенциала населения.

Транспортно-транзитивный формат нововведений характеризуется обстоятельствами, формирующими облик транспортной реформы сибирских городов:

- невозможность полной и единовременной перезагрузки процессов организации пассажирской коммуникации;

- прозрачность и конкурентность городской транспортной реформы;

- содействие инфраструктурным проектам из фондов венчурных организаций, представителей местного, формирующего регион, город бизнеса;

- использование в реализации инновационной транспортной реформы сочетание трех перспектив: «ближней» (тактический уровень), средней (оперативный уровень, запас ресурсов) и стратегической, связанной с продолжительной реализацией нововведений;

- привлечение заинтересованных лиц (бизнес, госструктуры, общественность, помощь «людей территории»);

- сложившаяся практика избегания предпринимателями эксплуатации объектов городской инфраструктуры, находящихся в финансовом ведении городских структур;

- часто реформы ангажированы проектами федерального уровня;

- дилемма приоритетов развития крупных транспортных компаний и поддержка местных инициатив;

- система модернизации, как и система управления транспортной системой, обнаруживают несколько слоев участия и влияния (место, ресурсы, время, уровень территории);

- создание инновационного подвижного состава и сети коммуникации по поводу пассажирской перевозки в городе.

Доверие жителей города представителям административно-управленческой и политической власти включает: мобилизацию групповых и организационных

интересов; «маятник интересов» – перемещение “активных” тем; протестное сетевое поведение характеризуется нелинейным распространением дискурсов, часто далекая от политики тема политизируется в реактивной коммуникации («Мэр Кузнецов и губернатор Цивилев сделали реформу, в которой никто, кроме них, не нуждался. С народом даже не разговаривали, не спрашивали – нужно им это. Тысяча человек остались без работы: кондукторы, водители» (Социальная сеть TikTok, 20 ноября 2020 г.).

Самостоятельное направление представляют интересы развития городской территории:

- история места, памятные места (знаковые посещаемые территории, транспортная доступность выступает маркером популярности);

- пространства и инфраструктура города («Мы не можем допустить, чтобы люди дальше ездили на ржавых Пазиках. Там ужас, это же смотреть невозможно на этот Пазик. ...Люди набиваются как сельди в бочке»¹⁷ (vse42.ru, 8 октября 2020 г.);

- угроза «потери социальной перспективы» жителями города (Ж. Т. Тощенко);

- городское время («время города» по Н. Луман), скорость и плотность транспортных потоков характеризуют ритм и благополучность городской территории;

- мобильность городского населения: «А МНЕ ПРАВИТСЯ! Если раньше вынуждена была платить 25 рублей, сейчас всего 10 р., еду, куда хочу, на чем хочу. А проблемы были, есть, БУДУТ ВСЕГДА...» («Инцидент Новокузнецк», 4 ноября 2021 г.).

Множество информации, передаваемой жителями городских территорий и представителями власти, в рамках сетевых коммуникаций, свидетельствует о существовании непарных коммуникативных оппозиций и появления новых пространств и форматов социально-политического взаимодействия.

За пределами материальных и финансовых последствий освоения нововведений остаются социальные последствия, результаты которых сказываются на мобилизационной готовности, ожидании населением нового. В современных условиях нововведения не завершаются на последнем запланированном этапе, они получают общественное (пользовательское) комментирование, и власти вынуждены инициировать новые векторы модернизации и развития.

Решения транспортных нововведений могут оказаться интересными для исследователей территорий, специалистов административно-управленческих структур, транспортной и городской инфраструктуры, региональных политических деятелей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хегай Ю. А. Зарубежный опыт транспортной политики // Теория и практика общественного развития. 2013. № 8. С. 350–352. EDN: [RBKFBF](#)
2. Behrens K., Robert-Nicoud F. Survival of the Fittest in Cities: Urbanisation and Inequality // The Economic Journal. 2014. Vol. 124, issue 581. Pp. 1371–1400. <https://doi.org/10.1111/econj.12099>
3. Schneider J. A. Organizational Social Capital and Nonprofits // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 2009. Vol. 38, issue 4. Pp. 643–662. <https://doi.org/10.1177/0899764009333956>

¹⁷ Здесь приводится высказывание Губернатора Кемеровской области – Кузбасса С. Е. Цивилева.

4. Silái I., Vitková L. Public Spaces and the Reflection of Society and its Culture // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. 2017. Vol. 245, issue 4. <https://doi.org/10.1088/1757-899X/245/4/042009>
5. Galderisi A., Colucci A. Smart, Resilient and Transition Cities Emerging Approaches and Tools for a Climate-Sensitive Urban Development. Elsevier, 2018. 283 p. URL: <https://www.elsevier.com/books/smart-resilient-and-transition-cities/galderisi/978-0-12-811477-3> (дата обращения: 18.07.2022).
6. Beard J. R., Montawi B. Age and the Environment: The Global Movement Towards Age-Friendly Cities and Communities // Journal of Social Work Practice. 2015. Vol. 29, issue 1. Pp. 5–11. <https://doi.org/10.1080/02650533.2014.993944>
7. Greenfield E. A. Age-Friendly Initiatives, Social Inequalities, and Spatial Justice // The Hastings Center Report. 2018. Vol. 48, issue 53. Pp. 41–45. <https://doi.org/10.1002/hast.912>
8. Ceder A. Urban Mobility and Public Transport: Future Perspectives and Review // International Journal of Urban Sciences. 2021. Vol. 25, issue 4. Pp. 455–479. <https://doi.org/10.1080/12265934.2020.1799846>
9. Loos E., Sourbati M., Behrendt F. The Role of Mobility Digital Ecosystems for Age-Friendly Urban Public Transport: A Narrative Literature Review // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2020. Vol. 17, issue 20. <https://doi.org/10.3390/ijerph17207465>
10. Vehicle-Assisted Techniques for Health Monitoring of Bridges / H. Shokravi [et al.] // Sensors. 2020. Vol. 20, issue 12. Pp. 34–60. <https://doi.org/10.3390/s20123460>
11. Sliwa B., Piatkowski N., Wietfeld C. The Channel as a Traffic Sensor: Vehicle Detection and Classification Based on Radio Finger-Printing // IEEE Internet of Things Journal. 2020. Vol. 7, no. 8. Pp. 7392–7406. URL: <https://www.semanticscholar.org/reader/2b33065a5a8b93619a86469f9f97a4d6b63d68d9> (дата обращения: 18.07.2022).
12. Won M. Intelligent Traffic Monitoring Systems for Vehicle Classification: A Survey // IEEE Access. 2020. Vol. 8. URL: <https://arxiv.org/pdf/1910.04656.pdf> (дата обращения: 18.07.2022).
13. Vehicle Detection with Occlusion Handling, Tracking, and OC-SVM Classification: A High Performance Vision-Based System / R. Velazquez-Pupo [et al.] // Sensors. 2018. Vol. 18, issue 2. <https://doi.org/10.3390/s18020374>
14. Урбан О. А., Демчук Н. В. Социальные практики ресурсобеспечения в некоммерческом секторе ресурсного региона // Регионоведение. 2022. Т. 30, № 1. С. 103–128. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.118.030.202201.103-128>
15. Иванов О. Б., Бухвальд Е. М. Стратегическое территориальное планирование в регионах России // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2018. № 3. С. 7–21. <https://doi.org/10.24411/2071-6435-2018-10023>
16. Филоненко В. И., Штомпель Л. А., Штомпель О. М. Город и «городское»: тождество и различие // Регионоведение. 2022. Т. 30, № 1 (118). С. 204–225. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.118.030.202201.204-225>
17. Березинец И. В., Соколова Е. В. Транспортная система и город: какой должна быть транспортная реформа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2020. Т. 19, № 3. С. 362–384. <http://doi.org/10.21638/11701/spbu08.2020.304>
18. Скоромец Е. К., Клиценко М. В. Удовлетворенность качеством транспортной инфраструктуры как индикатор социального самочувствия населения города Хабаровска // Теория и практика общественного развития. 2017. № 5. С. 52–54. <http://dx.doi.org/10.24158/tipor.2017.5.12>
19. Кранзеева Е. А., Головацкий Е. В., Орлова А. В. Практики мобильностей жителей областного центра как основа транспортной политики региона // Научное обозрение. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2020. № 3-4. С. 69–83. <http://doi.org/10.26653/2076-4685-2020-3-4-07>
20. Межох З. П., Лукашева И. В. Глобализация – фактор, определяющий современное развитие транспортной системы // Бюллетень транспортной информации. 2007. № 10. С. 14–17.
21. Лычко С. К., Мосиенко Н. Л. Общественный транспорт в практиках мобильности: повседневные маршруты горожан // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 256–273. <http://doi.org/10.14515/monitoring.2016.5.14>
22. Алгоритм развития общественных пространств крупных городов в условиях их урбанизации / С. Г. Тяглов [и др.] // Регионоведение. 2020. Т. 28, № 4 (113). С. 778–800. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.113.028.202004.778-800>

23. Ускова Т. В., Бабич Л. В. Использование человеческого капитала в контексте устойчивого развития региона // Регионоведение. 2021. Т. 29, № 4. С. 820–839. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.117.029.202104.820-839>

24. Кранзеева Е. А., Орлова А. В., Нятина Н. В., Григорик Н. Н. Соучастие населения региона в реализации национальных проектов: ретроспектива и перспектива // Регионоведение. 2020. Т. 28, № 3 (112). С. 490–515. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.112.028.202003.490-515>

25. Кранзеева Е. А., Головацкий Е. В., Орлова А. В. Социальное и политическое взаимодействие местных сообществ региона в условиях реактивных отношений: кейсы благоустройства городского пространства // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 464. С. 81–90. <https://doi.org/10.17223/15617793/464/10>

26. Головацкий Е. В., Нятина Н. В. Ресурсы гражданских инициатив в городах Кузбасса // Вестник Кемеровского государственного университета. Сер.: Политические, социологические и экономические науки. 2019. № 3 (13). С. 300–309. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2019-4-3-300-309>

27. Китчин Р. Управляемый данными сетевой урбанизм // Шаги/Steps. 2017. № 2. С. 98–116. EDN: ZFAXWT

28. Кранзеева Е. А., Головацкий Е. В., Орлова А. В. Реактивное взаимодействие власти и населения в социальных сетях: транспортная реформа г. Новокузнецк // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2022. Т. 1, № 1 (1). С. 24–30. URL: <https://jsocnet.ru/ru/nauka/article/53092/view> (дата обращения: 18.07.2022).

Поступила 10.10.2022; одобрена после рецензирования 16.11.2022; принята к публикации 28.11.2022.

Об авторах:

Головацкий Евгений Васильевич, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологических наук Кемеровского государственного университета (650000, Российская Федерация, г. Кемерово, ул. Красная, д. 6), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8485-5852>, Researcher ID: [U-4714-2017](https://orcid.org/0000-0002-8485-5852), homaik@rambler.ru

Кранзеева Елена Анатольевна, доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологических наук Кемеровского государственного университета (650000, Российская Федерация, г. Кемерово, ул. Красная, д. 6), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2577-9017>, Researcher ID: [S-7024-2017](https://orcid.org/0000-0003-2577-9017), elkranzeeva@mail.ru

Орлова Анна Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологических наук Кемеровского государственного университета (650000, Российская Федерация, г. Кемерово, ул. Красная, д. 6), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8568-6763>, Researcher ID: [AAM-6962-2020](https://orcid.org/0000-0002-8568-6763), anniov@bk.ru

Заявленный вклад авторов:

Е. В. Головацкий – изучение концепции; проведение анализа материалов; подготовка первоначального варианта текста.

Е. А. Кранзеева – изучение концепции; критический анализ и доработка текста.

А. В. Орлова – участие в анализе концепции; сбор, обработка и анализ информации; доработка и оформление материалов статьи.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Kheday Yu.A. Foreign Experience of the Transport Policy. *Theory and Practice of Social Development*. 2013;(8):350–352. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: [RBKFBF](https://orcid.org/0000-0002-8485-5852)
2. Behrens K., Robert-Nicoud F. Survival of the Fittest in Cities: Urbanisation and Inequality. *The Economic Journal*. 2014;124(581):1371–1400. <https://doi.org/10.1111/eoj.12099>

3. Schneider J.A. Organizational Social Capital and Nonprofits. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 2009;38(4):643–662. <https://doi.org/10.1177/0899764009333956>
4. Silái I., Vitková L. Public Spaces and the Reflection of Society and its Culture. *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*. 2017;245(4). <https://doi.org/10.1088/1757-899X/245/4/042009>
5. Galderisi A., Colucci A. Smart, Resilient and Transition Cities Emerging Approaches and Tools for a Climate-Sensitive Urban Development. Elsevier; 2018. Available at: <https://www.elsevier.com/books/smart-resilient-and-transition-cities/galderisi/978-0-12-811477-3> (accessed 18.07.2022).
6. Beard J.R., Montawi B. Age and the Environment: The Global Movement Towards Age-Friendly Cities and Communities. *Journal of Social Work Practice*. 2015;29(1):5–11. <https://doi.org/10.1080/02650533.2014.993944>
7. Greenfield E.A. Age-Friendly Initiatives, Social Inequalities, and Spatial Justice. *The Hastings Center Report*. 2018;48(53):41–45. <https://doi.org/10.1002/hast.912>
8. Ceder A. Urban Mobility and Public Transport: Future Perspectives and Review. *International Journal of Urban Sciences*. 2021;25(4):455–479. <https://doi.org/10.1080/12265934.2020.1799846>
9. Loos E., Sourbati M., Behrendt F. The Role of Mobility Digital Ecosystems for Age-Friendly Urban Public Transport: A Narrative Literature Review. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020;17(20). <https://doi.org/10.3390/ijerph17207465>
10. Shokravi H., Shokravi H., Bakhary N., Heidarrezaei M., Kolor S.S.R., Petru M. Vehicle-Assisted Techniques for Health Monitoring of Bridges. *Sensors*. 2020;20(12):34–60. <https://doi.org/10.3390/s20123460>
11. Sliwa B., Piatkowski N., Wietfeld C. The Channel as a Traffic Sensor: Vehicle Detection and Classification Based on Radio Finger-Printing. *IEEE Internet of Things Journal*. 2020;7(8):7392–7406. Available at: <https://www.semanticscholar.org/reader/2b33065a5a8b93619a86469f9f7a4d6b63d68d9> (accessed 18.07.2022).
12. Won M. Intelligent Traffic Monitoring Systems for Vehicle Classification: A Survey. *IEEE Access*. 2020;8. Available at: <https://arxiv.org/pdf/1910.04656.pdf> (accessed 18.07.2022).
13. Velazquez-Pupo R., Sierra-Romero A., Torres-Roman D., et al. Vehicle Detection with Occlusion Handling, Tracking, and OC-SVM Classification: A High Performance Vision-Based System. *Sensors*. 2018;18(2). <https://doi.org/10.3390/s18020374>
14. Urban O.A., Demchuk N.V. Social Practices of Resource Provision in the Non-Profit Sector of the Resource Region. *Russian Journal of Regional Studies*. 2022;30(1):103–128. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.118.030.202201.103-128>
15. Ivanov O.B., Buchwald E.M. Strategic Territorial Planning in the Regions of Russia. *ETAP: Economic Theory, Analysis, and Practice*. 2018;(3):7–21. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24411/2071-6435-2018-10023>
16. Filonenko V.I., Shtompel L.A., Shtompel O.M. City and “Urban”: Identity and Difference. *Russian Journal of Regional Studies*. 2022;30(1):204–225. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.118.030.202201.204-225>
17. Berezinecz I.V., Sokolova E.V. Transportation System and the City: What the Urban Transport Reform Should be. *Vestnik of St. Petersburg University. Management*. 2020;19(3):362–384. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21638/11701/spbu08.2020.304>
18. Skoromecz E.K., Klicenko M.V. Satisfaction with the Quality of Transport Infrastructure as a Social Well-Being Indicator of the Citizens of the City of Khabarovsk. *Theory and Practice of Social Development*. 2017;(5):52–54. (In Russ., abstract in Eng.) <http://dx.doi.org/10.24158/tipor.2017.5.12>
19. Kranzeva E. A., Golovaczkiy E. V., Orlova A. V. Mobility Practices of Residents of the Regional Center as the Basis of Transport Policy of the Region. *Scientific Review. Series 2: Human Science*. 2020;(3-4):69–83. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26653/2076-4685-2020-3-4-07>
20. Mezhox Z.P., Lukasheva I.V. [Globalization is a Factor Determining the Modern Development of the Transport System]. *Byulleten' transportnoi informacii*. 2007;(10):14–17. (In Russ.)
21. Lychko S.K., Mosienko N.L. Public Transport in Mobility Practices: Daily Routes of Citizens. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 2016;(5):256–273. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.5.14>

22. Tyaglov S.G., Rodionova N.D., Fedorova Ya.V., Sergienko V.Yu. Algorithm for the Development of Public Spaces in Large Cities in the Context of Urbanization. *Russian Journal of Regional Studies*. 2020;28(4):778–800. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.113.028.202004.778-800>
23. Uskova T.V., Babich L.V. Effective Use of Human Capital in the Context of Sustainable Development of the Region. *Russian Journal of Regional Studies*. 2021;29(4):820–839. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.117.029.202104.820-839>
24. Kranzeeva E.A., Orlova A.V., Nyatina N.V., Grigorik N.N. Participation of the Population of a Region in the Implementation of the National Projects: Retrospect and Prospect. *Russian Journal of Regional Studies*. 2020;28(3):490–515. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.112.028.202003.490-515>
25. Kranzeeva E.A., Golovackij E.V., Orlova A.V. Social and Political Interaction of Local Communities in the Region in the Context of Reactive Relations: Cases of Urban Space Improvement. *Tomsk State University Journal*. 2021;(464):81–90. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17223/15617793/464/10>
26. Golovatsky E.V., Nyatina N.V. Resources for Civic Initiatives in the Cities of Kuzbass. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*. 2019;(3):300–309. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2019-4-3-300-309>
27. Kitchin R. [Data-Driven Network Urbanism]. *Shagi/Steps*. 2017;(2):98–116. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: ZFAXWT
28. Kranzeeva E.A., Golovackij E.V., Orlova A.V. Reactive Interaction between the Government and the Population in Social Networks: Transport Reform of Novokuznetsk. *Virtual Communication and Social Networks*. 2022;1(1):24–30. Available at: <https://jsocnet.ru/ru/nauka/article/53092/view> (accessed 18.07.2022). (In Russ., abstract in Eng.)

Submitted 10.10.2022; revised 16.11.2022; accepted 28.11.2022.

About the authors:

Evgeny V. Golovatsky, Dr. Sci. (Sociol.), Associate Professor, Professor, Department of Sociological Sciences, Kemerovo State University (6 Krasnaya St., Kemerovo 650000, Russian Federation), ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8485-5852>, Researcher ID: U-4714-2017, xomaik@rambler.ru

Elena A. Kranzeeva, Dr. Sci. (Sociol.), Associate Professor, Head of the Department of Sociological Sciences, Kemerovo State University (6 Krasnaya St., Kemerovo 650000, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2577-9017>, Researcher ID: S-7024-2017, elkranzeeva@mail.ru

Anna V. Orlova, Cand. Sci. (Sociol.), Associate Professor, Department of Sociological Sciences, Kemerovo State University (6 Krasnaya St., Kemerovo 650000, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8568-6763>, Researcher ID: AAM-6962-2020, anniov@bk.ru

Contribution of the authors:

E. V. Golovatsky – study of the concept; analysis of materials; preparation of the initial version of the text.

E. A. Kranzeeva – study of the concept; critical analysis and revision of the text.

A. V. Orlova – participation in the analysis of the concept; collection, processing and analysis of information; revision and design of the materials of the article.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

УДК 321(470+571)

doi: 10.15507/2413-1407.123.031.202302.275-293

Оригинальная статья

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Представления о геополитическом будущем России как фактор консолидации российского общества

Н. М. Великая¹ ✉Г. В. Тартыгашева²О. П. Новожещина¹

¹ Институт социально-политических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук (г. Москва, Российская Федерация)

² Российский государственный гуманитарный университет
(г. Москва, Российская Федерация)

✉ natalivelikaya@gmail.com

Аннотация

Введение. Проблемы сохранения суверенитета, национальной идентичности, территориальной и культурной целостности России в настоящее время приобрели особую актуальность в рамках глобального противостояния с Западом и стали важными факторами консолидации российского общества. Цель статьи – оценить роль представлений гражданского общества и экспертного сообщества о геополитическом будущем России в контексте сохранения территориальной и культурной целостности страны как фактора консолидации российского общества.

Материалы и методы. Эмпирической базой статьи являются результаты социологического мониторинга «Как живешь, Россия» (1992–2022 гг.) и данные глубинных интервью экспертов, полученные в рамках исследования «Прогнозы и альтернативы развития России глазами россиян» (2021 г.), которые проводились при участии авторов статьи. Социологический опрос в режиме мониторинга позволил изучить динамику представлений граждан о геополитическом будущем России и проследить связь основных трендов с индикаторами консолидации общества, включенными в инструментарий. Глубинные интервью были направлены на выявление доминирующих точек зрения экспертного сообщества, определяющих направление публичного дискурса.

Результаты исследования. Сохранение целостности Российской Федерации, ее суверенитета в долгосрочной перспективе не вызывает сомнения ни у экспертов, ни у населения даже в условиях кризисного и неопределенного будущего, связанного со становлением многополярного мира. Рассматриваются сценарии оптимистические, подчеркивающие усиление роли России в новом миропорядке, и пессимистические, отражающие изоляционные модели развития.

Обсуждение и заключение. Хотя многонациональный состав России, федеративное устройство можно интерпретировать как потенциальную угрозу внутренней дестабилизации страны, благоприятный тренд в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений в России наблюдается с 2016 г. И население, и большинство экспертов оптимистично оценивают перспективы и межнациональных, и межрегиональных отношений на фоне формирующейся общегосударственной идентичности. Они предвещают России поступательное развитие в будущем, используя в качестве аргументов идеологию об особом пути России, а также достижения государства в решении общественных проблем и собственные надежды.

Ключевые слова: социально-политическая консолидация, образ будущего, федерация, регионы, межнациональные отношения, территориальная и культурная целостность, внешние угрозы

© Великая Н. М., Тартыгашева Г. В., Новожещина О. П., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Великая Н. М., Тартыгашева Г. В., Новоженина О. П. Представления о геополитическом будущем России как фактор консолидации российского общества // Регионоведение. 2023. Т. 31, № 2. С. 275–293. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.123.031.202302.275-293>

Original article

Ideas about the Geopolitical Future of Russia as a Factor of Russian Society Consolidation

N. M. Velikaya^a ✉, G. V. Tartygasheva^b, O. P. Novozhenina^a

^a Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

^b Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation)
✉ natalivelikaya@gmail.com

Abstract

Introduction. The problems of preserving the sovereignty, national identity, territorial and cultural integrity of Russia have become now particularly relevant in the framework of the global confrontation with the West, and have become important factors in the consolidation of Russian society. The purpose of the article is to assess the role of civil society and the expert community's views on the geopolitical future of Russia in the context of preserving the territorial and cultural integrity of the country as a factor of consolidation of Russian society.

Materials and Methods. The empirical basis of the article is the results of the sociological monitoring "How do you live, Russia" (1992–2022) and the data of in-depth interviews of experts obtained as part of the study "Forecasts and alternatives for the development of Russia by the eyes of Russians" (2021), which were conducted with the participation of the authors of the article. The sociological monitoring survey allowed to study the dynamics of citizens' perceptions of the geopolitical future of the Russian Federation and to trace the connection of the main trends with the indicators of consolidation of society included in the toolkit. In-depth interviews were aimed at identifying the dominant points of the expert community's view that determine the direction of public discourse.

Results. The preservation of the integrity of the Russian Federation and its sovereignty in the long term does not cause doubts among experts or the population, even in the conditions of a crisis and uncertain future associated with the formation of a multipolar world. Optimistic scenarios are considered, emphasizing the strengthening of Russia's role in the new world order, and pessimistic ones, reflecting isolation models of development.

Discussion and Conclusion. Although the multinational composition of Russia and the federal structure can be interpreted as a potential threat to the internal destabilization of the country, a favorable trend in the field of interethnic and interfaith relations in Russia has been observed since 2016. Both the population and the majority of experts are optimistic about the prospects of interethnic and interregional relations against the background of the emerging civil identity. They predict Russia's powerful progressive development in the future, using as arguments ideologems about Russia's special path, as well as the achievements of the state in solving social problems and their own hopes.

Keywords: social and political consolidation, image of the future, federation, regions, interethnic relations, territorial and cultural integrity, external threats

Conflict of interests. The authors declare that there is no conflict of interest.

For citation: Velikaya N.M., Tartygasheva G.V., Novozhenina O.P. Ideas about the Geopolitical Future of Russia as a Factor of Russian Society Consolidation. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(2):275–293. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.123.031.202302.275-293>

Введение. Для Российской Федерации как многонациональной и поликонфессиональной страны с федеративным государственным устройством вопросы социально-политической консолидации приобретают особую значимость, поскольку переплетение и взаимодействие региональных, территориальных,

этнических, религиозных и государственно-гражданских факторов в социальном взаимодействии создают множественные конфликтные зоны.

Глобальные трансформации политической сферы и попытки изменить мировой порядок, переход локальных конфликтов в международные актуализируют решение задач сохранения единства нации, целостности территории, единого культурного пространства, конструирования и воспроизводства общероссийской гражданской идентичности. Появление нового спектра рисков в развитии российского общества, потенциал нарастания в социальной структуре общества противоречий, связанных с кризисной социально-политической и социально-экономической ситуацией, свидетельствуют о наличии рискогенного потенциала идентификационных процессов в российском обществе.

Единство нации строится на основе согласия и консолидации общества по поводу общих правил и направления социально-политического процесса¹, что актуализирует рассмотрение представлений различных групп российского общества о геополитическом будущем России, а также о доминирующих основаниях социально-политической консолидации.

Цель статьи – по материалам проведенного исследования оценить потенциал консолидирующей роли представлений экспертного сообщества и граждан о сложившемся образе геополитического будущего России в контексте перспектив воспроизводства национальной идентичности, сохранения территориальной и культурной целостности российского общества.

Обзор литературы. Проблемы консолидации общества и государства вызывают исследовательский интерес как в России, так и за рубежом. В работах зарубежных специалистов [1; 2], где анализируется тема взаимодействия гражданского общества и государства, отдельно подчеркивается, что только эффективная обратная связь государства с разнообразными группами интересов и институтами гражданского общества обеспечивает социальный диалог и способствует устойчивому развитию социально-политической системы [3]. При этом термин «консолидация» используется в контексте изучения демократических преобразований, ведущих к так называемой демократической консолидации [4; 5].

В трудах отечественных ученых особенности и факторы консолидации российского общества изучались в контексте консолидационного потенциала социальных институтов и отдельных социальных групп² [6], который видится в специфике смысложизненных ценностей россиян. Роль мировоззренческих установок и ценностных ориентаций россиян отражена в работах исследователей, изучающих природу духовно-нравственной консолидации, построенной на ценностях консерватизма и традиционализма [7; 8]. В этом же ключе рассматриваются проблемы особого цивилизационного пути России и консолидации вокруг концепта «русский мир»³, что, на наш взгляд, сужает возможности социологической интерпретации актуальных социальных процессов, которые,

¹ Шмиттер Ф. Размышление о гражданском обществе и консолидации демократии // Полис. Политические исследования. 1996. № 5. С. 16–27.

² Социальные факторы консолидации Российского общества: социологическое измерение / под ред. чл.-корр. РАН М. К. Горшкова. М. : Новый хронограф, 2010. 256 с.

³ Щедровицкий П. Г. Русский мир: возможные цели самоопределения // Независимая газета. 2000. № 25. С. 11; Дугин А. Н. Основы геополитики. М. : Арктогея, 2000. 928 с.

как отмечают В. А. Тишков и А. Д. Гронский, определяются различными факторам⁴ [9].

Мы, скорее, согласимся с теми коллегами, которые обращают внимание на специфику консолидации, связанной с ее конфликтогенным потенциалом, подчеркивая, что в основе консолидационных механизмов лежат взаимоотношения государства и гражданского общества, что порождает особый государственно-гражданский тип консолидации⁵.

Результаты многолетних социологических исследований особенностей и факторов консолидации российского общества отражены в публикациях ученых ведущих социологических центров страны – ВЦИОМ, ФОМ, ЦИРКОН, ИСПИ ФНИСЦ РАН⁶ [10].

Трансформации современных государств и отечественными, и западными политологами описываются в терминах интеграции, дезинтеграции, консолидации и деkonsолидации [11; 12], однако при общих теоретико-методологических основаниях будущее России им видится разным. Если Р. Саква, З. Паикин рассматривали будущее России в рамках европейского пространства [13; 14], то М. Лаурелл и Т. Милески обращают внимание на усиление евразийского и китайского вектора в политике России [15; 16].

Неоднозначные оценки геополитического будущего России, особенностей идентификации россиян делают особо актуальным изучение представлений российских граждан о желаемом и оптимальном будущем страны.

Материалы и методы. Эмпирической базой статьи стали данные ежегодного всероссийского социологического мониторинга «Как живешь, Россия» (1992–2022 гг.) и данные глубинных интервью экспертов, полученные в рамках исследования «Прогнозы и альтернативы развития России глазами россиян (Как социальные страты оценивают будущее и перспективы развития страны)» (2021 г.). Все респонденты и участники интервью были проинформированы о цели исследования и выразили согласие к сотрудничеству.

Исследование «Прогнозы и альтернативы развития России глазами россиян (Как социальные страты оценивают будущее и перспективы развития страны)» проводилось в августе – ноябре 2021 г. методом фокус-групповых интервью и экспертных интервью. В рамках проекта было проведено 12 глубинных интервью с экспертами из разных субъектов Российской Федерации, отобранных методом «снежного кома» в соответствии с учетом ряда социально-профессиональных критериев: профиль деятельности (включенность в процессы разработки и принятия решений, и также информационная подготовка и освещение принятых решений и стратегий развития страны, региона); стаж работы в органах власти и управления, в общественных организациях, в сфере

⁴ Тишков В. А. Национальная идея России. М. : АСТ, 2021. 416 с.

⁵ Социальные факторы консолидации Российского общества...

⁶ Измерение степени ценностной солидаризации и уровня общественного доверия в российском обществе : Аналитический обзор по результатам анализа вторичных источников (версия 2 от 4.12.18). ЦИРКОН, 2018. С. 81; Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 52 этап социологического мониторинга, май 2022 года / В. К. Левашов [и др.]. Москва : ФНИСЦ РАН, 2022. 91 с. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-400-0.2022>; Жизнь по своим правилам [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhizn-po-svoim-pravilam> (дата обращения: 20.11.2022).

аналитической журналистики не менее 10 лет; самооценка экспертов. В качестве экспертов в исследовании участвовали: действующие представители федеральных и региональных органов исполнительной власти; представители научного сообщества, общественных организаций, некоммерческого сектора, представители журналистского сообщества, занимающиеся освещением проблем, связанных с изучаемой темой. Исследование проводилось с участием авторов статьи (Н. М. Великой и Г. В. Тартыгашевой).

Социологический мониторинг «Как живешь, Россия?» (научный руководитель – доктор социологических наук В. К. Левашов) проводится Центром стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН с 1992 г. В основе исследования – всероссийская квотная пропорциональная выборка на основе следующих компонентов генеральной совокупности: пол, возраст, образование, место жительства. При территориальном размещении выборки используется районирование страны на основе экономико-географического компонента (соблюдаются пропорции численности населения и пропорции между городским и сельским населением). В разное время объем выборочной совокупности составлял от 1 312 до 1 866 респондентов; в мае 2022 г. – 1 700 респондентов. Исследования проводятся методом анкетного опроса, инструментарий включает в себя блок индикаторов, измеряющих на протяжении 30 лет динамику социально-политических взглядов и оценок граждан России. В частности, измеряются уровни доверия основным властным структурам и общественным институтам, степень напряженности существующих в обществе противоречий, оценки места и роли России в мировом сообществе и ее геополитического будущего. В состав исследовательского коллектива мониторинга входят авторы статьи (Н. М. Великая и О. П. Новоженкина).

Теоретико-методологической основой исследования стала концепция образа будущего футуролога Ф. Полака, обосновывающая объективность и необходимость оценки настоящего для формирования образа будущего, который определяется существующей в обществе системой ценностей и теми нравственными ориентирами, которые постулируются в качестве предельно высоких идеалов [17]. В этом контексте анализ коллективных представлений о будущем позволяет нарисовать сценарии возможных и вероятных направлений развития социума.

Результаты исследования. *Геополитическое будущее России в оценках населения.* Главными экзистенциальными угрозами в постсоветский период в России сначала стали не только региональный национализм и этносепаратизм, проявивший себя в начале 1990-х гг., но и актуализация «русского вопроса», который в ряде случаев был выражен максимой «Россия для русских»⁷. Ответом на дезинтеграционные процессы стала попытка сформулировать основные положения общегражданской объединительной идеологии на основе общероссийской идентичности и отчасти социалистического ressentimentа с апелляцией к позитивному опыту советского прошлого [18]. В ходе мировоззренческих поисков был сформулирован концепт «Русского мира»⁸, который постулирует уникальность

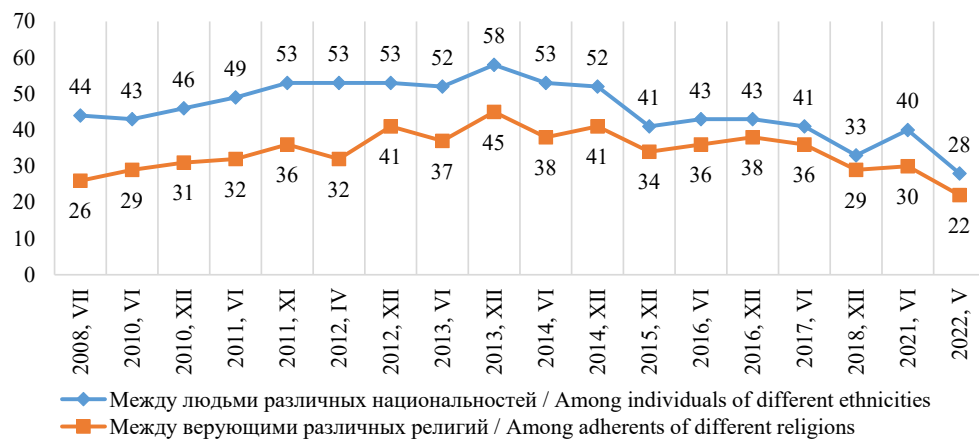
⁷ Великая Н. М. Миграция и мигранты в публичном дискурсе современной России // Всероссий. демограф. форум с междунар. участием : материалы форума (Москва, 4–5 декабря 2020 г.) / отв. ред. С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская. М. : Объединенная редакция, 2020. С. 166–168.

⁸ Дугин А. Н. Основы геополитики; Тишков В. А. Национальная идея России.

российской цивилизации и рассматривается как своеобразный инструмент мягкой силы и обеспечения политического суверенитета России [8; 19].

Современная государственная национальная политика, отраженная в «Стратегии государственной национальной политики до 2025 года», включает в себя целый спектр мер, призванных способствовать формированию общегражданской идентичности при устойчивом развитии всех этносов, проживающих на территории Российской Федерации. При этом органы государственной власти исходят из того, что ситуация в сфере межнациональных отношений нормализовалась, а доля граждан, оценивающих состояние межнациональных отношений в позитивном ключе, составила от 78 до 83 %. Межнациональные отношения в своей области, крае или республике 78 % россиян оценивают как спокойные (22 % – как доброжелательные, 56 % – как нормальные, бесконфликтные). Максимальный, но не критичный на фоне общероссийских данных, уровень негативного отношения к другим этническим группам зафиксирован в Центральном федеральном округе. Ситуация в федеральных округах России в основном констатируется в общем тренде через преобладание положительных установок (разной интенсивности) к людям иной национальности – 82–97 %, а негативные установки суммарно не превышают 14 % [10].

Согласно результатам мониторинга ИСПИ ФНИСЦ РАН, в рейтинге наиболее значимых угроз «обострение межнациональных отношений» и «религиозных конфликтов» занимают 17–18 место, и с течением времени значимость этих конфликтов для респондентов снижается (рис. 1).

Р и с. 1. Динамика восприятия значимости конфликтов в межнациональной сфере (Россия, % от числа опрошенных)¹⁰

F i g. 1. Dynamics of the perception of the significance of conflicts in the international sphere (Russia, % of the number of respondents)

⁹ 29 августа 2022 года состоялась рабочая встреча Президента Российской Федерации Владимира Путина с руководителем Федерального агентства по делам национальностей Игорем Бариновым [Электронный ресурс]. URL: <https://fadn.gov.ru/press-centr/news/29-avgusta-2022-goda-sostoyalas-rabochaya-vstrecha-prezidenta-rf-vladimira-putina-s-rukovoditelem-fadn-igorem-barinovym> (дата обращения: 10.09.2022).

¹⁰ Здесь и далее в статье, где не указано иное, рисунки и таблицы составлены авторами.

Доля граждан, отмечающих отсутствие в отношении себя дискриминации по признаку национальной, языковой или религиозной принадлежности, оставалась в последние годы на одном уровне: в 2016 г. – 82 %; 2020 г. – 84, 2022 г. – 83,7 %. В 2022 г. тренд позитивной оценки состояния межнациональных отношений в России сохранялся.

Значимым индикатором видения будущего России, который традиционно включается в инструментарий мониторинга «Как живешь, Россия», являются представления о территориальной целостности и суверенитете страны в будущем. За 30 лет примерно в 3 раза (с 18 % в 1992 г. до 6 % в 2022 г.) сократилась доля граждан, считающих, что Россия обречена на дальнейший распад. Это весьма красноречивое свидетельство в пользу того, что будущее страны видится в позитивном ключе. Не менее важным является и рост количества граждан, полагающих, что Россия продолжит оставаться в существующих границах. Вместе с тем проведение специальной военной операции на территории Украины и активизация дискурса «советского ресентимента» существенно (на 11 п. п. по сравнению с 2021 г.) увеличило число респондентов, полагающих, что вокруг России начнется процесс объединения народов (рис. 2).

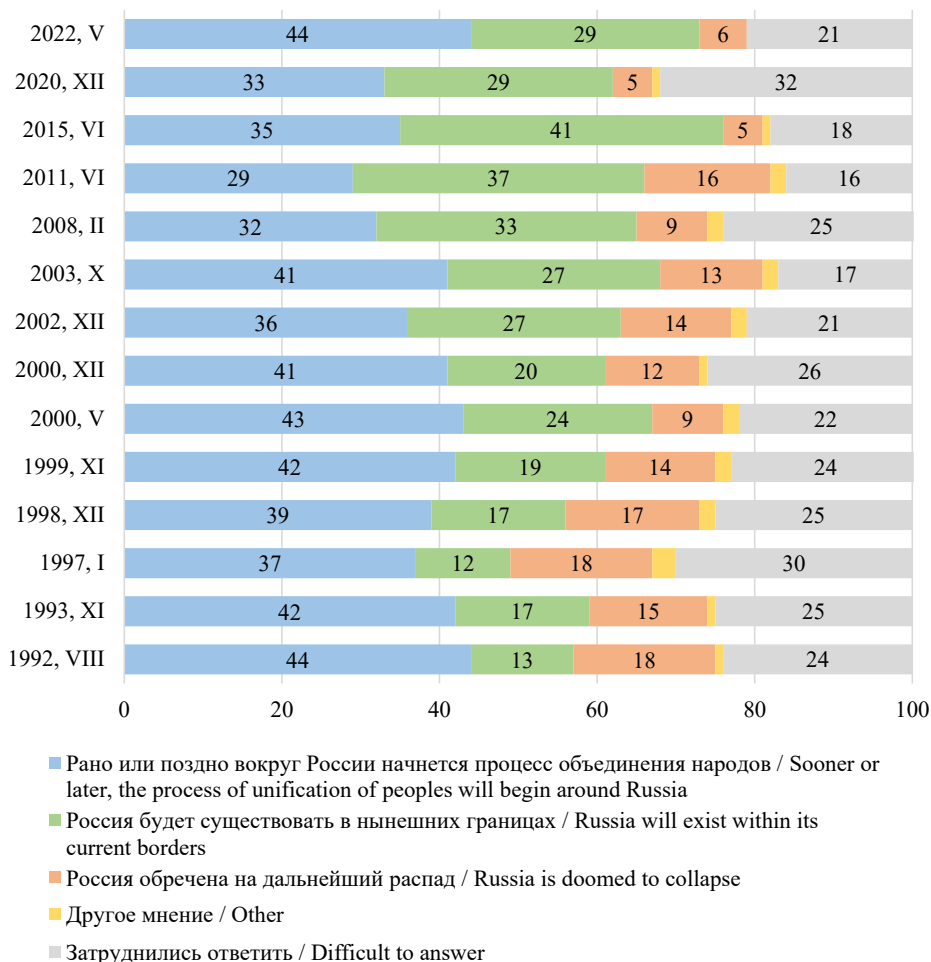
Что касается экспертной оценки, то два эксперта из 12 отметили в 2021 г., что Россия в будущем может увеличить свои территории за счет территорий стран СНГ: «...посмотрите, негативные процессы со стороны меньшинства венгерского Закарпатья, посмотрите на Луганскую и Донецкую область, Харьковскую, посмотрите на ситуацию в Одессе, т. е. я не исключаю расчленения Украины. Не за счет вмешательства России, за счет не очень понятной, невнятной политики киевских властей. ...Но я не исключаю объединение с Белоруссией в составе одного государства» (эксперт 2). Более категоричным было мнение о том, что Россия «...будет восстановлена в рамках России, существовавшей до 1917 года, ...это все вопрос времени. Украина, Белоруссия, Казахстан, я уж не говорю об азиатских республиках, под тем или иным “соусом”, в той или иной форме войдут в состав России. Насчет Финляндии и Польши не знаю, но что Прибалтика будет тяготеть к присоединению к России, я в этом тоже не сомневаюсь» (эксперт 7).

Эксперты также не исключают, что вследствие политики «здорового, традиционного консерватизма» Россия может в будущем стать своеобразным центром культурного влияния для стран и движений, не согласных с новой идеологией воукеизма.

Представители экспертного сообщества считают, что при любых сценариях развития наша страна сохранит свою целостность, в основе которой: «исторический опыт» (эксперт 6), «доминирование ценностей русской цивилизации» (эксперт 4), «скрепы, зафиксированные в новой редакции Конституции Российской Федерации образца 2020 г.» (эксперт 2), «трансформации в сторону унитарного централизованного государства» (эксперт 3).

Сохранение целостности страны предполагает и определенную региональную политику. Россия, будучи неконгруэнтной федерацией, где регионы имеют разный уровень экономического и социокультурного развития, должна проводить политику выравнивания условий, обеспечения высокого уровня и качества жизни для жителей всех территорий. Неслучайно эксперты неоднозначно

оценивали и «централизованное бюджетное финансирование» (эксперт 8) и «централизацию политической системы и внутренней интеграции народов России» (эксперт 9).

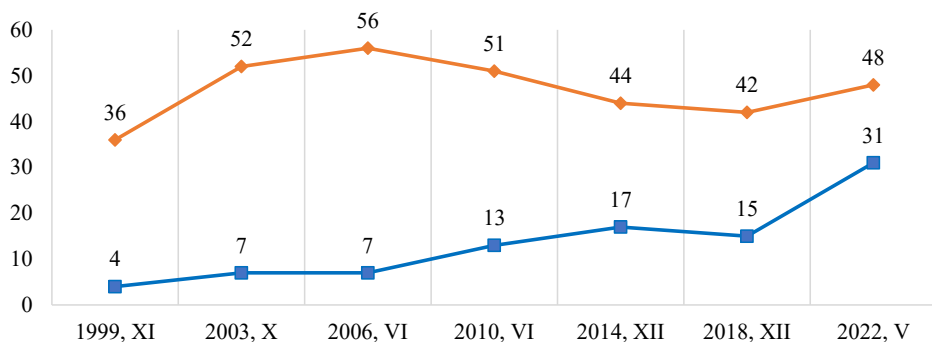

Р и с. 2. Мнение респондентов о будущем, которое ожидает Россию (Россия, % от числа опрошенных)¹¹

F i g. 2. Respondents' opinion about the future that awaits Russia (Russia, % of the number of respondents)

Учитывая высокий разрыв между субъектами Федерации, широко освещенный в отечественной литературе [20; 21], логично предположить отражение в общественном сознании имеющегося осознания жителями регионов недостаточного внимания к их проблемам со стороны федеральной власти (рис. 3).

¹¹ Источник: Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 52 этап социологического мониторинга, май 2022 года / В. К. Левашов [и др.]. Москва : ФНИСЦ РАН, 2022. С. 69.

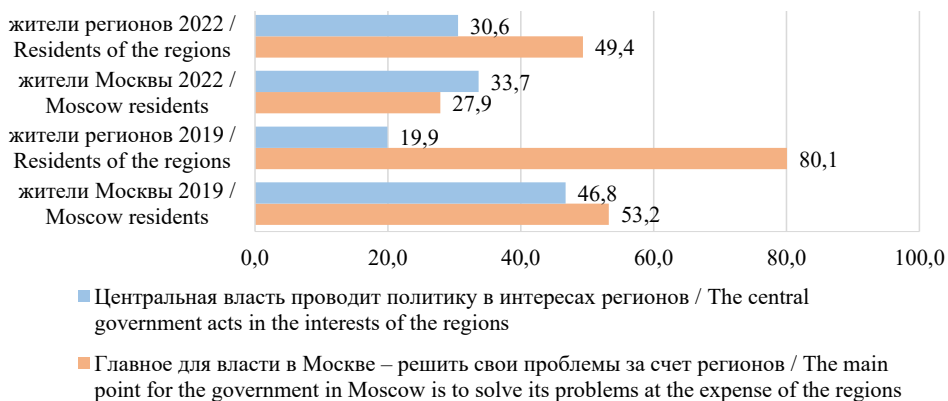
— ♦ — Главное для центральной власти в Москве – это решить свои проблемы за счет областей и республик России / The main point for the central government in Moscow is to solve its problems at the expense of the regions and republics of Russia

— ■ — Центр проводит политику в интересах регионов / The center acts in the interests of the regions

Р и с. 3. Суждения респондентов о политике центра в отношении регионов (Россия, % от числа опрошенных)

F i g. 3. Respondents' opinions on the center's policy towards the regions (Russia, % of the number of respondents)

Обратим внимание, что жители Москвы и регионов расходятся в оценках региональной политики государства. Сложившееся еще в советское время противопоставление Москвы и остальной России сохраняется, а жители субъектов Федерации убеждены, что федеральная власть гораздо больше внимания уделяет столице (рис. 4).

■ Центральная власть проводит политику в интересах регионов / The central government acts in the interests of the regions

■ Главное для власти в Москве – решить свои проблемы за счет регионов / The main point for the government in Moscow is to solve its problems at the expense of the regions

Р и с. 4. Суждения респондентов о политике центра в отношении регионов в зависимости от места жительства респондентов (Россия, % от числа опрошенных в группах)

F i g. 4. Respondents' opinions on the center's policy towards the regions according to the respondents' place of living (Russia, % of the number of respondents in groups)

Устойчивость региональных социально-экономических диспропорций, которые влияют в том числе и на уровень и качество жизни населения, позволяет предположить сохранение и воспроизводство территориальных размежеваний

в Российской Федерации. Проверим эту гипотезу, проанализировав представления жителей Москвы и регионов России относительно геополитических перспектив страны. В 2019 г. около пятой части опрошенных (18 % москвичей и 20 % жителей других регионов) полагали, что рано или поздно вокруг России начнется процесс объединения других народов. Однако по варианту ответа «Россия обречена на дальнейший распад» выявились существенные различия. Если в Москве такое мнение разделяли почти 20 % опрошенных, то в регионах – только 11 % (табл. 1).

Таблица 1. Распределение мнения жителей Москвы и других регионов относительно будущего России (Россия, % от числа опрошенных в группах)

Table 1. Distribution of opinions of Moscow residents and residents of the other regions regarding the future of Russia (Russia, % of the number of respondents in groups)

Вариант ответа / Answers	Жители Москвы / Moscow residents	Жители регионов / Residents of the regions
К России присоединятся другие народы / Other peoples will join Russia	18,2	20,3
Россия будет существовать в нынешних границах / Russia will exist within its current borders	42,9	48,4
Россия обречена на дальнейший распад / Russia is doomed to collapse	19,5	10,8
Другое мнение / Other	0,0	0,9
Затрудняюсь ответить / Difficult to answer	19,5	19,7

Этот индикатор коррелирует с доверием к институтам власти и управления. Так, среди условных оптимистов, рассчитывающих на объединительные процессы, максимально велико число тех, кто доверяет не только президенту, но и правительству, Государственной Думе, политическим партиям. Напротив, респонденты, которые в качестве возможного варианта развития страны видят ее распад, демонстрируют более чем низкий уровень доверия к политическим институтам (табл. 2).

Участники экспертного исследования также говорили о внешних и внутренних угрозах, связанных с сохранением целостности России и поддержкой гармоничных межэтнических взаимодействий, таких как неравномерное развитие территорий, дальнейшая экономическая деградация окраинных территорий, амбиции новых региональных элит, националистические и религиозные идеи отдельных акторов, внешние угрозы.

Тем не менее эксперты – представители государственных ведомств, которые занимаются российской национальной политикой, отметили, что пока никаких серьезных поводов для беспокойства не наблюдается, в настоящее время националистические и сепаратистские процессы жестко контролируются в регионах, и предпосылок для национальной дезинтеграции нет: «Ну, это такая безусловная величина. На сегодняшний день вообще никаких предпосылок к этому делу нет. Все движения, которые есть там, националистические, сепаратистские или какие-то такие, они, фактически, сегодня уже не функционируют. Это какие-то остались только некие безумцы в регионах» (эксперт 4).

Таблица 2. Распределение мнения респондентов относительно будущего России в зависимости от отношения к институтам власти и управления (Россия, % от числа опрошенных в группах)

Table 2. Distribution of opinions of respondents regarding the future of Russia according to attitudes towards public structures and institutions of power (Russia, % of the number of respondents in groups)

Отношение к политическим институтам / Attitude towards political institutions		К России присоединятся другие народы / Other peoples will join Russia	Россия будет существовать в нынешних границах / Russia will exist within its current borders	Россия обречена на дальнейший распад / Russia is doomed to collapse
Президенту / to President	Доверяю / Trust	89,1	71,6	30,6
	Не доверяю / Distrust	4,7	19,1	56,9
Государственной Думе / to State Duma	Доверяю / Trust	40,5	26,7	6,9
	Не доверяю / Distrust	35,0	53,6	86,1
Правительству / to Government	Доверяю / Trust	67,0	49,6	13,9
	Не доверяю / Distrust	20,3	38,0	79,2
Политическим партиям / to political parties	Доверяю / Trust	21,7	16,8	8,3
	Не доверяю / Distrust	47,3	60,6	77,8

Место и роль России на международной арене. Отдельно стоит остановиться на оценках роли западных стран в международных политических процессах. Доминирующие фреймы публичного дискурса, тиражируемые отечественными СМИ, по большей части носят агрессивный характер, сопряженный с конструированием образа врага в лице стран Европы и США [22]. Как результат, количество негативных коннотаций при оценке деятельности западных стран демонстрирует тенденцию к росту. Согласно данным социологического мониторинга «Как живешь, Россия?», развитые (западные) страны в отношениях с Россией прежде всего хотят «избавиться от потенциального сильного военного противника, соперника в мировой политике», здесь произошел рост актуальности данной цели с 47 % в 2005 г. до 59 % в 2022 г. Также респонденты в качестве основных целей развитых стран во взаимодействии с Россией выделили цели «подорвать устойчивость политического режима в России» (51 %), «обогатиться и спасти свою экономику за счет России» (42 %), «навязать России культуру и ценности общества потребления» (28 %) (табл. 3).

С точки зрения ряда опрошенных нами экспертов, человеческая цивилизация находится в стадии бифуркации, т. е. той точки, от которой могут произойти совершенно непрогнозируемые или, по крайней мере, не однонаправленные изменения. Происходит размывание того, что мы называем системой международных отношений. Прежний ее вид, а именно «монополярность», видимо, уходит в историю.

В будущем ожидается ослабление старых демократий, что вызовет череду деструктивных изменений в системе международной безопасности. Именно по этой причине, считают эксперты, Россия должна расходовать силы и ресурсы для обеспечения политического суверенитета. В данном вопросе мнения экспертов совпадают с оценками будущих рисков представителями высшего политического руководства России.

Т а б л и ц а 3. Мнение респондентов о том, какие цели преследуют развитые страны в своих отношениях с Россией (Россия, % от числа опрошенных)¹²

Table 3. Respondents' opinion about the goals pursued by developed countries in their relations with Russia (Russia, % of the number of respondents)

Вариант ответа / Answers	2005, IX	2014, XII	2022, V
Избавиться от потенциального сильного военного противника, соперника в мировой политике / Get rid of a potential strong military opponent, a rival in world politics	47	52	59
Подорвать устойчивость политического режима в России / Undermine the stability of the political regime in Russia			51
Обогащаться и спасти свою экономику за счет России / Enrich themselves and save their economy at the expense of Russia ¹³	52	34	42
Навязать России культуру и ценности общества потребления / Impose the culture and values of the consumer society on Russia		22	28
Обезопасить себя от последствий кризиса в России / To protect themselves from the consequences of the crisis in Russia	32	10	11
Вывести Россию на путь, по которому идут развитые страны, превратить ее в экономически благополучное государство / To put Russia on the path that developed countries are following, to turn it into an economically prosperous state	11	4	3
Помочь России стать равноправным партнером, одним из центров мировой политики / To help Russia become an equal partner, one of the centers of world politics	7	5	2
Затруднились ответить / Difficult to answer	16	20	9

Примечание: сумма ответов превышает 100 %, так как респонденты могли отметить несколько позиций / Note: the sum of responses exceeds 100%, as respondents could mark several positions.

Главными факторами дальнейшего развития системы международных отношений станут укрепление статуса и веса США и Евросоюза, а также растущее влияние Китая.

Если по внутривополитическим вопросам обнаруживается довольно большой разброс мнений, то в оценках будущего с точки зрения международной политики большинство экспертов поддерживают тему противостояния России и Запада, заинтересованности западных стран в дезинтеграционных процессах на территории России, рассуждают об использовании различных политических и экономических инструментов против России: экономический протекционизм (эксперт 6), «мягкая» сила (эксперт 8), информационная война (эксперт 7), экологические проблемы и политика декарбонизации (эксперт 12).

Большинство экспертов также уверены, что коллективный Запад заинтересован в распаде нашей страны: «И сейчас мы находимся в условиях войны. Против Российской Федерации, вы знаете, развернута колоссальная информационная война, колоссальные гибридные войны идут уже не первый год» (эксперт 7).

На рост негативных оценок политики западных стран оказала влияние и санкционная политика, ужесточение которой было вызвано проведением специальной военной операции. Наши респонденты, понимая, что санкции

¹² Источник: Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 52 этап социологического мониторинга, май 2022 года / В. К. Левашов [и др.]. М. : ФНИСЦ РАН, 2022. С. 72.

¹³ В инструментарии 2005 г.: «Превратить Россию в слаборазвитую страну, обогатиться за ее счет» / «Turn Russia into an underdeveloped country, enrich themselves at its expense» in 2005.

неизбежно будут вести к ухудшению уровня и качества жизни, тем не менее не возлагают больших надежд на представителей власти и бизнеса. Доля граждан, считающих, что санкции заставят политиков и бизнесменов развивать отечественную промышленность и сельское хозяйство, снизилась с 45 % в 2018 г. до 40 % в 2022 г. (табл. 4).

Т а б л и ц а 4. Мнение респондентов о том, какой эффект окажут/оказывают санкции, объявленные США и Европой, на жизнь в нашей стране (Россия, % от числа опрошенных)¹⁴

Table 4. Respondents' opinion on what effect the sanctions announced by the United States and Europe will have on life in our country (Russia, % of the number of respondents)

Вариант ответа / Answers	2014, XII (окажут / will have)	2018, V (оказывают / are having)	2022, V (оказывают / are having)
Заставляют политиков и бизнес развивать отечественную промышленность и сельское хозяйство / Force politicians and businesses to develop domestic industry and agriculture	42	45	40
Ведут к новой «холодной войне» и конфронтации в мире / Lead to a new “cold war” and confrontation in the world	18	31	34
Тормозят развитие отечественной экономики и сотрудничество России с мировым сообществом / Hinder the development of the domestic economy and Russia's cooperation with the world community	16	20	30
Избавляют российских политиков от иллюзий и заставляют работать во имя страны / Get rid of illusions of Russian politicians and force them to work in the name of the country	23	20	28
Снижают уровень и качество жизни моей и моих близких / Reduce the level and quality of life of mine and my loved ones	18	18	25
В целом полезны нашей стране / Useful to our country	20	13	22
Ссорят Россию с Украиной / Involve Russia in conflict with Ukraine	15	15	20
Повышают устойчивость политического режима в России / Increase the stability of the political regime in Russia	—	—	10
Позволяют избавиться от навязывания нам культуры и ценностей общества потребления / Allow us to get rid of the imposition of the culture and values of the consumer society on us	14	14	—
Затруднились ответить / Difficult to answer	13	11	7

Примечание: сумма ответов превышает 100 %, так как респонденты могли отметить несколько позиций / *Note:* the sum of responses exceeds 100%, as respondents could mark several positions.

Что касается международной политики России, то, по данным мониторинга, наши граждане весьма последовательны и настроены на взаимодействие с окружающим миром и выстраивание отношений со всеми странами (табл. 5).

¹⁴ Источник: Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 52 этап социологического мониторинга, май 2022 года / В. К. Левашов [и др.]. М. : ФНИСЦ РАН, 2022. С. 71.

Таблица 5. Мнение респондентов о том, каким образом Россия должна строить свои отношения с окружающим миром, исходя из своих национальных интересов (Россия, % от числа опрошенных)¹⁵

Table 5. Respondents' opinion on how Russia should build its relations with the outside world based on its national interests (Russia, % of the number of respondents)

Вариант ответа / Answers	2004, VII	2008, XI	2010, XII	2014, XII	2016, XII	2020, XII	2022, V
Россия должна активно развивать отношения с остальным миром / Russia should actively develop relations with the rest of the world	52	49	47	49	49	44	49
Россия должна снизить свою активность на международной арене и сосредоточиться на своих внутренних проблемах / Russia should reduce its activity in the international stage and focus on its internal problems	26	26	28	24	32	25	30
Отношения между Россией и остальным миром должны оставаться такими, какие они есть сейчас / Relations between Russia and the rest of the world should remain as they are now	12	14	13	13	10	14	11
Затруднились ответить / Difficult to answer	10	10	12	14	9	17	10

На необходимости ведения конструктивного диалога между политиками разных стран настаивали и те эксперты (4 из 13), которые полагали, что актуальный политический дискурс носит агрессивный характер, ведет к обострению отношений между разными странами. Современный политический язык, пропитанный стереотипами прошлого и флюидами вражды, может описывать только негативное будущее: «...этот новый язык, язык агрессии, язык ненависти, открытого милитаризма и триумфализма – этот язык повлияет на социальное поведение значительных контингентов населения» (эксперт 8).

Эти угрозы оправдывают рост государственных вложений в дальнейшее развитие военно-промышленного комплекса Российской Федерации. Россия не может быть слабой политически и в плане обеспечения вооружением, поскольку тема владения природными ресурсами сегодня становится одной из самых важных.

Только один эксперт считает, что противоречия Запада и России носят временный характер и в скором будущем вновь произойдет их сближение, поскольку Запад заинтересован в существовании России в качестве сильного участника системы международных отношений, сдерживающего экспансию усиливающегося Китая. С другой стороны, неравномерное развитие российских территорий, дальнейшая экономическая деградация окраин, амбиции новых региональных элит могут привести к расколу российских территорий и усилению влияния внешних региональных игроков: Китая, Турции, Польши, Японии и Южной Кореи на отдельные российские территории.

¹⁵ Источник: Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 52 этап социологического мониторинга, май 2022 года / В. К. Левашов [и др.]. М. : ФНИСЦ РАН, 2022. С. 70.

В будущем Запад, по мнению половины экспертов, может потерять свое доминирующее значение, а идея глобализации может стать достоянием истории, поскольку в настоящее время наблюдается активизация процессов на локальном уровне.

Обсуждение и заключение. Результаты последних исследований общественного мнения россиян фиксируют снижение роста межнациональной напряженности и числа межэтнических конфликтов, что подтверждает сложившееся в отечественной науке мнение об устойчивом характере развития социума [23]. Несмотря на то, что националистические и религиозные идеи подпитывают дезинтеграционные тенденции в регионах, эксперты из федеральных органов государственной власти, профессионально занимающиеся национальной политикой, утверждают, что в настоящее время националистические и сепаратистские процессы находятся под контролем.

Мнения населения и экспертов относительно будущего страны в целом совпадают, доминирующая точка зрения состоит в том, что Россия сохранит свою территориальную целостность в существующих границах, но вероятно и расширение территорий. Эксперты в 2021 г. прогнозировали возможное присоединение к России части украинских территорий, не исключали и объединение с Белоруссией в составе одного государства.

Концепт русского мира, получивший определенное распространение как в среде интеллектуалов, так и в политическом классе, демонстрирует высокий консолидационный потенциал в настоящее время и продолжает прирастать новыми смыслами. Рецепт успешного будущего России наши сограждане видят в поиске собственного пути развития с ориентацией на традиционную культуру, что не исключает наличия в общественном мнении позиции о необходимости ориентироваться на европейский путь развития.

Однако если россиянам отдаленное будущее представляется в позитивном русле, то эксперты описывают его как хаотичное, кризисное и неопределенное, когда «монополярный» мир превращается в «многополярный». Концепт «глобализация» перестает быть актуальным и изменяется в сторону локализации рынков и цивилизаций и формирования изоляционных моделей дальнейшего развития. Наши информанты предполагают, что в будущем Запад может потерять свое доминирующее значение и обособиться, тогда как на международную арену в ранге сильных игроков выйдут Китай, Индия, Индонезия, что диктует необходимость пересмотра направлений внешней политики для Российской Федерации.

Наличие нескольких образов будущего в общественном мнении россиян может свидетельствовать о временном и краткосрочном характере консолидации, связанной с осознанием опасности внешних угроз безопасного и устойчивого развития страны.

Что касается внешних факторов будущего развития, то большинство граждан России видят существующее противостояние России и Запада, заинтересованность западных стран в дезинтеграции территории России, при этом они считают, что ухудшение политических отношений с Западом является кризисным, но преодолимым явлением. В качестве возможных практических шагов по разрешению этого кризиса эксперты предлагают более активно использовать

инструмент «мягкой силы», выдвижение и реализацию взаимовыгодных проектов, применение индивидуального подхода к разным странам.

Проведение специальной военной операции, вызвавшей беспрецедентное количество санкций и нарастающую русофобию в публичном пространстве ряда западных стран, способствовало консолидации российского общества против «внешнего врага», что отразилось в оценках перспектив внешней политики. При этом уровень доверия к власти является важнейшим фактором, влияющим на представления о геополитическом будущем страны и в период проведения специальной военной операции.

В этой связи обращает на себя внимание консолидация общества и государства, обеспечивающая эффективное функционирование и государственных, и общественных структур в кризисных ситуациях. Подобного рода консолидация строится на разных основаниях: социокультурных, идеологических, институционально-организационных. Ведущая роль в этом процессе принадлежит мировоззренческим установкам, связанным с представлениями о месте России в новой системе миропорядка. Динамика этих процессов нуждается в постоянном мониторинге, а общественное мнение по наиболее актуальным и острым проблемам может быть одним из источников при разработке политических решений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ray L. State and Civil Society: Civil Society and the Public Sphere // *The Blackwell Companion to Political Sociology* / ed. by K. Nash, A. Scott. Wiley-Blackwell, 2008. Pp. 219–229. <https://doi.org/10.1002/9780470696071.ch20>
2. Van Rensburg A. J. The Political Economy of Mental Illness in South Africa. London : Routledge, 2021. 184 p. <https://doi.org/10.4324/9780429201455>
3. Black A. Guild and State: European Political Thought from the Twelfth Century to the Present. New York : Routledge, 2017. 320 p. <https://doi.org/10.4324/9780203790373>
4. Przeworski A. A Conceptual History of Political Regimes: Democracy, Dictatorship, and Authoritarianism // *New Authoritarianism: Challenges to Democracy in the 21st century* / ed. by J. J. Wiatr. Verlag Barbara Budrich, 2019. Pp. 17–36. <https://doi.org/10.2307/j.ctvdf08xx.5>
5. Guasti P. Swerving Towards Deconsolidation? Democratic Consolidation and Civil Society in the Czech Republic // *Czech Democracy in Crisis* / ed. by A. Lorenz, H. Formánková. Springer, 2020. Pp. 39–64. https://doi.org/10.1007/978-3-030-40006-4_3
6. Никовская Л. И. К проблеме формирования консолидации российского общества: взгляд конфликтолога // *Местное право*. 2022. № 3. С. 45–50. URL: <http://www.mestnoepravo.com/docs/2022-03-006.pdf> (дата обращения: 09.12.2022).
7. Лотарев К. А. Возможности и перспективы консерватизма в консолидации российского общества (в контексте культурно-образовательной политики и патриотизма) // *Власть*. 2016. № 2. С. 101–111. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/vlast/article/view/3784> (дата обращения: 09.12.2022).
8. Соснин В. А. Социально-политическая и духовно-нравственная консолидация российского общества: космополитизм и будущее России // *Наука. Культура. Общество*. 2015. № 3. С. 42–56. EDN: QGUPSA
9. Гронский А. Д. Русский мир в поисках содержания // *Россия в глобальной политике*. 2017. Т. 15, № 4. С. 186–201. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/russkij-mir-v-poiskah-soderzhaniya> (дата обращения: 09.12.2022).
10. Щеголькова Е. Ю. Межэтнические отношения в оценках россиян: социологический анализ // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 4 (158). С. 499–520. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1260>

11. Лапкин В. В. О национальном vs имперском обустройстве современного миропорядка // Полис. Политические исследования. 2018. № 4. С. 37–55. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.04.04>
12. Borgen Ch. J. From Kosovo to Catalonia: Separatism and Integration in Europe // Goettingen Journal of International Law. 2010. Vol. 2, no. 3. Pp. 997–1033. URL: https://scholarship.law.stjohns.edu/faculty_publications/114/ (дата обращения: 09.12.2022).
13. Sakwa R. External Actors in EU-Russia Relations: Between Norms and Space // Avoiding a New Cold War. The Future of EU-Russia Relations in the Context of the Ukraine Crisis / ed. by C. Nitoiu. LSE IDEAS Special Report. 2016. Pp. 86–93. URL: <https://www.stiftung-mercator.de/content/uploads/2020/12/LSE-IDEAS-Avoiding-a-New-Cold-War.pdf> (дата обращения: 09.12.2022).
14. Paikin Z., Korosteleva E. Russia between East and West, and the Future of Eurasian order // International Politics. 2020. Vol. 58. Pp. 321–333. <https://doi.org/10.1057/s41311-020-00261-5>
15. Laruelle M. When Eurasia Looks East: Is Eurasianism Sinophile or Sinophobe? // The Politics of Eurasianism: Identity, Popular Culture and Russia's Foreign Policy / ed. by M. Bassin, G. Pozo. Rowman & Littlefield Publishers, 2017. Pp. 145–160. URL: https://www.researchgate.net/publication/343896810_When_eurasia_looks_east_Is_Eurasianism_Sinophile_or_Sinophobe (дата обращения: 09.12.2022).
16. Mileski T. Identifying the New Eurasian Orientation in Modern Russian Geopolitical Thought // Eastern Journal of European Studies. 2015. Vol. 6, issue 2. Pp. 177–187. URL: https://ejes.uaic.ro/articles/EJES2015_0602_MIL.pdf (дата обращения: 09.12.2022).
17. Желтикова И. В. Образы будущего в интерпретации Ф. Поллака // Современные исследования социальных проблем. 2013. № 3. <http://dx.doi.org/10.12731/2218-7405-2013-3-11>
18. Васильев М. В. Русский мир и проблемы интеграции постсоветского пространства // Архонт. 2021. № 3 (24). С. 42–44. EDN: XDWDCCO
19. Гончар О. Н. Великий Русский Народ как национальная идея России // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5, № 2. С. 139–155. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-2-139-155>
20. Миронова М. Н., Холина В. Н. Диспропорции регионального развития России: динамика в постсоветский период // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2011. № 4. С. 23–34. URL: <https://repository.rudn.ru/ru/records/article/record/63822/> (дата обращения: 10.10.2022).
21. Ахмедуев А. Ш. Проблемы чрезмерной поляризации уровня социально-экономического развития регионов России и императивы модернизации государственной региональной политики // Региональные проблемы преобразования экономики. 2017. № 6 (80). С. 37–51. URL: <http://www.rppe.ru/new/index.php/rppe/article/view/589/513> (дата обращения: 09.12.2022).
22. Зонova Т. В., Джаннотти А. Россия и Запад: противоречивый диалог // Вестник МГИМО-Университета. 2020. Т. 13, № 1. С. 23–38. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-1-70-23-38>
23. Левашов В. К. Социально-политическая устойчивость: риски и императивы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 4 (116). С. 29–42. URL: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/1527/1295> (дата обращения: 09.12.2022).

Поступила 13.12.2022; одобрена после рецензирования 31.01.2023; принята к публикации 09.02.2023.

Об авторах:

Великая Наталья Михайловна, доктор политических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5532-844X>, Researcher ID: A-9577-2017, Scopus ID: 8438345700, natalivelikaya@gmail.com

Тартыгашева Галина Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета (125047, Российская Федерация, г. Москва, Миусская площадь, д. 6), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4553-8819>, Researcher ID: B-1615-2017, Scopus ID: 56626089300, tarty@yandex.ru

Новоженкина Ольга Петровна, старший научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического

центра Российской академии наук (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3511-0384>, Researcher ID: R-5132-2019, Scopus ID: 57192301345, olganov@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

Н. М. Великая – постановка проблемы исследования; научное руководство исследованием и выбор методов исследования; критический анализ и доработка текста.

Г. В. Тартыгашева – проведение и интерпретация глубинных интервью с экспертами; подготовка текста публикации.

О. П. Новоженина – подготовка, описание и визуализация данных количественного анализа; участие в подготовке и оформлении текста публикации.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Ray L. State and Civil Society: Civil Society and the Public Sphere. In: Nash K., Scott A., editors. *The Blackwell Companion to Political Sociology*. Wiley-Blackwell; 2008. p. 219–229. <https://doi.org/10.1002/9780470696071.ch20>
2. Van Rensburg A.J. *The Political Economy of Mental Illness in South Africa*. London: Routledge; 2021. <https://doi.org/10.4324/9780429201455>
3. Black A. *Guild and State: European Political Thought from the Twelfth Century to the Present*. New York: Routledge; 2017. <https://doi.org/10.4324/9780203790373>
4. Przeworski A. A Conceptual History of Political Regimes: Democracy, Dictatorship, and Authoritarianism. In: Wiatr J.J., editor. *New Authoritarianism: Challenges to Democracy in the 21st Century*. Verlag Barbara Budrich; 2019. p. 17–36. <https://doi.org/10.2307/j.ctvdf08xx.5>
5. Guasti P. Swerving Towards Deconsolidation? Democratic Consolidation and Civil Society in the Czech Republic. In: Lorenz A., Formánková H., editors. *Czech Democracy in Crisis*. Springer; 2020. p. 39–64. https://doi.org/10.1007/978-3-030-40006-4_3
6. Nikovskaya L.I. [On the Problem of Formation of Consolidation of the Russian Society: the View of a Conflictologist]. *Local Law*. 2022;(3):45–50. Available at: <http://www.mestnoepravo.com/docs/2022-03-006.pdf> (accessed 09.12.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
7. Lotarev K.A. Possibility and Prospects of Conservatism in the Process of Consolidation of Russian Society. *Vlast' (The Authority)*. 2016;(2):101–111. Available at: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/vlast/article/view/3784> (accessed 09.12.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
8. Sosnin V.A. Social-Political and Spiritual-Moral Consolidation of Russia: Problem of Cosmopolitism and Security of Russia in Contemporaneous World. *Science. Culture. Society*. 2015;(3):42–56. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: QGUPSA
9. Gronsii A.D. [The Russian World in Search of Content]. *Russia in Global Affairs*. 2017;15(4):186–201. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/russkij-mir-v-poiskah-soderzhaniya> (accessed 09.12.2022). (In Russ.)
10. Shchegolkova E.Yu. Interethnic Relations in the Assessments of Russians: A Sociological Analysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 2020;(4):499–520. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1260>
11. Lapkin V.V. Nation vs Empire in the Modern World Order. *Polis. Political Studies*. 2018;(4):37–55. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.04.04>
12. Borgen Ch.J. From Kosovo to Catalonia: Separatism and Integration in Europe. *Goettingen Journal of International Law*. 2010;2(3):997–1033. Available at: https://scholarship.law.stjohns.edu/faculty_publications/114/ (accessed 09.12.2022).
13. Sakwa R. External Actors in EU-Russia Relations: Between Norms and Space. In: Nitoiu C. *Avoiding a New Cold War. The Future of EU-Russia Relations in the Context of the Ukraine Crisis*. LSE IDEAS Special Report, 2016. p. 86–93. Available at: <https://www.stiftung-mercator.de/content/uploads/2020/12/LSE-IDEAS-Avoiding-a-New-Cold-War.pdf> (accessed 09.12.2022).

14. Paikin Z., Korosteleva E. Russia between East and West, and the Future of Eurasian Order. *International Politics*. 2020;58:321–333. <https://doi.org/10.1057/s41311-020-00261-5>
15. Laruelle M. When Eurasia Looks East: Is Eurasianism Sinophile or Sinophobe? In: Bassin M., Pozo G., editors. *The Politics of Eurasianism: Identity, Popular Culture and Russia's Foreign Policy*. Rowman & Littlefield Publishers; 2017. p. 145–160. Available at: https://www.researchgate.net/publication/343896810_When_eurasia_looks_east_Is_Eurasianism_Sinophile_or_Sinophobe (accessed 09.12.2022).
16. Mileski T. Identifying the New Eurasian Prientation in Modern Russian Geopolitical Thought // *Eastern Journal of European Studies*. 2015;6(2):177–187. Available at: https://ejes.uaic.ro/articles/EJES2015_0602_MIL.pdf (accessed 09.12.2022).
17. Zheltikova I.V. [Polak's Concept "The Image of the Future"]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*. 2013;(3). (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.12731/2218-7405-2013-3-11>
18. Vasiliev M.V. Russian World and the Problems of Post-Soviet Space Integration. *Archont*. 2021;(3):42–44. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: **XDWDGO**
19. Gonchar O.N. The Great Russian People as the Russian National Idea. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*. 2020;5(2):139–155. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-2-139-155>
20. Mironova M.N., Kholina V.N. Regional Disparities in Russia: Dynamics in the Post-Soviet Period. *RUDN Journal of Economics*. 2011;(4):23–34. Available at: <https://repository.rudn.ru/ru-records/article/record/63822/> (accessed 10.10.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
21. Akhmeduev A.Sh. Problems of Excessive Polarization of the Level of Social-Economic Development of the Regions of Russia and Imperatives of Modernization of the State Regional Policy. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki*. 2017;(6):37–51. Available at: <http://www.rppe.ru/new/index.php/rppe/article/view/589/513> (accessed 09.12.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
22. Zonova T.V., Giannotti A. Russia and the West: Contradictory Dialogue. *MGIMO Review of International Relations*. 2020;13(1):23–38. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-1-70-23-38>
23. Levashov V.K. Socio-Political Stability: Risks and Imperatives. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 2013;(4):29–42. Available at: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/1527/1295> (accessed 09.12.2022). (In Russ.)

Submitted 13.12.2022; revised 31.01.2023; accepted 09.02.2023.

About the authors:

Natalia M. Velikaya, Dr. Sci. (Polit.), Professor, Deputy Director of Science and Research, Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6, Bld. 1, Fotieva St., Moscow 119333, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5532-844X>, Researcher ID: **A-9577-2017**, Scopus ID: **8438345700**, natalivelikaya@gmail.com

Galina V. Tartygasheva, Cand. Sci. (Sociol.), Associate Professor of the Department of Theory and History of Sociology, Russian State University for the Humanities (6 Miusskay Sq., Moscow 125047, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4553-8819>, Researcher ID: **B-1615-2017**, Scopus ID: **56626089300**, tarty@yandex.ru

Olga P. Novozhenina, Senior Researcher, Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6, Bld. 1, Fotieva St., Moscow 119333, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3511-0384>, Researcher ID: **R-5132-2019**, Scopus ID: **57192301345**, olganov@yandex.ru

Contribution of the authors:

N. M. Velikaya – defining the research problem; scientific management of research and selection of research methods; critical analysis and revision of the text.

G. V. Tartygasheva – conducting and interpreting in-depth interviews with experts; preparing the text of the publication.

O. P. Novozhenina – preparation, description and visualization of quantitative analysis data; participation in the preparation and design of the text of the publication.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ / ECONOMICS AND MANAGEMENT OF NATIONAL ECONOMY

УДК 32:001.895

doi: 10.15507/2413-1407.123.031.202302.294-312

Оригинальная статья

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Практика реализации концепции открытых инноваций в России: государственный, региональный и корпоративный уровни

А. В. Васина

О. Н. Киселева ✉

О. В. Сысоева

*Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А.
(г. Саратов, Российская Федерация)*

✉ oksana@briik.ru

Аннотация

Введение. Императивы нового времени бросают вызов традиционной инновационной системе в Российской Федерации, что вызывает необходимость в развитии концепции открытых инноваций. Цель статьи – анализ сравнительной характеристики реализации концепции открытых инноваций на государственном, региональном и корпоративном уровнях для выявления особенностей и барьеров, сдерживающих диффузию инноваций.

Материалы и методы. Исследование проводилось на основе статистических сборников с целью определения уровня практического применения открытых инноваций на различных уровнях. С помощью метода иерархического анализа и метода k-средних произведена кластеризация субъектов Российской Федерации по трем стратам в зависимости от степени кооперационных связей. Результаты корреляционного анализа позволили определить факторы, влияющие на развитие открытых инноваций.

Результаты исследования. Выявлена недостаточная поддержка реализации открытых инноваций на государственном и региональном уровнях, что негативно влияет на их результативность в корпоративном секторе. Определено, что открытые инновации в большей степени используются крупным бизнесом; однако организациями отмечается недостаток информации о разработках и трудности во взаимодействии с различными акторами. Данные выводы были продемонстрированы в анализе динамики регионов по использованию организациями научной кооперации. Выделены основные барьеры при реализации открытых инноваций.

Обсуждение и заключение. Сформированы общие направления национального развития открытых инноваций, которые могут способствовать стимулированию увеличения количества участников и их интереса к инновационной деятельности, расширению территориальных и отраслевых границ, а также инициации новых решений в традиционных технологиях. Результаты исследования могут быть полезны: на государственном уровне – представителям органов власти при формировании новых программ и платформ поддержки инновационного развития; на региональном – органам местного самоуправления при определении стратегии инновационного

© Васина А. В., Киселева О. Н., Сысоева О. В., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

развития регионов; на корпоративном – субъектам бизнеса, промышленности и науки для развития инновативности и усиления кооперации между ними.

Ключевые слова: открытые инновации, региональная инновационная инфраструктура, российские регионы, процессы кооперации, кластеризация регионов

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Васина А. В., Киселева О. Н., Сысоева О. В. Практика реализации концепции открытых инноваций в России: государственный, региональный и корпоративный уровни // Регионоведение. 2023. Т. 31, № 2. С. 294–312. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.123.031.202302.294-312>

Original article

Implementing the Concept of Open Innovations in Russia: State, Regional and Corporate Level

A. V. Vasina, O. N. Kiseleva ✉, O. V. Sysoeva

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov (Saratov, Russian Federation)

✉ oksana@briik.ru

Abstract

Introduction. The recent imperatives challenge the conventional innovation system in Russia and initiate developing the concept of open innovations. The paper targets analyzing the comparative characteristics of the concept of open innovations to be implemented at three levels, federal, regional, and corporate one, to clarify features and barriers that hinder a diffusion of innovations.

Materials and Methods. The study has been performed employing statistics collections to analyze the degree of applying open innovations at various levels. Using the method of hierarchical analysis and the k-means method, we have clustered subjects in Russia into three strata depending on the power of cooperative ties. The results of the correlation analysis allowed us to clarify the factors influencing the development of open innovations.

Results. The conclusion has been derived about insufficiency in supporting an implementation of open innovations at the federal and regional levels that negatively affects their performance in the corporate sector. The open innovations are more frequently initiated in large business companies. However, organizations note a lack of information about inventions and difficulties to interact with various actors. These conclusions have been demonstrated while analyzing the dynamics of regions in terms of using a scientific cooperation by organizations. As a result, the authors identified the major barriers for implementing open innovations.

Discussion and Conclusion. General directions for the domestic development of open innovations have been formulated to contribute to stimulating a growth in the number of participants and their interest in innovations, expanding spatial and industry boundaries, as well as initiating new solutions in conventional technologies. The results of the study can be employed by authorities while making new programs and platforms to support an innovative development at the federal level; by local government when composing a strategy for innovative improvement of regions; by subjects of business, industry and science at the corporate level to advance innovation and strengthen their cooperation.

Keywords: open innovations, regional innovation infrastructure, Russian regions, cooperation processes, clustering of regions

Conflict of interests. The author declares that there is no a conflict of interest.

For citation: Vasina A.V., Kiseleva O.N., Sysoeva O.V. Implementing the Concept of Open Innovation in Russia: State, Regional and Corporate Level. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(2):294–312. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.123.031.202302.294-312>

Введение. В реалиях нового времени для Российской Федерации особенно актуальной задачей является устойчивое экономическое развитие, основанное на производстве высококачественной продукции в целях ускорения

импортозамещения. Безусловно, одним из важнейших факторов является активная инновационная деятельность, обеспечивающая конкурентную позицию как на мировом, так и на региональном рынках и высокий уровень благосостояния населения в результате непрерывных воспроизводственных процессов капитала на основе реализации достижений науки на практике, а также внедрения инновационных высокоэффективных технологий.

В настоящее время уровень инновационной деятельности в России значительно уступает уровню развитых стран. В частности, это подтверждают данные рейтинга Global Innovation Index (GII) 2021 (Российская Федерация занимает 45 место из 132)¹. Анализ фактически достигнутых показателей реализации Стратегии инновационного развития на период до 2020 г. также демонстрирует, что запланированного «инновационного прорыва» не произошло². В условиях санкционного давления данная реальность для экономики является неприемлемой, вследствие чего возникает острая необходимость поиска новых решений, реализация которых позволит значительно повысить объем и качество инновационных продуктов и технологий. Одним из таких направлений, находящихся в фокусе многочисленных современных научных изысканий, становится концепция открытых инноваций (ОИ), активно реализуемая инновационно-развитыми государствами. Данная концепция базируется на том, что новые решения в организации разрабатываются в процессе взаимодействия с различными субъектами, что в конечном итоге приводит к большему числу бенефициаров, которые получают эффект в виде достижения конкурентных преимуществ, финансовой выгоды или удовлетворения качественных запросов потребителей к продукции. Безусловно, применение концепции ОИ не является универсальной «формулой успеха» для всех инновационно-активных предприятий, однако присущие ей преимущества ориентируют на необходимость развития ее прикладного характера и продвижения в различных проектах.

Развитие концепции ОИ в России обусловлено объективными потребностями реального сектора в сокращении стоимости и сроков разработки инновационной продукции, а также обеспечения вариативности направлений ее разработки. Филиация инновационной системы к ОИ позволяет расширить географию научных разработок и обмен среди различных секторов экономики и отдельных территорий, сократить разрыв между инновационно отсталыми регионами и регионами-лидерами, что положительно скажется на интенсификации инновационных процессов в России [1].

На текущий момент времени хозяйствующие субъекты демонстрируют невысокий уровень вовлеченности в процесс ОИ, однако утверждение, что в России совершенно не используются методы и инструменты рассматриваемой концепции будет неверным. Так, императивы процессов развития в системе диктуют необходимость изучения ее базовых параметров, позволяющих более детально рассмотреть фронт для последующих изменений. Постановка вопроса о первоочередности исследования текущего состояния применения открытых инноваций в России определяет цель данной статьи – анализ практики

¹ Global Innovation Index [Электронный ресурс]. URL: <https://www.globalinnovationindex.org> (дата обращения: 15.10.2022).

² Согласно информации о выполнении основных показателей Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г.

реализации концепции открытых инноваций в России на основе государственного, регионального и корпоративного уровней, выявление ключевых барьеров, препятствующих аккомодации открытых инноваций и формирование общих рекомендаций по их преодолению.

Обзор литературы. Теория ОИ берет свое начало в 1999 г. и продолжает непрерывно развиваться, учитывая предоставляемые ею широкие возможности и перспективы для сферы инновационной диффузии и трансфера технологий. Основоположником теории ОИ принято считать Г. Чесбро, который инициирует идею, что компании должны использовать целевые притоки и оттоки знаний, что способствует ускорению внедрения инновационных технологий, а также расширению рынков сбыта [2].

Учитывая существующее положительное влияние модели ОИ на экономику, данный вопрос в настоящее время активно изучается в мировом научном сообществе. Наибольшее количество исследователей наблюдается в таких странах, как США, Германия, Швейцария, Италия, Китай и Великобритания. В зарубежной научной литературе можно встретить различные варианты предлагаемых моделей концепции ОИ применительно к университетам [3], различным отраслям и на основе различных подходов: четырехзвенную модель [4]; циклическую модель системной динамики предпринимательства [5]; модель, подразумевающую различные формы управления; модель, отражающую этапы и источники поиска внешних инноваций; модели, основанные на различных видах партнерств и стратегических альянсов [6]. Кроме этого, рассматривается внедрение ОИ в крупных компаниях, холдингах, малых и средних предприятиях [7].

В России теория ОИ начала развиваться позже, чем в других странах (первые публикации в РИНЦ датируются 2005 г.). Публикации российских ученых затрагивают вопросы использования ОИ в различных отраслях [8; 9], а также раскрывают их управленческие конструкторы и особенности в России [10; 11]. Несмотря на растущий интерес к исследуемой тематике, единого мнения о сущности данного понятия в российской науке и практике еще не сформировано. Большинство авторов рассматривают ОИ как модель управления организацией [12–14], другие – придерживаются мнения о том, что это инструмент для развития инновационных технологий [15]. Необходимо отметить, что на законодательном уровне сформулированы задачи по формированию системы коммуникаций в области науки и инновационной деятельности, основанные на принципах открытости и взаимодействия науки, бизнеса, общества и государства³. Тем не менее понятие «открытые инновации» не идентифицировано, также как и не представлено описание способов реализации данных задач. Наблюдаемый диссонанс в теоретических подходах в дефиниции «открытые инновации», не мешает тому, что многие исследователи занимаются вопросами развития данной концепции в России. Авторами систематизированы четыре подхода, отражающие современные тенденции развития ОИ:

– сетевые формы межорганизационного взаимодействия для реализации инноваций [16];

³ О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерации от 1 дек. 2016 г. № 642.

- открытые инновационные экосистемы инноваций [17];
- инновационно-производственные кластеры по территориальному принципу⁴;
- открытые технологические платформы для реализации совместных инновационных разработок [18].

Различие данных подходов к развитию концепции не создает противоречия во мнениях исследователей относительно ее преимуществ, например привлечение внешних исследований, что предполагает расширение географических и институциональных границ внедрения инновационных разработок. Возможность использования объектов интеллектуальной собственности других разработчиков, привлечение внешних партнеров и возможность передачи прав на объекты интеллектуальной собственности расширяет количество вариантов разработки инновационной продукции, повышает точность маркетинговых исследований и интерес целевой аудитории к компании с помощью взаимодействия при разработке продукции. Все это способствует увеличению используемых решений при реализации инновационной стратегии организации. Несмотря на положительные экстерналии от реализации концепции ОИ, целесообразно указать присущие ей недостатки. К примеру, в ОИ возрастает риск нарушения прав интеллектуальной собственности, велик риск отсева жизнеспособных инноваций, которые не выгодны для реализации на данное время [19].

Можно сделать вывод о том, что в отечественной науке изучение проблем ОИ является достаточно «молодым» направлением, а затрагиваемые аспекты фрагментарны и не позволяют формировать базу для эффективной реализации концепции. Соответственно, для определения приоритетных направлений развития следует обозначить сферы, в которых концепция находит наиболее частое применение, инструменты поддержки, предоставляющие необходимые результаты, а также существующие барьеры распространения теории и практики открытых инноваций с целью их нивелирования. Таким образом, это обуславливает актуальность проведенного нами исследования.

Материалы и методы. Теоретической базой исследования явились работы отечественных и зарубежных ученых, посвященные различным аспектам ОИ. На уровне государственного сектора проведен анализ материалов сборника «Индикаторы инновационной деятельности 2022». Исследования практики государственной поддержки ОИ основывались на анализе: программ поддержки Национальной технологической инициативы, цифровой платформы Национальной ассоциации трансфера технологий (НАТТ), проекта «Платформа GenerationS»⁵.

Региональная практика рассматривалась с точки зрения инфраструктурных решений с использованием «Карты кластеров России» НИУ ВШЭ и Национального информационно-аналитического центра по мониторингу инновационной инфраструктуры научно-технической деятельности и региональных инновационных систем (НИАЦ МИИРИС). Для более подробного анализа результативности региональной практики поддержки ОИ использованы показатели рейтинга инновационного развития субъектов Федерации НИУ ВШЭ. Проведена

⁴ Смородинская Н. В. Глобализированная экономика: от иерархий к сетевому укладу. М. : ИЭ РАН, 2015. 344 с.

⁵ Российская венчурная компания [Электронный ресурс]. URL: <https://rvc.ru> (дата обращения: 15.10.2022).

кластеризация субъектов Федерации по признаку доли организаций, участвовавших в научной кооперации за 2015, 2017 и 2020 гг. Используя иерархический анализ (по методу Уорда), субъекты Федерации распределены на три кластера, далее применялся метод k-средних (расчеты производились в программе Wolfram Mathematica). Регионы с высокими показателями научной кооперации анализировались на предмет влияющих факторов с помощью метода расчета корреляции.

Для отображения корпоративной практики реализации ОИ использовались результаты исследования о внедрении инструментов ОИ в корпорациях, проведенного Фондом развития интернет-инициатив. В исследовании приняли участие 24 крупные российские и международные компании различных сфер бизнеса: банковский сектор, провайдеры цифровых услуг, сервис и телекоммуникации, продуктовые и FMCG-ритейлеры и прочие компании.

Проблематика в реализации ОИ была рассмотрена исходя из данных аналитики рынков высоких технологий консалтинговой компании O2Consulting, а также комплексного мониторинга системы оценки эффективности инноваций на предприятиях, представленного ассоциацией инновационных регионов России.

Результаты исследования. В рамках анализа на государственном уровне рассмотрим программы поддержки Национальной технологической инициативы (НТИ): «Технологический прорыв НТИ», «Инфраструктура НТИ», «Спин-офф НТИ», «Экспорт НТИ», цель которых – развитие новых и поддержка существующих компаний по реализации прорывных технологий и создание новых рынков на федеральном и мировом уровне. В агентстве стратегических инициатив, являющемся модератором связей в НТИ, действует крауд-платформа в рамках форума «Сильные идеи для нового времени». На данной платформе привлекаются эксперты, предприниматели, представители науки и общества, все предложения являются открытыми, что позволяет их обсудить, найти единомышленников или жизнеспособную идею для реализации. Так, концепция форума подразумевает открытость идей, но вопрос вызывает его ограниченное время работы.

Особое внимание следует уделить цифровой платформе Национальной ассоциации трансфера технологий (НАТТ), работа которой направлена на снижение затрат бизнеса при выстраивании цепочек научно-технологической кооперации и повышение объемов потребления инноваций реальным сектором экономики. НАТТ объединяет в себе 65 организаций, среди которых есть представители бизнеса, науки и институтов развития. В рамках данной платформы действуют два вида сотрудничества: 1) запросы предложений от бизнеса для решения конкретной задачи с описанием проблемы и сроком приема предложений и внешние инновации в определенном технологическом направлении, без срока приема предложений; 2) предложения от научного сектора различных стадий готовности от идей (TRL 1) до серийного производства (TRL 9)⁶. Информация о практике успешного взаимодействия не представлена.

Таким образом, на государственном уровне присутствуют отдельные инструменты развития ОИ, однако возникает вопрос об их результативности. В этом контексте обратимся к данным статистической отчетности, раскрывающей динамику кооперации и сотрудничества организаций России (табл. 1).

⁶ Согласно данным национальной ассоциации трансфера технологий на 14 октября 2022 г.

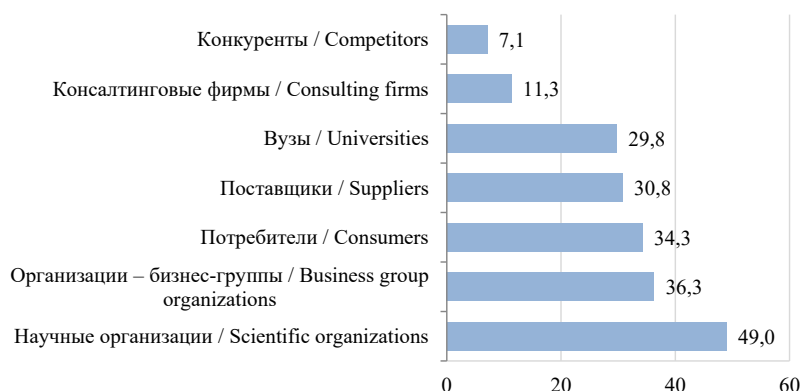
Таблица 1. Динамика показателей совместных проектов по выполнению исследований и разработок и приобретению и передаче новых технологий организациями Российской Федерации (2015, 2017, 2020 гг.)⁷

Table 1. Dynamics of indicators on joint research and development projects and acquisition and transfer of new technologies by organizations of the Russian Federation (2015, 2017, 2020)

Показатель / Indicator	2015	2017	2020
Организации, участвовавшие в совместных проектах / Organizations participating in joint projects, %	35,2	30,0	17,0
Количество совместных проектов / Number of joint projects	21 783	21 733	41 247
Организации, приобретавшие новые технологии / Organizations that acquired new technologies, %	26,7	22,7	н. д. / not data
Организации, передававшие новые технологии / Organizations that transferred new technologies, %	7,1	5,9	н. д. / not data

Исходя из данных таблицы 1, прослеживается тенденция снижения доли организаций, участвующих в совместных проектах по выполнению исследований и разработок, приобретение и продажа новых технологий также снижается. На фоне этого интересным фактом является значительное увеличение числа совместных проектов, что может быть связано с тем, что организации, имеющие успешный опыт кооперации, увеличивают количество проектов, что подтверждается данными о типах кооперационных связей. Партнеры по кооперации представлены на рисунке 1.

При анализе региональных форм поддержки развития ОИ необходимо обратиться к институтам инновационной инфраструктуры. Так, их основной частью в регионах России являются территории опережающего социально-экономического развития, бизнес-инкубаторы, технопарки и индустриальные парки. Среди объектов инфраструктуры можно выделить кластеры. Однако территориальная и отраслевая ограниченность противоречит многим доктринам ОИ, что не позволяет рассматривать кластеры как полноценный объект по их развитию.

Р и с. 1. Распределение организаций, участвовавших в совместных проектах по выполнению исследований и разработок, по типам партнеров, 2020 г., %⁸

Fig. 1. Distribution of organizations involved in joint research and development projects by type of partners, 2020, %

⁷ Таблица составлена авторами на основе данных: Индикаторы инновационной деятельности: 2022: стат. сб. / В. В. Власова [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : НИУ ВШЭ, 2022. 292 с.

⁸ Рисунок составлен авторами на основе данных: Индикаторы инновационной деятельности: 2022: стат. сб. С. 171.

Более отвечают требованиям межрегиональные кластеры, однако их количество на территории России минимально («Композиты без границ», «ФармДолина» и др.)⁹. Специализированных региональных инфраструктурных институтов, представляющих интересы участников процесса генерирования инновационных идей в виде открытой системы, выявлено не было.

В рамках исследования произведена кластеризация регионов по признаку «доля организаций, участвовавших в научной кооперации». Для этого был осуществлен предварительный анализ по методу Уорда, в результате которого сформировано 3 кластера по следующим стратам: субъекты с высокой (первый кластер), средней (второй кластер) и низкой (третий кластер) степенью использования кооперационных связей за период 2015, 2017 и 2020 гг. (гетерогенность представленных периодов обусловлена тем, что авторами были использованы последние из представленных данных рейтинга инновационного развития субъектов Федерации). Далее применялся метод k-средних. Расчет статистической значимости кластеризации проводился по дисперсионному анализу, в результате которого для всех кластеров $p < 0,05$, что трактуется как подтверждение статистической значимости. Результаты кластеризации и границы кластеров представлены в таблице 2.

Таблица 2. Данные о кооперационной активности организаций субъектов Российской Федерации (2015, 2017, 2020 гг.)¹⁰

Table 2. Data on the cooperative activity of organizations of the subjects of the Russian Federation (2015, 2017, 2020)

Субъект Федерации / Subject of the Russian Federation	Кластер, 2015 г. / Cluster 2015*	Кооперация организаций, 2015 г. / Cooperation of organizations, 2015	Кластер, 2017 г. / Cluster 2017**	Кооперация организаций, 2017 г. / Cooperation of organizations, 2017	Кластер, 2020 г. / Cluster 2020***	Кооперация организаций, 2020 г. / Cooperation of organizations, 2020
1	2	3	4	5	6	7
<i>Центральный федеральный округ / Central Federal District</i>						
Белгородская область / Belgorod Region	II	0,214	II	0,265	II	0,268
Брянская область / Bryansk Region	I	0,415	II	0,247	III	0,141
Владимирская область / Vladimir Region	I	0,509	II	0,398	II	0,370
Воронежская область / Voronezh Region	II	0,213	II	0,313	II	0,207
Ивановская область / Ivanovo Region	III	0,10	III	0,199	III	0,111
Калужская область / Kaluga Region	I	0,427	I	0,477	I	0,428

⁹ Согласно данным НИАЦ МИИРИС (<https://www.miiiris.ru>) и Карты кластеров России (<https://map.cluster.hse.ru>).

¹⁰ Таблица рассчитана авторами на основе: Рейтинг инновационного развития субъектов РФ [Электронный ресурс] // НИУ ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/primarydata/rir> (дата обращения: 05.09.2022).

Продолжение табл. 2 / Continuation of table 2

1	2	3	4	5	6	7
Костромская область / Kostroma Region	II	0,231	III	0,051	III	0,050
Курская область / Kursk Region	III	0,112	III	0,075	III	0,044
Липецкая область / Lipetsk Region	II	0,28	II	0,234	II	0,263
г. Москва / Moscow	I	1,00	I	0,949	I	1,00
Московская область / Moscow Region	II	0,244	I	0,515	II	0,407
Орловская область / Orel Region	II	0,254	III	0,125	I	0,531
Рязанская область / Ryazan Region	II	0,40	II	0,267	II	0,253
Смоленская область / Smolensk Region	II	0,289	II	0,258	II	0,22
Тамбовская область / Tambov Region	II	0,337	III	0,190	II	0,196
Тверская область / Tver Region	II	0,217	II	0,374	II	0,292
Тульская область / Tula Region	I	0,737	II	0,455	II	0,345
Ярославская область / Yaroslavl Region	I	0,537	I	0,537	I	0,455
<i>Северо-Западный федеральный округ / North-Western Federal District</i>						
Архангельская область / Arkhangelsk Region	II	0,238	III	0,193	II	0,182
Вологодская область / Vologda Region	II	0,346	II	0,261	II	0,204
Калининградская область / Kaliningrad Region	II	0,21	II	0,225	III	0,137
Ленинградская область / Leningrad Region	II	0,392	II	0,356	II	0,315
Мурманская область / Murmansk Region	II	0,297	II	0,282	II	0,28
Ненецкий автономный округ / Nenets Autonomous Area	III	0	III	0	III	0
Новгородская область / Novgorod Region	II	0,254	II	0,412	I	0,49
Псковская область / Pskov Region	III	0,115	III	0,178	III	0,129
Республика Карелия / Republic of Karelia	II	0,207	II	0,323	I	0,494
Республика Коми / Komi Republic	III	0,04	III	0,134	II	0,181
г. Санкт-Петербург / St. Petersburg	I	0,618	I	0,835	I	0,827

Продолжение табл. 2 / Continuation of table 2

1	2	3	4	5	6	7
<i>Южный федеральный округ / Southern Federal District</i>						
Астраханская область / Astrakhan Region	III	0,056	III	0,157	III	0,163
Волгоградская область / Volgograd Region	II	0,216	III	0,155	III	0,127
Краснодарский край / Krasnodar Territory	II	0,222	III	0,152	III	0,082
Республика Адыгея / Republic of Adygeya	II	0,290	III	0,077	III	0,111
Республика Калмыкия / Republic of Kalmykia	III	0	III	0,092	III	0,082
Республика Крым / Republic of Crimea	II	0,209	III	0,147	III	0,120
Ростовская область / Rostov Region	II	0,314	II	0,344	II	0,299
г. Севастополь / Sevastopol	III	0	II	0,352	II	0,195
<i>Северо-Кавказский федеральный округ / North Caucasus Federal District</i>						
Кабардино-Балкарская Республика / Kabardino-Balkarian Republic	III	0,094	II	0,344	II	0,372
Карачаево-Черкесская Республика / Karachayevo-Circassian Republic	III	0	III	0,195	III	0,075
Республика Дагестан / Republic of Dagestan	II	0,318	II	0,251	III	0,037
Республика Ингушетия / Republic of Ingushetia	III	0	III	0	III	0
Республика Северная Осетия – Алания / Republic of North Ossetia – Alania	II	0,126	III	0,089	III	0,079
Ставропольский край / Stavropol Territory	II	0,205	III	0,169	II	0,255
Чеченская Республика / Chechen Republic	III	0	III	0,026	III	0,021
<i>Приволжский федеральный округ / Volga Federal District</i>						
Нижегородская область / Nizhny Novgorod Region	I	0,512	I	0,568	I	0,513
Кировская область / Kirov Region	II	0,255	II	0,228	II	0,210
Оренбургская область / Orenburg Region	II	0,347	II	0,227	II	0,187
Пензенская область / Penza Region	II	0,205	III	0,136	II	0,282
Пермский край / Perm Territory	I	0,592	II	0,388	II	0,333

Продолжение табл. 2 / Continuation of table 2

1	2	3	4	5	6	7
Республика Башкортостан / Republic of Bashkortostan	I	0,533	II	0,305	II	0,272
Республика Марий Эл / Republic of Mari El	II	0,213	III	0,106	III	0,120
Республика Мордовия / Republic of Mordovia	I	0,728	II	0,353	II	0,250
Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	I	0,806	I	0,732	II	0,399
Самарская область / Samara Region	II	0,283	III	0,192	II	0,199
Саратовская область / Saratov Region	II	0,403	II	0,237	II	0,224
Удмуртская Республика / Udmurtian Republic	I	0,459	II	0,288	II	0,281
Ульяновская область / Ulyanovsk Region	II	0,293	III	0,196	II	0,190
Чувашская Республика / Chuvash Republic	I	0,678	I	0,508	I	0,495
<i>Уральский федеральный округ / Ural Federal District</i>						
Курганская область / Kurgan Region	II	0,348	III	0,175	II	0,184
Свердловская область / Sverdlovsk Region	I	0,645	I	0,549	I	0,503
Тюменская область / Tyumen Region	III	0,121	II	0,40	II	0,350
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра / Khanty-Mansi Autonomous Area – Yugra	III	0,109	III	0,076	III	0,099
Челябинская область / Chelyabinsk Region	I	0,670	I	0,494	I	0,464
Ямало-Ненецкий автономный округ / Yamal-Nenets Autonomous Area	I	0,551	II	0,316	I	0,453
<i>Сибирский федеральный округ / Siberian Federal District</i>						
Алтайский край / Altai Territory	II	0,270	III	0,205	II	0,267
Иркутская область / Irkutsk Region	I	0,438	II	0,283	II	0,253
Кемеровская область / Kemerovo Region	II	0,265	II	0,264	III	0,166
Красноярский край / Krasnoyarsk Territory	I	0,539	I	0,471	II	0,379
Новосибирская область / Novosibirsk Region	II	0,248	II	0,398	II	0,335

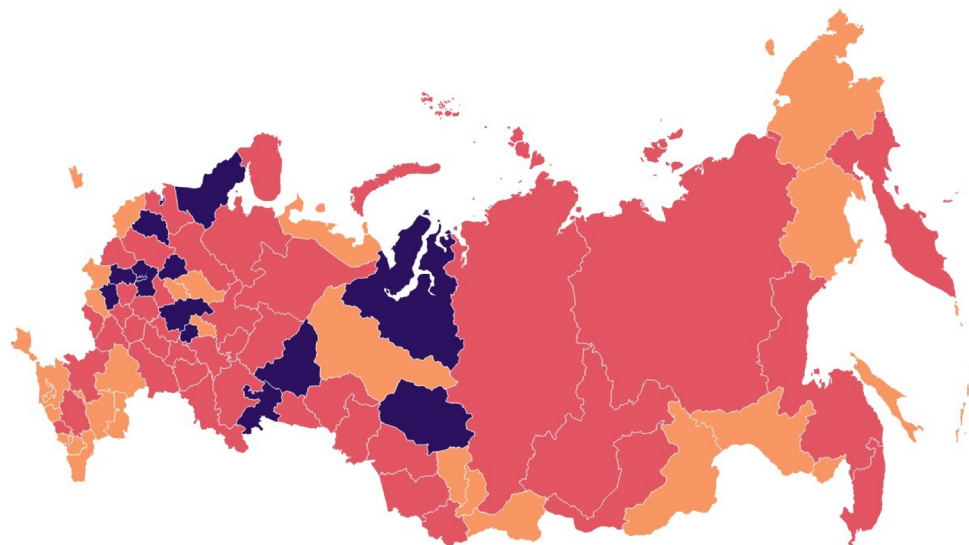
Окончание табл. 2 / End of table 2

1	2	3	4	5	6	7
Омская область / Omsk Region	I	0,480	II	0,295	II	0,255
Республика Алтай / Republic of Altai	I	0,469	III	0,188	II	0,254
Республика Тыва / Republic of Tuva	II	0,352	III	0,130	III	0
Республика Хакасия / Republic of Khakassia	III	0	III	0,147	III	0,136
Томская область / Tomsk Region	I	0,505	I	1	I	0,983
<i>Дальневосточный федеральный округ / Far Eastern Federal District</i>						
Амурская область / Amur Region	III	0,071	III	0,172	III	0,093
Еврейская автономная область / Jewish Autonomous Region	III	0	III	0,092	III	0
Забайкальский край / Trans-Baikal Territory	III	0,104	III	0,141	III	0,064
Камчатский край / Kamchatka Territory	II	0,323	II	0,238	II	0,3
Магаданская область / Magadan Region	III	0,116	III	0,199	III	0,126
Приморский край / Primorye Territory	II	0,197	II	0,255	II	0,232
Республика Бурятия / Республика Бурятия	III	0	II	0,334	II	0,274
Республика Саха (Якутия) / Republic of Sakha (Yakutia)	II	0,167	II	0,262	II	0,213
Сахалинская область / Sakhalin Region	III	0	III	0,142	III	0,099
Хабаровский край / Khabarovsk Territory	I	0,49	I	0,538	II	0,224
Чукотский автономный округ / Chukotka Autonomous Area	III	0	III	0,131	III	0

Примечания. * – 2015 г.: I кластер – 1–0,415; II кластер – 0,403–0,126; III – кластер 0,121–0; ** – 2017 г.: I кластер – 1–0,471; II кластер – 0,455–0,225; III кластер – 0,205–0. *** – 2020 г.: I кластер – 1–0,428; II кластер – 0,407–0,181; III кластер – 0,166–0. / *Notes.* * – 2015: I cluster – 1–0,415; II cluster – 0,403–0,126; III cluster – 0,121–0; ** – 2017: I cluster – 1–0,471; II cluster – 0,455–0,225; III cluster – 0,205–0; *** – 2020: I cluster – 1–0,428; II cluster – 0,407–0,181; III cluster – 0,166–0.

Увеличение количества организаций, участвовавших в совместных проектах по выполнению исследований и разработок в 2020 г. продемонстрировали 22 субъекта Федерации. Отрицательную динамику на протяжении всего периода наблюдений показали 29 регионов, однако наиболее «сложной» ситуацией является «потеря интереса» к научной кооперации, что подтверждается динамикой «рост – снижение» в 2017 и 2020 гг. у 32 субъектов Федерации, а абсолютное отсутствие активности выявлено только у Ненецкого автономного округа и Республики Ингушетия. Кроме этого, наблюдается значительная аберрация

показателей, это подтверждают данные расчетов среднеквадратического отклонения (в 2015 г. – 0,276, в 2017 г. – 0,471, в 2020 г. – 0,372). Визуальное изображение кластеризации регионов по признаку «использование кооперационных связей между организациями» за 2020 г. представлено на рисунке 2.

■ $\geq 0,407$ ■ $0,180-0,407$ ■ $< 0,180$

$\geq 0,407$ – регионы с высокой долей организаций, участвующих в научной кооперации /
regions with a high proportion of organizations participating in scientific cooperation

$0,180-0,407$ – регионы со средней долей организаций, участвующих в научной кооперации /
regions with a middle proportion of organizations participating in scientific cooperation

$< 0,180$ – регионы с низкой долей организаций, участвующих в научной кооперации /
regions with a low proportion of organizations participating in scientific cooperation

Р и с. 2. Кластеризация регионов по признаку «использование кооперационных связей между организациями», 2020 г.¹¹

F i g. 2. Clustering of regions on the basis of “use of cooperative ties between organizations”, 2020

Для анализа факторов, влияющих на развитие ОИ в региональном секторе, были рассмотрены некоторые из субиндексов, рассчитанных в рейтинге инновационного развития субъектов Федерации: финансирование научных исследований и разработок (X_1); кадры науки (X_2); результативность научных исследований и разработок (X_3); затраты на технологические инновации (X_4); экспорт знаний (X_5); организационное обеспечение инновационной политики региона (X_6). Результативный показатель – доля организаций, учувствовавших в научной кооперации (Y). Расчеты произведены для тридцати регионов, имеющих

¹¹ Рисунок составлен авторами на основе данных: Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 7 / В.Л. Абашкин [и др.]; под ред. Л.М. Гохберга; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : НИУ ВШЭ, 2021. – 274 с. Визуализировано с использованием программы Datawrapper.

наиболее высокий уровень научной кооперации предприятий в 2020 и 2017 гг. (для расчета корреляции за 2015 г. в источниках не указан весь комплекс данных) (табл. 3).

Т а б л и ц а 3. Результаты расчета корреляции¹²

Table 3. Results of correlation calculation

Факторы / Factors	X ₁	X ₂	X ₃	X ₄	X ₅	X ₆
r_{yx_i} 2020 г. / 2020 year	0,189041	0,597968	0,643126	0,229677	0,434231	-0,04219
r_{yx_i} 2017 г. / 2017 year	0,366148	0,647086	0,643569	0,436224	0,66481	0,063869

На развитие ОИ в рассматриваемых регионах наибольшее влияние оказывают следующие факторы: 1) результативность научных исследований и разработок; 2) уровень экспорта знаний; 3) кадровое обеспечение науки. Регионы с высоким уровнем человеческого капитала в области науки являются более активными в сфере ОИ. При этом факторы затрат на технологические инновации и финансирование научных разработок имеют невысокие значения, что можно расценить как подтверждение того, что уровень затрат на инновации не оказывает существенного влияния на кооперацию.

Практика ОИ в корпоративном секторе подтверждает результаты корреляционных расчетов в том, что организации в основном используют собственные силы при взаимодействии с различными акторами. К примеру, организации активно сотрудничают со стартапами (об этом свидетельствуют 92 % опрошенных компаний) и используют такие инструменты, как программы запуска пилотных проектов, бизнес-акселераторы, корпоративные венчурные фонды. Только 8 % компаний используют в работе технопарки и региональные инновационные площадки для проведения испытаний на производственном оборудовании и в реальной инфраструктуре. Абсолютно все респонденты применяют инструменты скаутинга на рынке инновационных технологий и решений. Инструменты поиска в интернет-пространстве (лендинг, социальные сети) уже используют или планируют 46 % компаний, 38 % – проводят или спонсируют мероприятия, целью которых является обмен инновационным опытом. Порталы открытых запросов, где бизнес-заказчики формулируют потребности, а стартапы имеют возможность откликнуться на них, не пользуются спросом в России (данные порталы имеют только 12 % опрошенных компаний). Коллаборации с другими компаниями задействуют только 21 % респондентов. Лишь 25 % корпораций отмечают эффективность поиска инноваций на региональных рынках или среди иностранных источников¹³.

Таким образом, корпоративная практика ОИ сосредоточена в основном в крупных компаниях, которые предпочитают быть не источниками

¹² Таблица рассчитана авторами на основе: Рейтинг инновационного развития субъектов РФ [Электронный ресурс] // НИУ ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/primarydata/rir> (дата обращения: 05.09.2022).

¹³ Исследование рынка корпоративных инноваций, проведенное Фондом развития интернет инициатив (ФРИИ).

инновационных идей и технологий, а их потребителями. Государственные предприятия по модели внедрения инноваций схожи с частными, они также являются потребителями инновационных разработок, однако используют для этого университеты и НИИ.

На основе анализа теории и практики реализации ОИ в отечественной экономике, а также аналитики рынков высоких технологий¹⁴ и данных комплексного мониторинга системы оценки эффективности инноваций на предприятиях¹⁵, авторами обобщен и представлен перечень основных проблем, препятствующих реализации ОИ в России на всех уровнях. Так, барьерами служат:

- на государственном уровне: недостаточный уровень налоговых и таможенных льгот; низкая методическая поддержка бизнеса; недостаточная развитость нормативно-правовой базы, защищающей авторов интеллектуальной собственности; низкое развитие институциональной среды;

- на региональном уровне: недостаточное финансирование; административные барьеры; низкая поддержка экосистемы ОИ;

- на уровне корпоративного сектора: трудности в подборе партнеров; сложности в интеграции инновационных разработок; риски шпионажа и неправомерное использование объектов интеллектуальной собственности; длительность корпоративных процессов поиска внедрений и финансирования инноваций; неразвитость корпоративной инновационной культуры; отсутствие информации о разработках в научном секторе, покупателях инноваций и способах взаимодействия.

Обсуждение и заключение. Представленные результаты свидетельствуют о том, что в большинстве регионов России наблюдается низкий уровень коопераций организаций с различными акторами, а также значительное снижение количества организаций с кооперационными связями, что может свидетельствовать об их отрицательном опыте применения ОИ. Под «высоким уровнем развития ОИ» подразумевается сотрудничество всех субъектов в рамках (меж)отраслевого взаимодействия, однако среди субъектов региональной инновационной инфраструктуры мотивация и поддержка данного взаимодействия находится «не в фокусе». При этом концепции ОИ придерживается большинство крупных российских компаний, используя собственный опыт и потенциал. Среди субъектов малого и среднего бизнеса часто возникает непонимание способов поиска и безопасной организации сотрудничества.

Результаты исследования позволяют выделить следующие направления развития концепции ОИ:

- внесение изменений в государственные инструменты налоговой, финансовой и социальной мотивации субъектов ОИ, направленных на стимулирование интереса к сотрудничеству;

- совершенствование правовой базы, защищающей объекты интеллектуальной собственности и финансовых расчетов для обеспечения безопасного трансфера технологий;

¹⁴ Аналитики рынков высоких технологий консалтинговой компании O2Consulting.

¹⁵ Комплексный мониторинг системы оценки эффективности инноваций на предприятиях: оценка трансфера технологий и возможностей региональной политики за 2020 г.

– совершенствование существующих инструментов (цифровые платформы, хакатоны и пр.) в целях обеспечения свободного доступа субъектам, расширяя географические, территориальные и межотраслевые барьеры;

– создание специализированных региональных центров поддержки ОИ, оказывающих консалтинговые услуги в различных сферах с целью разработки и реализации инновационных идей.

Предложенные направления будут способствовать стимулированию увеличения количества участников инновационного процесса и их интереса к инновационной деятельности, инициации новых решений в традиционных технологиях и сокращении финансовых затрат организаций на разработку собственных технологий. Данные меры направлены на повышение инновационной активности России, позволяющей увеличить рост национального дохода, инвестиционную привлекательность страны и конкурентоспособность продукции на мировых рынках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Updating the Open Innovation Concept Based on Ecosystem Approach: Regional Aspects / O. N. Kiseleva [et al.] // *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*. 2022. Vol. 8, no 2. <https://doi.org/10.3390/joitmc8020103>
2. Chesbrough H. *Open Innovation: The New Imperative for Creating and Profiting from Technology*. Boston, MA : Harvard Business School Press, 2003. 230 p. URL: <https://books.google.es/books?id=OeLIH89YiMcC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 10.10.2022).
3. Lach S., Schankerman M. Incentives and Invention in Universities // *The RAND Journal of Economics*. 2008. Vol. 39, issue 2. Pp. 403–433. <https://doi.org/10.1111/j.0741-6261.2008.00020.x>
4. Yun J. J., Liu Z. Micro-and Macro-Dynamics of Open Innovation with a Quadruple-Helix Model // *Sustainability*. 2019. Vol. 11, no. 12. <https://doi.org/10.3390/su11123301>
5. Yun J. J., Won D., Park K. Entrepreneurial Cyclical Dynamics of Open Innovation // *Journal of Evolutionary Economics*. 2018. Vol. 28. Pp. 1151–1174. <https://doi.org/10.1007/s00191-018-0596-y>
6. Laursen K., Salter A. The Paradox of Openness: Appropriability, External Search and Collaboration // *Research Policy*. 2014. Vol. 43, issue 5. Pp. 867–878. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2013.10.004>
7. Felin T., Zenger T. Open or Closed Innovation? Problem Solving and the Governance Choice // *Research Policy*. 2014. Vol. 43, issue 5. Pp. 914–925 <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2156951>
8. Кудрявцева С. С. Технологическая готовность промышленности к открытым инновациям // *Экономика промышленности*. 2020. Т. 13, № 1. С. 48–58. <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2020-1-48-58>
9. Орлова Л. С. Развитие концепции открытых инноваций и эмпирические исследования ее применения // *Инновации и инвестиции*. 2020. № 1. С. 12–17. URL: http://innovazia.ru/upload/iblock/e86/№1_2020_ИиИ.pdf (дата обращения: 10.10.2022).
10. Школьник И. С. Воздействие распространения концепции открытых инноваций на эффективность корпоративных НИОКР // *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. 2019. Т. 9, № 8-1. С. 280–286. URL: <http://publishing-vak.ru/file/archive-economy-2019-8/27-shkolnik.pdf> (дата обращения: 10.10.2022).
11. Тихонов В. В. Моделирование процесса трансфера технологий в рамках концепции открытых инноваций // *Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы*. 2022. № 3. С. 6–14. https://doi.org/10.47576/2411-9520_2022_3_6

12. Строева О. А., Сибирская Е. В. Модель управления – открытые инновации // Инновации. 2010. № 7 (141). С. 100–102. EDN: [PDEXIL](#)
13. Данильчик Т. Л. К вопросу о концепции открытых инноваций // Экономика. Профессия. Бизнес. 2017. Т. 2, № 2. С. 28–31. URL: <http://journal.asu.ru/ec/article/view/1956> (дата обращения: 12.10.2022).
14. Марков А. К. Стратегия открытых инноваций в практике компаний // Российский внешнеэкономический вестник. 2013. № 3. С. 20–26. URL: <http://www.rfej.ru/rvv/id/000452F86> (дата обращения: 14.10.2022).
15. Петий И. И., Рубин М. С. Опыт открытых инноваций на основе методики G3-ID в России // Инновации. 2010. № 7 (141). С. 6–9. EDN: [PDEXAT](#)
16. Галкин Д. Г. Закрытые и открытые инновации: межфирменное взаимодействие в сфере интеллектуальной собственности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 5-3. С. 115–118. <https://doi.org/10.24411/2500-1000-2019-10984>
17. Рудская И. А., Крыжко Д. А. Организация взаимодействия между участниками открытой инновационной экосистемы бизнеса // Вестник Академии знаний. 2021. № 44(3). С. 185–189. <https://doi.org/10.24412/2304-6139-2021-11236>
18. Реализация концепции открытых инноваций в регионах на базе платформенного подхода / С. Н. Яшин [и др.] // Креативная экономика. 2020. Т. 14, № 11. С. 2803–2810. <https://doi.org/10.18334/ce.14.11.111139>
19. Saunders K., Radicic D. Managing the Knowledge for Innovation in Eastern European Firms: Open or Closed Innovation? // Journal of Science and Technology Policy Management. 2022. <https://doi.org/10.1108/JSTPM-07-2021-0096>

Поступила 24.10.2022; одобрена после рецензирования 29.11.2022; принята к публикации 12.12.2022.

Об авторах:

Васина Анастасия Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры отраслевого управления и экономической безопасности Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю. А. (410054, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Политехническая, д. 77), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3340-2554>, Scopus ID: [57205547703](#), Researcher ID: [U-7550-2018](#), nasty530@yandex.ru

Киселева Оксана Николаевна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры отраслевого управления и экономической безопасности Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю. А. (410054, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Политехническая, д. 77), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2741-2753>, Scopus ID: [57217105407](#), Researcher ID: [AAY-5782-2021](#), oksana@briik.ru

Сысоева Ольга Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры отраслевого управления и экономической безопасности Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю. А. (410054, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Политехническая, д. 77), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2181-3241>, Scopus ID: [57205378260](#), Researcher ID: [M-8472-2016](#), ovzaytseva@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

А. В. Васина – определение методологии исследования; сбор материала и данных для статьи; исследование статистического материала; структурирование и анализ полученных результатов; подготовка текста статьи.

О. Н. Киселева – определение научной проблемы статьи и выявление направлений ее решения; доработка и окончательная подготовка текста статьи.

О. В. Сысоева – определение методологии исследования; сбор материала и данных для статьи; доработка текста статьи.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Kiseleva O.N., Sysoeva O.V., Vasina A.V., Sysoev V.V. Updating the Open Innovation Concept Based on Ecosystem Approach: Regional Aspects. *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*. 2022;8(2). <https://doi.org/10.3390/joitmc8020103>
2. Chesbrough H. Open Innovation: The New Imperative for Creating and Profiting from Technology. Boston, MA: Harvard Business School Press; 2003. Available at: <https://books.google.es/books?id=OeLIH89YiMcC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (accessed 10.10.2022).
3. Lach S., Schankerman M. Incentives and Invention in Universities. *The RAND Journal of Economics*. 2008;39(2):403–433. <https://doi.org/10.1111/j.0741-6261.2008.00020.x>
4. Yun J.J., Liu Z. Micro-and Macro-Dynamics of Open Innovation with a Quadruple-Helix Model. *Sustainability*. 2019;11(12). <https://doi.org/10.3390/su11123301>
5. Yun J.J., Won D., Park K. Entrepreneurial Cyclical Dynamics of Open Innovation. *Journal of Evolutionary Economics*. 2018;28:1151–1174. <https://doi.org/10.1007/s00191-018-0596-y>
6. Laursen K., Salter A. The Paradox of Openness: Appropriability, External Search and Collaboration. *Research Policy*. 2014;43(5):867–878. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2013.10.004>
7. Felin T., Zenger T. Open or Closed Innovation? Problem Solving and the Governance Choice. *Research Policy*. 2014;43(5):914–925. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2156951>
8. Kudryavtseva S.S. Technological Readiness of Industry for Open Innovation. *Russian Journal of Industrial Economics*. 2020;13(1):48–58. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2020-1-48-58>
9. Orlova L.S. Development of the Concept of Open Innovation and Empirical Studies of its Application. *Innovation and Investment*. 2020;(1):12–17. Available at: http://innovazia.ru/upload/iblock/e86/№1_2020_ИИИ.pdf (accessed 10.10.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
10. Shkolnik I.S. The Impact of Spreading the Concept of Open Innovation on Corporate R&D Efficiency. *Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*. 2019;9(8-1):280–286. Available at: <http://publishing-vak.ru/file/archive-economy-2019-8/27-shkolnik.pdf> (accessed 10.10.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
11. Tikhonov V.V. Modeling the Process of Technology Transfer within the Framework of the Concept of Open Innovation. *Innovative Economy: Information, Analytics, Forecasts*. 2022;(3):6–14. (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.47576/2411-9520_2022_3_6
12. Stroeveva O.A., Sibirskaya E.V. [Management Model – Open Innovations]. *Innovations*. 2010;(7):100–102. (In Russ.) EDN: PDEXIL
13. Danilchik T.L. Towards Concept of Open Innovation. *Economics. Profession. Business*. 2017;2(2):28–31. Available at: <http://journal.asu.ru/ec/article/view/1956> (accessed 12.10.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
14. Markov A.K. Open Innovation in Companies. *Russian Foreign Economic Journal*. 2013;(3):20–26. Available at: <http://www.rfej.ru/rvv/id/000452F86> (accessed 14.10.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
15. Petiy I.I., Rubin M.S. [The Experience of Open Innovations Based on the G3-ID Methodology in Russia]. *Innovations*. 2010;(7):6–9. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: PDEXAT
16. Galkin D.G. Closed and Open Innovations: Interformal Interaction in the Sphere of Intellectual Property. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2019;(5-3):115–118. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24411/2500-1000-2019-10984>
17. Rudskaya I.A., Kryzhko D.A. Organization of Interaction between the Participants of the Open Innovation Ecosystem of Business. *Vestnik Akademii znaniy*. 2021;(44):185–189. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24412/2304-6139-2021-11236>
18. Yashin S.N., Yashina N.I., Zakharova Yu.V., Oranova M.V. Implementation of the Open Innovation Concept in the Regions on the Basis of Platform Approach. *Kreativnaya ekonomika*. 2020;14(11):2803–2810. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18334/ce.14.11.111139>

19. Saunders K., Radicic D. Managing the Knowledge for Innovation in Eastern European Firms: Open or Closed Innovation? *Journal of Science and Technology Policy Management*. 2022. <https://doi.org/10.1108/JSTPM-07-2021-0096>

Submitted 24.10.2022; revised 29.11.2022; accepted 12.12.2022.

About the authors:

Anastasia V. Vasina, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Department of Industry Management and Economic Security, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov (77 Politechnicheskaya St., Saratov 410054, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3340-2554>, Scopus ID: 57205547703, Researcher ID: U-7550-2018, nasty530@yandex.ru

Oksana N. Kiseleva, Doc. Sci. (Econ.), Professor of the Department of Industry Management and Economic Security, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov (77 Politechnicheskaya St., Saratov 410054, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2741-2753>, Scopus ID: 57217105407, Researcher ID: AAY-5782-2021, oksana@briik.ru

Olga V. Sysoeva, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Department of Industry Management and Economic Security, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov (77 Politechnicheskaya St., Saratov 410054, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2181-3241>, Scopus ID: 57205378260, Researcher ID: M-8472-2016, ovzaytseva@mail.ru

Contribution of the authors:

A. V. Vasina – definition of research methodology; collection of material and data for the article; study of statistical material; structuring and analysis of the results; preparation of the text of the article.

O. N. Kiseleva – definition of the scientific problem of the article and identification of directions for its solution; revision and final preparation of the text of the article.

O. V. Sysoeva – definition of research methodology; collection of material and data for the article; revision of the text of the article.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

УДК 005.936.5

doi: 10.15507/2413-1407.123.031.202302.313-334

Оригинальная статья

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Вовлечение в хозяйственный оборот отходов производства: российский и европейский опыт

Е. Н. Макаренко¹С. Г. Тяглов¹ ✉А. В. Шевелева²

¹ Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
(г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

² Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО МИД России)
(г. Москва, Российская Федерация)
✉ tyaglov-sg@rambler.ru

Аннотация

Введение. Вовлечение в хозяйственный оборот отходов производства входит в число приоритетных направлений в рамках реализации концепции устойчивого развития. Цель статьи – проанализировать пути образования отходов и направления их использования в статистическом, правовом, стратегическом и экономическом разрезах, сравнить подходы к вовлечению отходов в хозяйственный оборот в России и странах Европейского союза.

Материалы и методы. В процессе исследования были использованы данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации и Статистической службы Европейского союза. С помощью методов описательной статистики изучены показатели образования и использования отходов в России и странах Европейского союза, методы сравнительного анализа позволили рассмотреть направления вовлечения отходов производства в хозяйственный оборот по отраслям экономики и подходы к вовлечению отходов в хозяйственный оборот в России и странах Европейского союза.

Результаты исследования. Определено, что европейский подход к обращению с отходами позволил достичь определенных результатов; в частности, созданы системы устойчивого управления отходами и применяются инструменты, направленные на предотвращение и сокращение отходов, увеличение содержания вторичной переработки. В России это пока относится к перспективным направлениям; на базе передового мирового опыта планируется сформировать и развить обрабатывающую, утилизирующую и обезвреживающую отходы промышленность.

Обсуждение и заключение. Выявлено, что проблема отходов существует и в России, и в Европейском союзе, однако страны по-разному подходят к ее решению. В целом странами были созданы системы регулирования сферы обращения отходов, разработаны стратегии, направленные на формирование экономики замкнутого цикла. Результаты проведенного анализа имеют практическую значимость, их могут учесть другие страны в процессе выработки и принятия решения по проблеме отходов производства.

Ключевые слова: отходы производства, переработка отходов производства, зеленая экономика, устойчивое развитие, экономика замкнутого цикла, страны Европейского союза, Россия

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Макаренко Е. Н., Тяглов С. Г., Шевелева А. В., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Макаренко Е. Н., Тяглов С. Г., Шевелева А. В. Вовлечение в хозяйственный оборот отходов производства: российский и европейский опыт // Регионология. 2023. Т. 31, № 2. С. 313–334. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.123.031.202302.313-334>

Original article

Involvement in the Economic Circulation of Production Waste: Russian and European Experience

E. N. Makarenko^a, S. G. Tyaglov^a✉, A. V. Sheveleva^b

^a Rostov State University of Economics (Rostov-on-Don, Russian Federation)

^b Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University) (Moscow, Russian Federation)

✉ tyaglov-sg@rambler.ru

Abstract

Introduction. The involvement in the economic circulation of production waste is one of the priority objects within which sustainable development is implemented. The purpose of the article is to explore the issues of waste generation and directions for their use in statistical, legal, strategic and economic contexts, to compare approaches to the involvement of waste in economic circulation in Russia and the European Union countries.

Materials and Methods. The study used data from the Federal State Statistics Service of the Russian Federation and the Statistical Service of the European Union. Using the methods of descriptive statistics, the indicators of the generation and usage of waste in Russia and the European Union countries have been studied; the methods of comparative analysis made it possible to consider the directions of involving production waste in economic circulation by sectors of the economy and approaches to involving waste in economic circulation in Russia and the European Union countries. Using the method of generalization and synthesis of profits in transactions, the authors made the main conclusions.

Results. It is concluded that, despite the discovery of unresolved problems with production waste, the European approach to identify waste achieves the certain results, in particular, sustainable waste management systems have been established and instruments aimed at preventing and reducing waste, increasing the content of recycling are being applied. In Russia, for the most part, this refers to promising areas, based on international best practices, in the specific experience of the European Union countries, it is assumed that the industry processing, utilizing and neutralizing waste will be observed and prescribed.

Discussion and Conclusion. It has been revealed that the problem of waste exists both in Russia and in the European Union countries, but each time it is approached differently. In general, the countries have created a system for dealing with regulation of waste production, have designed targeted strategies aimed at creating a circular economy. The results of the analysis carried out are of practical importance, they can be taken into account by other countries in the process of developing and making a decision on the problem of production waste.

Keywords: production waste, production waste recycling, green economy, sustainable development, country's circular economy, the European Union countries, Russia

Conflict of interests. The authors declare that there is not conflict of interest.

Forcitation: Makarenko E.N., Tyaglov S.G., Sheveleva A.V. Involvement in the Economic Circulation of Production Waste: Russian and European Experience. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023; 31(2):313–334. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.123.031.202302.313-334>

Введение. Современная экономическая модель производства является не-рациональной – остается большое количество отходов, которые либо направляются на мусорные полигоны, либо сжигаются, нанося непоправимый ущерб экологии. Решение данной проблемы возможно за счет перехода на экономику замкнутого цикла путем вовлечения данных отходов производства в хозяйственный оборот.

Реализация концепции устойчивого развития, стремление к ресурсосбережению, рациональному использованию природных ресурсов, экологической безопасности и охране окружающей среды обуславливает необходимость создания соответствующей технико-экономической системы, обеспечивающей переход от захоронения отходов производства к вовлечению их в хозяйственный оборот, используя как вторичное сырье и получая новую продукцию и энергию.

Цель статьи – рассмотреть все основные аспекты, связанные с управлением отходами производства, в частности их современное состояние в России и Европе, правовые аспекты регулирования обращения с отходами, направления использования отходов производства и процесс их вовлечения в хозяйственный оборот, провести сравнительный анализ российского и европейского опыта по этим аспектам и выявить, чей подход уже дал определенные результаты.

Обзор литературы. На современном этапе ряд исследователей отмечают, с чем в полной мере согласны и мы, что рациональной технико-экономической системой является экономика замкнутого цикла или циркулярная экономика, в рамках которой отходы производства преобразуются в ресурс, замкнув производственный цикл, и потребляются в хозяйственном обороте как дополнительный источник сырья [1; 2], что имеет особое значение для стран, испытывающих нехватку природных ресурсов¹. Производственные отходы могут стать основным источником для удовлетворения потенциальных потребностей в производстве энергии или вторичного сырья [3]. Таким образом, вовлечение отходов производства в хозяйственный оборот представляет собой решение не только экологической, но и экономической проблемы [4; 5].

Достаточно большое количество современных исследований посвящено отдельным аспектам обращения с отходами в странах Европейского союза. Одни исследователи уделяют внимание страновым особенностям обращения с отходами в рамках Европейского союза, в зависимости от реального ВВП на душу населения, расходов на НИОКР, продуктивности ресурсов и количества лет в качестве члена Евросоюза² [6], другие – анализируют европейский опыт правового регулирования обращения с отходами, в частности изменения в законодательстве Европейского союза об отходах, которые включают: модификацию системы обращения с отходами, согласование определений и формулирование новых юридических определений [7–9].

При изучении ситуации с управлением отходами производства в России особое внимание уделяется проблемам отставания российских технологий в области переработки отходов от развитых стран [10; 11]. Также проводится исследование наилучших доступных методов управления отходами в ведущих российских компаниях, чтобы определить роли, существующие в системах управления отходами [12].

Ученые также исследуют возможные способы и направления обращения с отходами в России, в частности создание комплексной системы обращения

¹ Guman O., Wegner-Kozlova E. Waste Management Based on Circular Economy Principles // E3S Web of Conferences. 2020. Vol. 177. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202017704014>

² Waste Production and Waste Management in the EU / S. Matušková [et al.] // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2021. Vol. 900. <https://doi.org/10.1088/1755-1315/900/1/012024>

с отходами, предполагающей сохранение экономических и административных механизмов, стимулирующих сокращение, разделение и переработку отходов³, организацию мониторинга, планирования, организационно-технического обеспечения, экономического регулирования и повышения эффективности работы инфраструктуры переработки, переработки и захоронения отходов, ресурсосбережения и управления вторичными ресурсами⁴, развитие экопромышленных парков, в основе которых лежат принципы промышленного симбиоза, предполагающие обмен материальными и энергетическими потоками, совместное использование объектов инфраструктуры [13], переход от захоронения отходов производства и потребления к их утилизации [14].

Меньшее количество трудов посвящено сравнению отдельных аспектов управления отходами в Европе и России. Так, в частности, был изучен опыт России и стран Северной Европы по утилизации отходов, а именно принципы обращения с отходами, нормативно-правовое регулирование, порядок размещения мусорных полигонов [15], проведен обзор европейского и российского опыта становления и развития отрасли обращения с отходами [16], выполнено сравнение системы обращения с отходами в странах Евросоюза и России на примере горнодобывающей промышленности [17], проведен анализ существующей правовой базы и правоприменительной практики в России в сфере обращения с отходами и сравнение ее с опытом стран, добившихся успеха в этой сфере, в частности Швеции [18]. С. Г. Тяглов и А. В. Шевелева доказали, что одним из способов решения проблем с переработкой отходов производства являются зеленые кластеры, а также в ходе сравнительного анализа российского и европейского опыта показали процесс формирования и функционирования зеленых кластеров в России и странах Европы [19].

В целом мы разделяем точку зрения вышеуказанных авторов, однако в их трудах рассматриваются разрозненные элементы исследуемого вопроса и не проводится комплексный сравнительный анализ российского и европейского опыта решения проблемы с отходами и путем их вовлечения в хозяйственный оборот.

Материалы и методы. Для анализа в качестве объекта исследования выбраны современные показатели образования и использования отходов в России и странах Европейского союза:

- динамика образования и использования отходов производства и потребления в России и странах Евросоюза;
- доли образующихся отходов производства и потребления в России по видам экономической деятельности.

В качестве исходной информации применялись официальные статистические данные за 2010–2021 гг. Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации и Статистической службы Европейского союза.

³ Borisov A., Andreev D. Organizational and Economic Aspects of Waste Management in Russia // Journal of Physics: Conference Series. 2019. Vol. 1327. <https://doi.org/10.1088/1742-6596/1327/1/012016>

⁴ Velichko E., Tshovrebov E., Niyazgulov U. Organizational, Technical and Economic Fundamentals of Waste Management and Monitoring // E3S Web of Conferences. 2020. Vol. 164. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202016408031>

В ходе дальнейшего исследования был проведен анализ российского и европейского подходов к правовому регулированию сферы обращения отходов, изучены источники регулирования и приоритетные направления государственной политики в области обращения с отходами. Для этого была изучена нормативно-правовая база России и стран Европейского союза как на национальном, так и на международном уровне. В странах Евросоюза также рассмотрено наднациональное законодательство по отходам. Наднациональное регулирование сферы обращения с отходами в России в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) с Белоруссией, Казахстаном, Арменией и Киргизией находится пока на начальной стадии формирования.

Проведено сравнение подходов к вовлечению отходов в хозяйственный оборот в России и странах Евросоюза по выделенным нами критериям:

- понятие отходов производства;
- объем образования отходов в 2010–2021 гг.;
- источники образования отходов производства;
- регулирование сферы обращения отходов;
- особенности регулирования сферы обращения отходов;
- приоритетные направления государственной политики в области обращения с отходами;
- уровень переработки отходов;
- перспективы вовлечения отходов в хозяйственный оборот;
- целевые показатели вовлечения отходов в хозяйственный оборот.

Результаты исследования. Отходы в зависимости от степени негативного воздействия на окружающую среду подразделяются на различные классы опасности для окружающей среды и здоровья человека, для каждого из которых имеются свои возможности и условия переработки (табл. 1).

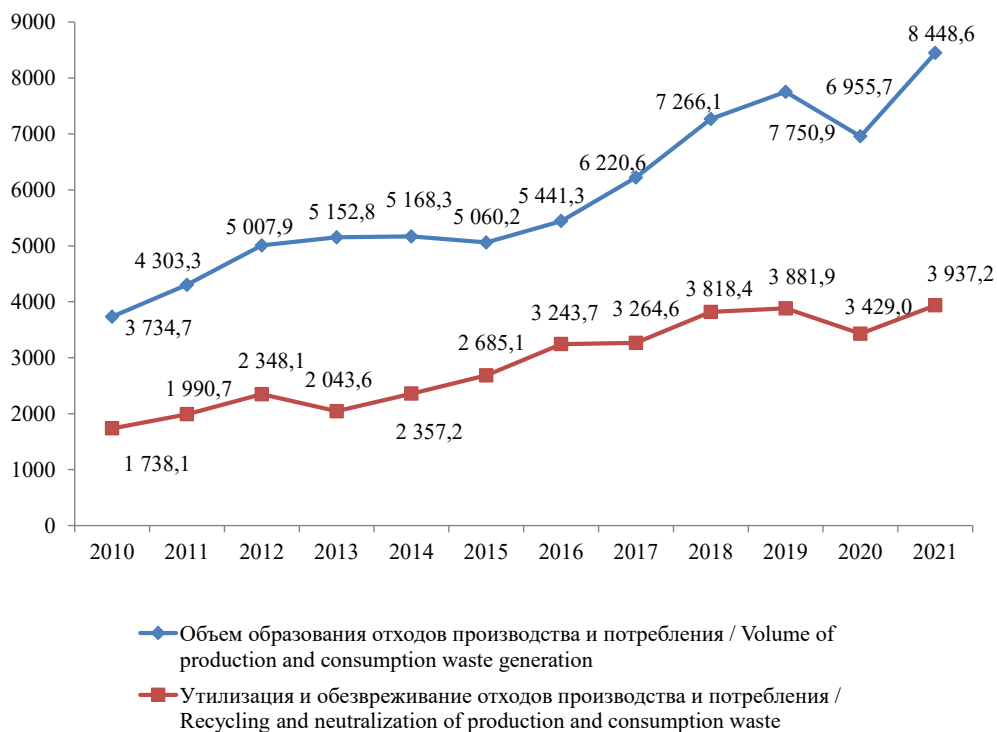
Таблица 1. Классификация отходов по классу опасности в России и Европейском союзе⁵
Table 1. Classification of waste by hazard class in Russia and the European Union

Россия / Russia	Возможности и условия переработки / Opportunities and conditions for processing recycling	Европейский союз / European Union
I класс – чрезвычайно опасные отходы / I class – extremely hazardous waste	Не все отходы могут быть переработаны, требуют обезвреживания при переработке / Not all waste can be recycled, they require neutralization during processing	Опасные / Hazardous
II класс – высокоопасные отходы / II class – highly hazardous waste		
III класс – умеренно опасные отходы / III class – medium hazardous waste	Отдельные отходы требуют специальных условий переработки / Individual wastes require special recycling conditions	
IV класс – малоопасные отходы / IV class – low-hazard waste		
V класс – практически неопасные отходы / V class – practically non-hazardous waste	Не требуют специальных условий переработки / Do not require special recycling conditions	Неопасные / Non-hazardous

⁵ Составлено авторами по данным Федерального закона от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ (ред. от 14 июля 2022 г.) «Об отходах производства и потребления» и European Waste Classification for Statistics (EWC-Stat) Version 4 No 849/2010 of 27 September 2010.

В России с марта 2022 г. начал действовать новый порядок обращения с отходами I и II классов опасности. Схема предполагает три типа участников: компании – производители отходов, федеральный оператор по обращению с отходами I и II классов опасности (ФЭО, входит в «Росатом»), операторы по переработке отходов I и II классов опасности. Компании – производители отходов, имеющие средства обезвреживания и утилизации, могут самостоятельно осуществлять обращение с отходами. Все остальные предприятия должны заключить договор на оказание услуг по обращению с отходами I и II классов опасности с федеральным оператором.

Несмотря на проводимые мероприятия по охране окружающей среды, объем образования отходов в России увеличивается. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации за 2010–2021 гг., данный показатель вырос почти в 2,3 раза – с 3 734,7 до 8 448,6 млн т. При этом утилизируется и обезвреживается около 46 % отходов, остальные отправляются на свалку, образуя накопленный ущерб (рис. 1).

Р и с. 1. Динамика образования и использования отходов производства и потребления в России в 2010–2021 гг., млн т⁶

F i g. 1. Dynamics of generation and use of production and consumption waste in Russia in 2010–2021, million tons

⁶ Рисунок 1 и таблица 2 составлены авторами по данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11194> (дата обращения: 22.07.2022).

Данная тенденция обусловлена изменением структуры потребления населения: в потребительской корзине росла доля непродовольственных товаров, являющихся достаточно отходоёмкими, т. е. с высоким удельным объемом образования отходов в процессе их производства и потребления.

Практически весь объем отходов (91 %) образуется в результате добычи полезных ископаемых, чуть более 6 % приходится на обрабатывающие производства (табл. 2).

Т а б л и ц а 2. Образование отходов производства и потребления в России по видам экономической деятельности в 2021 г., %

Table 2. Production and consumption waste generation in Russia by type of economic activity in 2021, %

Вид экономической деятельности / Type of economic activity	Процент отходов / Percent of waste
Добыча полезных ископаемых / Mining of mineral resources	91,0
Обрабатывающие производства / Manufacturing industries	6,1
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство / Agriculture, forestry, hunting, fishing	0,6
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха / Provision of electricity, gas and steam; air conditioning	0,2
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений / Water supply; wastewater disposal, organization of collection and disposal of waste, activities for the elimination of pollution	0,1
Прочие / Others	2,0

Наибольшее количество отходов в секторе добычи полезных ископаемых приходится на топливно-энергетический комплекс, от деятельности которого, помимо почти половины от общего объема выбросов в атмосферу и трети объема сточных вод, образуется 30 % твердых отходов, что наносит существенный вред экологии⁷.

Следует также отметить географическое распределение объемов образования отходов производства и потребления (рис. 2).

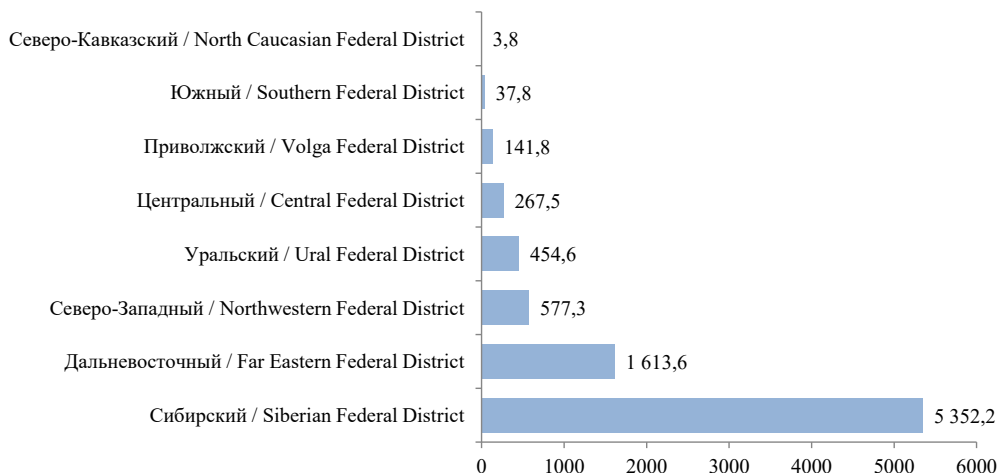
Федеральным округом – лидером по производству отходов экономической деятельности стал Сибирский, где в 2021 г. было образовано 63,3 % от общероссийского объема отходов. Высокие значения показателей связаны в первую очередь с развитой отраслью добычи полезных ископаемых в данном регионе.

Степень использования и обезвреживания отходов в различных федеральных округах Российской Федерации принципиально отличается (рис. 3).

В целях решения данной проблемы в Федеральном законе Российской Федерации «Об отходах производства и потребления» была прописана обязанность субъектов Федерации разрабатывать региональные программы в области обращения отходов, в которых должны быть указаны перечень мероприятий по обращению с отходами и ожидаемые результаты в натуральном и стоимостном выражении, включая экономический эффект от реализации соответствующей программы, сроки проведения мероприятий.

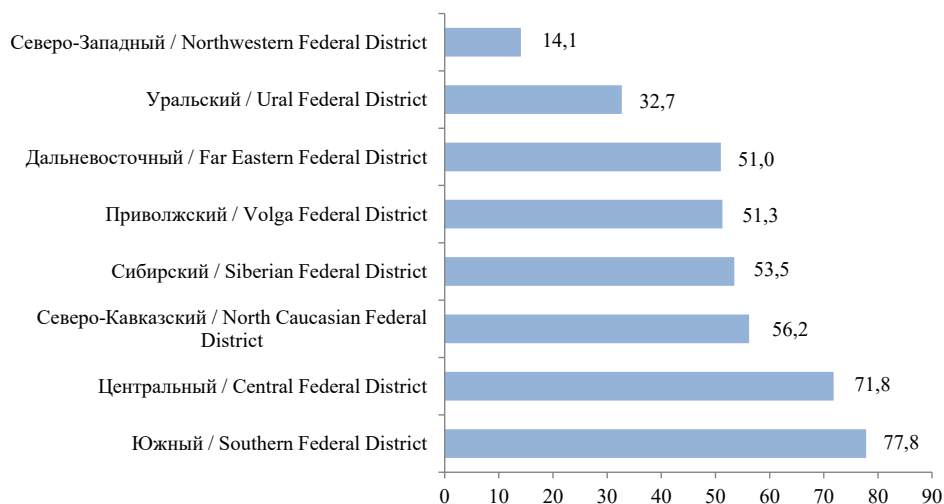
Кроме того, необходимо стимулировать компании к вовлечению отходов производства в хозяйственный оборот.

⁷ Данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11194> (дата обращения: 22.07.2022).

Р и с. 2. Распределение объема образования отходов производства и потребления в разрезе федеральных округов Российской Федерации в 2021 г., млн т.⁸

F i g. 2. Distribution of production and consumption waste generation by federal districts of the Russian Federation in 2021, million tons

Р и с. 3. Степень использования и обезвреживания отходов в различных федеральных округах Российской Федерации, 2021 г., %⁹

F i g. 3. The degree of use and disposal of waste in various federal districts of the Russian Federation, 2021, %

⁸ Составлено авторами по: О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2021 году. Государственный доклад. М. : Минприроды России; МГУ им. М. В. Ломоносова, 2022.

⁹ Составлено авторами по данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11194> (дата обращения: 22.07.2022).

Согласно Федеральному закону Российской Федерации «Об отходах производства и потребления», компаниям, внедряющим технологии, обеспечивающие уменьшение количества отходов, предусматривается понижение размера платы за негативное воздействие на окружающую среду, предоставление налоговых льгот и средств федерального бюджета и бюджетов субъектов Федерации, а также применение ускоренной амортизации основных производственных фондов, связанных с осуществлением деятельности в области обращения с отходами¹⁰.

В марте 2022 г. было принято Постановление Правительства Российской Федерации «О порядке и условиях предоставления средств поступившего в федеральный бюджет экологического сбора», согласно которому, начиная с 2023 г. часть средств, поступивших в федеральный бюджет от экологического сбора, будет направлена на субсидии компаниям и индивидуальным предпринимателям, которые выпускают товары из переработанных отходов. Размер господдержки будет рассчитываться исходя из количества переработанного мусора. Субсидии конкретным фирмам и предпринимателям будут выделяться по правилам, которые утвердит наблюдательный совет публично-правовой компании «Российский экологический оператор»¹¹.

В странах Евросоюза (27 стран, без Великобритании), согласно данным Статистической службы Европейского союза, объем образования отходов от всех видов экономической деятельности за 2010–2021 гг. увеличился на 13 % – с 2 212,9 до 2 500 млн т. При этом утилизируется и обезвреживается порядка 42–47 % всех отходов, примерно 6 % перерабатывается в электроэнергию, а остальные отправляются на свалку (в Европе от 150 000 до 500 000 свалок)¹² либо сжигаются, загрязняя окружающую среду (рис. 4).

Более трети образованных в Евросоюзе отходов приходится на строительство, четверть – на добычу полезных ископаемых, десятая часть – на обрабатывающую промышленность (рис. 5).

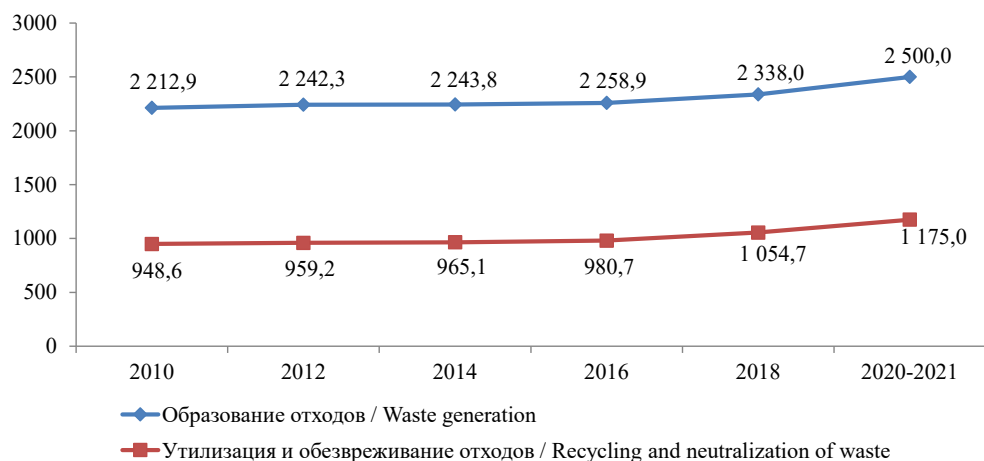
Вышеуказанная статистика свидетельствует о том, что по показателю образования отходов Россия более чем в 3 раза превосходит все 27 стран Европейского союза. Такая ситуация обусловливается сырьевой моделью российской экономики, когда в результате добычи полезных ископаемых образуется практически весь объем отходов страны. При этом большая часть этого объема формируется из отходов производства нефтегазовых компаний, являющихся одним из крупнейших источников загрязнения окружающей среды¹³.

¹⁰ Об отходах производства и потребления : федер. закон от 24 июня 1998 № 89-ФЗ (ред. от 14 июля 2022 г.).

¹¹ О порядке и условиях предоставления средств поступившего в федеральный бюджет экологического сбора» (вместе с «Правилами предоставления субсидии из федерального бюджета в виде имущественного вноса Российской Федерации в публично-правовую компанию по формированию комплексной системы обращения с твердыми коммунальными отходами «Российский экологический оператор» на оказание финансовой поддержки юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, осуществляющим утилизацию отходов от использования товаров, за счет средств экологического сбора») : Постановление Правительства Рос. Федерации от 25 марта 2022 г. № 467 (ред. от 06 окт. 2022 г.).

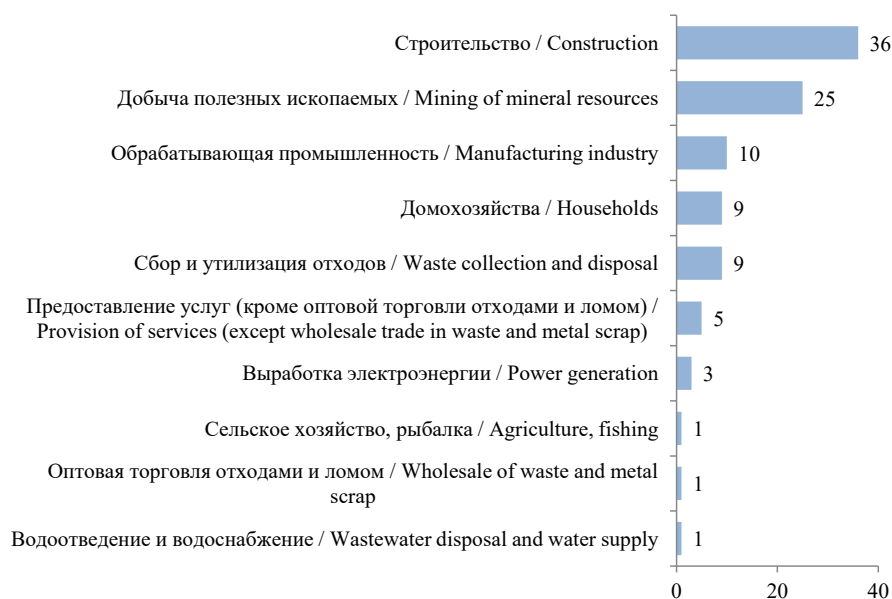
¹² CORDIS EU Research Results [Электронный ресурс]. URL: <https://cordis.europa.eu/project/id/721185/reporting> (дата обращения: 22.07.2022).

¹³ Contribution of Russian Oil and Gas Companies to the Implementation of the Sustainable Development Goal of Combating Climate Change / S. G. Tyaglov [et al.] // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2021. Vol. 666. <https://doi.org/10.1088/1755-1315/666/2/022007>

Р и с. 4. Динамика образования и использования отходов производства и потребления в Европейском союзе в 2010–2021 гг., млн т¹⁴

F i g. 4. Dynamics of generation and use of production and consumption waste in the European Union in the period 2010–2021, million tons

Р и с. 5. Образование отходов в Европейском союзе по видам экономической деятельности в 2021 г., %¹⁵

F i g. 5. Waste generation in the European Union by type of economic activity in 2021, %

¹⁴ Составлено авторами по: Статистическая служба Европейского союза [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/34dRgE>; Circular Economy: Commission Takes Action Against Five Member States to Improve Waste Management [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eumonitor.eu/9353000/1/j9vvik7m1c3gyxp/vlnuhgeo83v9?ctx=vjxzjv7ta8z1> (дата обращения: 25.07.2022).

¹⁵ Составлено авторами по: Статистическая служба Европейского союза [Электронный ресурс]. URL: clck.ru/34dRgE (дата обращения: 25.07.2022).

В России правовое регулирование в области обращения с отходами осуществляется на национальном уровне – на основе Конституции Российской Федерации, соответствующих кодексов, федеральных законов, указов Президента Российской Федерации, постановлений Правительства Российской Федерации, нормативных актов федеральных органов исполнительной власти, законов субъектов Федерации, а также на международном уровне на основе международных конвенций.

Согласно Конституции Российской Федерации, граждане обязаны проявлять бережное отношение к природным богатствам и сохранять природу (ст. 42), а Правительство Российской Федерации – предпринимать меры, сокращающие загрязнения окружающей среды хозяйственной деятельностью (ст. 114)¹⁶. Земельный кодекс Российской Федерации (ст. 13) определяет обязанность землепользователей обеспечивать защиту земель от загрязнения отходами производства¹⁷.

В Федеральном законе «Об отходах производства и потребления» (ст. 17) указано, что если отходы полностью или частично можно использовать повторно, чтобы из них произвести новые товары, с их помощью выполнить работы, оказать услуги или получить энергию, то они считаются вторичными ресурсами. При этом вторичные ресурсы подлежат утилизации, и их захоронение не допускается.

Приоритетные направления государственной политики России в области обращения с отходами имеют следующую последовательность: максимальное использование исходных сырья и материалов, предотвращение образования отходов, сокращение образования отходов и снижение класса опасности отходов в источниках их образования, обработка, утилизация и обезвреживание отходов¹⁸.

Президент России утвердил перечень отходов, запрещенных к свободной реализации¹⁹; Правительство Российской Федерации приняло ряд постановлений, касающихся вопросов лицензирования деятельности по обращению с отходами, правил обращения и трансграничного перемещения²⁰. К актам федеральных органов исполнительной власти, регулирующим деятельность по обращению с отходами производства, относятся приказы и письма Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации²¹.

¹⁶ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.).

¹⁷ Земельный кодекс Российской Федерации от 25 окт. 2001 г. № 136-ФЗ (ред. от 14 июля 2022 г.).

¹⁸ Об отходах производства и потребления : федер. закон от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ (ред. от 14 июля 2022 г.).

¹⁹ О видах продукции (работ, услуг) и отходов производства, свободная реализация которых запрещена : Указ Президента Рос. Федерации от 22 февр. 1992 г. № 179 (ред. от 17 марта 2020 г.).

²⁰ О лицензировании деятельности по сбору, транспортированию, обработке, утилизации, обезвреживанию, размещению отходов I–IV классов опасности : Постановление Правительства Рос. Федерации от 26 дек. 2020 г. № 2290 (ред. от 28 февр. 2022 г.); Об утверждении Правил обращения с отходами производства и потребления в части осветительных устройств, электрических ламп, ненадлежащие сбор, накопление, использование, обезвреживание, транспортирование и размещение которых может повлечь причинение вреда жизни, здоровью граждан, вреда животным, растениям и окружающей среде : Постановление Правительства Рос. Федерации от 28 дек. 2020 г. № 2314; О трансграничном перемещении отходов : Постановление Правительства Рос. Федерации от 17 июля 2003 г. № 442 (ред. от 26 апр. 2022 г.).

²¹ Об утверждении Порядка учета в области обращения с отходами : Приказ Минприроды России от 08 дек. 2020 г. № 1028; О лицензировании деятельности в области обращения с отходами : Письмо Минприроды России от 04 марта 2020 г. № 25-50/02849-ОГ.

Крупнейшие субъекты Федерации разработали свои правовые акты, регламентирующие порядок использования отходов производства на своих территориях²².

Россия также является активным участником международных конвенций и соглашений, затрагивающих сферу обращения с отходами. К основному документу в числе международных обязательств России можно отнести Базельскую конвенцию о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением, призывающую сокращать и минимизировать отходы на источнике; сокращать трансграничное перемещение отходов; обращаться с отходами экологически обоснованно; строго контролировать торговлю отходами²³.

Система правового регулирования в области обращения с отходами в Европейском союзе осуществляется на национальном уровне на основе федеральных законов и законов отдельных стран, наднациональном уровне на базе директив и регламентов, а также международном уровне на основе международных конвенций.

В качестве примеров национального законодательства стран Евросоюза можно привести следующие:

- Федеральный закон Германии «Об экономике замкнутого цикла и обеспечении экологически безопасного обращения с отходами» от 24 февраля 2012 г. (Kreislaufwirtschaftsgesetz – KrWG), Федеральный закон по управлению отходами Австрии 2002 г., целью которых является сокращение и предотвращение отходов²⁴;

- Закон об отходах Финляндии от 17 июня 2021 г. (обновлен в 2021 г.), который призван стимулировать сокращение объема и степени вредности отходов, предотвращать их вредное воздействие, создать систему эффективного обращения с отходами²⁵.

Наднациональное законодательство по отходам Евросоюза включает:

- Директиву 2008/98/ЕС «Об отходах» (Рамочная директива);
- регламент Европейского союза о транспортировке отходов.

Директива 2008/98/ЕС «Об отходах» в целях перехода на циркулярную экономику направлена на предупреждение или сокращение образования отходов, снижение негативного влияния образования отходов и обращения с ними. Согласно данному документу, приоритеты обращения с отходами в Евросоюзе имеют следующую последовательность: предотвращение образования отходов, подготовка для повторного использования, переработка отходов, использование в качестве топлива для получения энергии или другие виды использования, захоронение отходов²⁶.

²² Об отходах производства и потребления в городе Москве : Закон г. Москвы от 30 нояб. 2005 г. № 68 (ред. от 08 июня 2022 г.); Экологический кодекс Санкт-Петербурга : Закон Санкт-Петербурга от 18 июля 2016 г. № 455-88 (ред. от 10 июня 2022 г.).

²³ Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением (Базель, 22 марта 1989 г.); О ратификации Базельской конвенции о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением : федер. закон от 25 нояб. 1994 г. № 49-ФЗ.

²⁴ Circular Economy and Safeguard the Environmentally Compatible Management of Waste [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bmuv.de/en/law/circular-economy-and-safeguard-the-environmentally-compatible-management-of-waste>; Waste Management Act 2002 [Электронный ресурс]. URL: <https://leap.unep.org/countries/at/national-legislation/waste-management-act-2002-0> (дата обращения: 27.07.2022).

²⁵ Закон об отходах. URL: <https://www.svkk.ru/zakon-ob-othodah/> (дата обращения: 27.07.2022).

²⁶ Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза. URL: <https://leap.unep.org/countries/at/national-legislation/waste-management-act-2002-0> (дата обращения: 27.07.2022).

Согласно Директиве (ст. 5, 6) государства – члены Евросоюза принимают соответствующие меры для обеспечения того, чтобы вещество или объект, полученные в результате производственного процесса, не считались отходами, а были побочными продуктами; отходы, которые прошли операцию переработки или утилизации, перестали быть отходами.

Помимо Рамочной Директивы в Европейском союзе приняты Директивы по отдельным категориям отходов и по специальным методам регулирования процесса их переработки.

Регламентом о транспортировке отходов для стран Евросоюза вводится запрет, установленный Базельской конвенцией, на экспорт опасных отходов и утилизируемых за пределами Евросоюза²⁷.

Все страны Европейского союза имплементировали вышеуказанный запрет, установленный Базельской конвенцией, в свое национальное законодательство. Это накладывает обязательство на каждую страну принимать соответствующие меры, которые позволили бы минимизировать объемы отходов на их территориях, учитывая социальные, технические и экономические особенности.

В основе политики Евросоюза лежит стимулирование экологически приемлемых методов обращения с отходами, их восстановления путем переработки, вторичного использования или регенерации. Для реализации данных целей в отдельных странах Евросоюза вводится налог на земельные свалки, который при помощи ценовых механизмов способствует сокращению общей массы отходов, предназначенных для захоронения на наземных свалках. Кроме того, в качестве меры экономического стимулирования применяется ответственность производителя, обязывающая его достигать определенных целевых показателей по сбору и повторному использованию/переработке/восстановлению специфичных потоков отходов. Также применяется государственное финансирование, кредитование по льготной ставке и налоговые льготы для компаний, вовлекающих отходы производства в хозяйственный оборот.

Отходы производства могут быть использованы по следующим направлениям: их можно закопать, разместить на технически оборудованных полигонах, сжечь или переработать, получив вторичное сырье. К числу наиболее перспективных методов относится переработка.

Процесс переработки отходов является современной тенденцией в экологическом движении. Очевидно, что со временем все больше и больше стран примут тот факт, что все полученные отходы необходимо сортировать и соответствующим образом перерабатывать для повторного использования.

Благодаря переработке могут быть изъятые из утилизации потенциально полезные материалы, в меньшем объеме потреблено первичное сырье, а соответственно, меньше будет использоваться энергия, загрязняться воздух (выбросы от сжигания отходов), вода, почва (от захоронения отходов).

Переработать отходы можно следующим образом: произвести вторичные материалы и выработать энергию. В рамках первого направления предполагается

²⁷ О транспортировке отходов [Электронный ресурс] : Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 1013/2006 от 14 июня 2006 г. URL: <https://base.garant.ru/2570143/> (дата обращения: 27.07.2022).

вовлечение отходов производства в хозяйственный оборот. Из отходов промышленности (металлургические шлаки, зола, отходы химических производств) получают полезные компоненты для автодорожных покрытий, строительных материалов (щебень, жидкое стекло, цемент, вяжущие материалы). Нефтедержавные отходы и нефтешламы могут быть переработаны в смазочные и гидроизоляционные материалы, компоненты котельно-печного топлива. Отходы органического происхождения, образующиеся в сельском хозяйстве, животноводстве, растениеводстве, перерабатываются в органическое удобрение (биогумус, компост), биогаз, твердое топливо, строительные изделия. Из стружки, опилок, шлифовальной пыли в лесном хозяйстве получают добавки к удобрениям, для производства мыла, заменитель древесного угля. Отходы, возникающие в результате производства и распределения электроэнергии, газа и воды (золы и шлаки) перерабатываются в инертные материалы, наполнитель для лаков и красок, сорбентов²⁸.

Различные страны, в том числе Россия и страны Евросоюза, подходят к вопросу переработки отходов по-разному. Аналитики Центра экологической политики и права при Йельском университете (Yale Center for Environmental Law and Policy) составили рейтинг стран по уровню внедрения переработки отходов, в частности металла, пластика, бумаги, стекла. В основе рейтинга лежит индекс, отражающий учет объема отходов, который поступает в сортировочные центры, объема переработки этих отходов, а также объема переработанных отходов, используемых вторично. Индекс 100 означает, что страна осуществляет переработку всех пригодных для повторного использования отходов, индекс 0 – что страна не занимается переработкой отходов, которые могли бы повторно использоваться.

В рейтинг стран по уровню переработки отходов 2022 г. вошли 179 государств, ведущие страны Евросоюза занимают лидирующие позиции, в то время как Россия находится в конце списка (табл. 3).

Таблица 3. Рейтинг стран по уровню переработки отходов, 2022 г. (Европейский союз и Россия)²⁹

Table 3. Ranking of countries by the level of waste recycling in 2022, positions of the European Union countries and Russia

Позиция в рейтинге / Position in the ranking	Страна / Country	Индекс / Index
1	2	3
9	Германия / Germany	49,8
11	Ирландия / Ireland	42,4
12	Люксембург / Luxemburg	42,0
14	Италия / Italy	39,9
15	Швеция / Sweden	39,7

²⁸ Об утверждении Стратегии развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления на период до 2030 года : Распоряжение Правительства Рос. Федерации от 25 янв. 2018 г. № 84-р.

²⁹ Составлено авторами по: Рейтинг стран по уровню переработки отходов [Электронный ресурс]. URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/recycling> (дата обращения: 30.07.2022).

Окончание табл. 3 / End of table 3

1	2	3
17	Эстония / Estonia	39,1
18	Польша / Poland	38,3
19	Чехия / Czech Republic	37,3
21	Австрия / Austria	36,0
22	Дания / Denmark	35,4
22	Финляндия / Finland	35,4
25	Литва / Lithuania	34,9
29	Бельгия / Belgium	31,7
30	Франция / France	31,6
32	Латвия / Latvia	31,3
33	Венгрия / Hungary	31,0
36	Болгария / Bulgaria	29,8
38	Нидерланды / Netherlands	28,3
41	Испания / Spain	27,7
46	Словения / Slovenia	24,8
56	Португалия / Portugal	23,5
60	Греция / Greece	22,4
70	Хорватия / Croatia	20,0
80	Кипр / Cyprus	17,6
121	Словакия / Slovakia	13,2
122	Румыния / Romania	13,0
142	Мальта / Malta	10,5
168	Россия / Russia	5,3

В России отходы слабо вовлекаются в хозяйственный оборот. Одна из причин этого в том, что в стране пока нет организованной системы по раздельному сбору отходов и их переработке, недостаточно отрегулирована сфера обращения со вторичными ресурсами на законодательном уровне.

В целях решения данной проблемы в 2018 г. Правительством Российской Федерации была утверждена Стратегия развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления на период до 2030 г., где указано, что вторичное сырье обладает ресурсной ценностью, поэтому необходимо создавать многофункциональные комплексы, где оно будет сортироваться и перерабатываться, а также создавать экотехнопарки, в которых отдельные виды отходов будут использоваться как вторичное сырье³⁰.

В целях реализации Стратегии в 2019 г. был создан «Российский экологический оператор», а в январе 2022 г. был утвержден паспорт Федерального проекта «Экономика замкнутого цикла». В рамках данного проекта Российский экологический оператор совместно с профильными министерствами подготовили 4 программы утилизации отходов с получением вторичной продукции в сфере строительства и жилищно-коммунального хозяйства, в промышленном производстве и сельском хозяйстве. Согласно данным программам, к 2024 г. отходы

³⁰ Об утверждении Стратегии развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления на период до 2030 года : Распоряжение Правительства Рос. Федерации от 25 янв. 2018 г. № 84-р.

в сельском хозяйстве до 25 % должны быть использованы как вторичные ресурсы, в строительстве – до 20 %, в промышленном производстве – до 15 %. Производство и применение альтернативных топлив к 2025 г. должно составить до 1,8 млн т/год³¹.

Переход к экономике замкнутого цикла позволит сократить выбросы парниковых газов, уменьшить объем захоронения отходов до 100 млн т/год, получить дополнительные доходы до 50 трлн руб., сократить негативное воздействие на окружающую среду, обеспечить устойчивое развитие экономики на основе ресурсосбережения.

Для того чтобы достичь запланированные целевые показатели, необходимо формирование научно-технического и производственного отраслевого потенциала, создание научно-производственной инфраструктуры, что даст возможность обрабатывать, утилизировать и обезвреживать отходы, развивать технологии, позволяющие применять вторичные ресурсы.

Развитие обрабатывающей, утилизирующей и обезвреживающей отходы промышленности может проходить по двум сценарным вариантам:

- 1) консервативный – сохраняется существующий подход;
- 2) инновационный – отрасль развивается комплексно за счет того, что вторичное сырье возвращается в хозяйственный оборот.

В странах Европейского союза в плане управления отходами достигнуты определенные результаты: согласована национальная политика, принято рамочное законодательство, созданы контрольные механизмы, инфраструктуры, разработаны экономические и финансовые инструменты, программы обучения.

В 2018 г. в рамках курса Евросоюза, направленного на создание экономики замкнутого цикла, Советом Европейского союза был утвержден комплекс мер, нацеливающих законодательство Европы, касающееся управления отходами, на то, как эти отходы более быстрыми темпами сократить и переработать. Произведено установление контрольных цифр и сроков по переработке упаковки при использовании различных материалов, к которым относятся пластик, дерево, металл, стекло, картон. В планах Евросоюза на 2025 г. – достичь 65-процентного уровня переработки упаковки по всем видам материалов, а на 2030 г. – довести этот показатель до 70 %. Развивая существующий опыт по раздельному сбору пластиковых, бумажных, стеклянных и металлических отходов, Европа стремится к тому, чтобы также раздельно собирать опасные хозяйственные отходы к концу 2022 г., биологические отходы – к 2023 г. и текстильные отходы – к 2025 г.³².

В условиях перехода на циркулярную экономику планируется ввести меры по предотвращению и сокращению отходов, увеличению вторичной переработки, минимизации экспорта отходов за пределы Евросоюза. Будет запущена модель Европейского союза по раздельному сбору мусора и маркировке продукции.

В 2020 г. лидирующие страны – члены Евросоюза утвердили программу экономических реформ – Европейское зеленое соглашение (A European Green Deal), цель которого – снизить выбросы углекислого газа в 2 раза к 2030 г. и достичь

³¹ Правительство России ускоряет переход к экономике замкнутого цикла [Электронный ресурс]. URL: <https://elck.ru/34NKNq> (дата обращения: 30.07.2022).

³² Directive 94/62/EC on Packaging and Packaging Waste [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=LEGISSUM:l21207> (дата обращения: 30.07.2022).

полной декарбонизации Европы к 2050 г. В этой связи к 2035 г. странам Евросоюза будет разрешено захоранивать не более 10 % отходов, остальные необходимо направлять на переработку. Важная роль в этом процессе отведена сектору «энергия из отходов».

В Программе Организации Объединенных Наций по окружающей среде (ЮНЕП) указано, что, внедряя термическую переработку отходов в энергию, количество свалок сокращается на 90 %³³.

В этой связи в Европе увеличиваются объемы инвестиций, направляемых на строительство и модернизацию предприятий, занимающихся переработкой и утилизацией отходов. Для достижения цели 10-процентного захоронения отходов необходимо 170 новых заводов.

В России к концу 2022 – началу 2023 г. ожидается запуск четырех заводов сектора «энергия из отходов», расположенных в Воскресенском, Ногинском, Наро-Фоминском и Солнечногорском районах Московской области. Всего, согласно национальному проекту «Экология», к 2024 г. в России планируется построить 200 современных комплексов, где из отсортированных и переработанных отходов осуществляется производство новых товаров и энергии. Стратегической задачей государства является достижение нулевого показателя захоронения отходов и в конечном итоге сокращение количества свалок.

Таким образом, можно сделать вывод, что проблема отходов существует и в России, и в Евросоюзе, каждая страна по-разному подходит к ее решению.

В законодательстве России сформулировано понятие «отходы производства», однако отсутствуют понятия «побочные продукты» и «вторичное сырье», не устанавливается в отношении них отдельный правовой режим регулирования. В то же время законодательством Евросоюза четко разграничиваются понятия «отходы», «вторичное сырье» и «побочные продукты», устанавливаются критерии того, как идентифицировать побочные продукты, а также условия, когда получаемые в результате процесса производства вещества или объекты не относятся к отходам, а являются побочными продуктами; а также устанавливаются критерии для того, чтобы переводить ресурсно-ценные фракции отходов в разряд вторичного сырья. Все это способствует успешной реализации политики ресурсной эффективности, в результате реализации которой должна быть создана экономика замкнутого цикла.

В России в 2010–2021 гг. наблюдается резкий рост объемов образования отходов, при этом их более чем в три раза больше, чем в странах Европейского союза.

Основным источником образования отходов производства в России является добыча полезных ископаемых, особенно в топливно-энергетическом комплексе, в странах Евросоюза источниками являются строительство, добыча полезных ископаемых и обрабатывающая промышленность.

Несмотря на то, что в России нормативно-правовая база в сфере обращения отходов была заложена в 1998 г., а в Евросоюзе – в 2008 г., определенные

³³ Waste to Energy. Consideration for Informed Decision-Making. Summary for Policymakers [Электронный ресурс]. URL: <https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/28388/WTESum.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 30.07.2022).

результаты наблюдаются именно в европейских странах, там уже имеются контрольные механизмы, создана соответствующая инфраструктура, достигнут определенный уровень осведомленности и обучения, имеются экономические и финансовые инструменты.

Между Россией и странами Европейского союза есть различия в плане приоритетности направлений государственной политики в области обращения с отходами. Российский подход направлен на то, чтобы максимально использовать исходные сырье и материалы, в то время как в странах Евросоюза прежде всего надо предотвращать образование отходов.

Несмотря на примерно одинаковый уровень переработки отходов, ведущие европейские страны в рейтинге стран по уровню переработки отходов, которые могли бы повторно использоваться, занимают лидирующие позиции, в то время как Россия находится почти в самом конце рейтинга. Это свидетельствует о том, что Россия в недостаточной мере реализует процессы по обработке и последующей утилизации отходов.

Государственная политика стимулирования процесса переработки отходов производства в России в основном предполагает предоставление льгот компаниям, вовлекающим свои отходы производства в хозяйственный оборот, в Евросоюзе же применяются меры, ограничивающие возможность производителей просто вывозить отходы на свалки.

По сути, единственно, что объединяет Россию и страны Евросоюза, это их стремление в перспективе к увеличению доли отходов, направляемых на переработку.

Обсуждение и заключение. В различных отраслях в результате производственного процесса образуются отходы, создающие экологическую проблему. Однако большинство отходов производства имеют ресурсную ценность, попадают в категорию вторичных ресурсов и могут быть вовлечены в хозяйственный оборот.

И в России, и в странах Европы образуется большое количество отходов производства, негативно влияющих на окружающую среду. В странах Западной Европы большая доля отходов направляется на переработку, однако в более остальных странах Южной и Восточной Европы в силу слабо развитой переработки отходы подлежат захоронению. В России из-за отсутствия заводов полного цикла переработки отходов в первую очередь захораниваются и/или складируются на полигонах.

В странах Европы в условиях перехода на экономику замкнутого цикла политика обращения с отходами была перестроена от захоронения в сторону их повторного использования и переработки. В России, согласно данным Государственной корпорации «Ростех», порядка 40 % отходов относится к ценному вторичному сырью, и имеется целесообразность их переработки. Однако следует помнить, что отходы производства подразделяются на несколько видов по классу опасности, и только неопасные отходы могут перерабатываться без какой-либо специальной подготовки, в то время как опасные отходы либо просто запрещено перерабатывать, либо они требуют предварительного обезвреживания и создания специальных условий переработки.

Анализ российского и европейского опыта вовлечения отходов производства в хозяйственный оборот показал, что странами были созданы системы регулирования сферы обращения отходов, разработаны стратегии, направленные на формирование экономики замкнутого цикла. Несмотря на предпринимаемые меры, пока уровень вовлечения отходов производства в хозяйственный оборот находится в районе 50 %, а страны через 10–15 лет хотят достичь по данному показателю уровня 90 %. Для этого в Европе увеличиваются объемы инвестиций в предприятия по переработке и утилизации отходов, планируется ввести меры по предотвращению и сокращению отходов, увеличению вторичной переработки, минимизации экспорта отходов за пределы Евросоюза, а в России необходимо создать научно-производственную инфраструктуру, что позволит обрабатывать, утилизировать и обезвреживать отходы, проводить работы, развивающие технологии по применению вторичных ресурсов. Следует также отметить, что в России необходимо учитывать региональную специфику и в региональных программах по обращению отходов отражать меры, которые работают эффективно именно в этом регионе.

Результаты проведенного исследования могут представлять практический интерес для ученых, занимающихся вопросами устойчивого развития, а также использованы при оценке подходов к вовлечению отходов в хозяйственный оборот в других странах. Перспективно дальнейшее исследование процесса создания спроса на продукцию, полученную в процессе переработки отходов производства, и организации для нее рынка сбыта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Adami L., Schiavon M. From Circular Economy to Circular Ecology: A Review on the Solution of Environmental Problems through Circular Waste Management Approaches // *Sustainability*. 2021. Vol. 13, issue 2. <https://doi.org/10.3390/su13020925>
2. Alvarez-Risco A., Del-Aguila-Arcentales S., Rosen M. A. Waste Management and the Circular Economy // *Towards a Circular Economy*. Springer Cham, 2022. Pp.119–131. https://doi.org/10.1007/978-3-030-94293-9_6
3. Environmental Impacts of Hazardous Waste, and Management Strategies to Reconcile Circular Economy and Eco-Sustainability / Z. Zhang [et al.] // *Science of The Total Environment*. 2022. Vol. 807, part 2. <https://doi.org/10.1016/j.scitotenv.2021.150856>
4. Timofei O. Efficient Waste Management: Economic Aspects // *MEST Journal*. 2022. Vol. 10, no. 2. Pp. 207–216. <https://doi.org/10.12709/mest.10.10.02.20>
5. Ungerman O., Dědková J. Model of the Circular Economy and its Application in Business Practice // *Environment, Development and Sustainability*. 2020. Vol. 22, issue 4. Pp. 3407–3432. <https://doi.org/10.1007/s10668-019-00351-2>
6. Waste Treatments in the European Union: A Comparative Analysis Across its Member States / M. P. López-Portillo [et al.] // *Heliyon*. 2021. Vol. 7, issue 12. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2021.e08645>
7. Pouikli K. Concretising the Role of Extended Producer Responsibility in European Union Waste Law and Policy through the Lens of the Circular Economy // *ERA Forum*. 2020. Vol. 20, issue 4. Pp. 491–508. <https://doi.org/10.1007/s12027-020-00596-9>
8. Гордеева Е. М. Регулирование деятельности по обращению с отходами: мировые тренды и опыт Европейского Союза // *Теоретическая и прикладная экология*. 2020. № 4. С. 237–241. <https://doi.org/10.25750/1995-4301-2020-4-237-241>

9. EU Waste Regulation in the Context of the Circular Economy: Peculiarities of Interaction / A. Stankevičius [et al.] // *Entrepreneurship and Sustainability Issues*. 2020. Vol. 8, issue 2. Pp. 533–545. [https://doi.org/10.9770/jesi.2020.8.2\(32\)](https://doi.org/10.9770/jesi.2020.8.2(32))
10. Gil'mundinov V. M., Tagaeva T. O., Boksler A. I. Analysis and Forecasting of Waste Management Processes in Russia // *Studies on Russian Economic Development*. 2020. Vol. 31, issue 1. Pp. 92–98. <https://doi.org/10.1134/S1075700720010074>
11. Шилкина С. В. Мировые тенденции управления отходами и анализ ситуации в России // *Отходы и ресурсы*. 2020. № 1. <https://doi.org/10.15862/05ECOR120>
12. Fedotkina O., Gorbashko E., Vatolkina N. Circular Economy in Russia: Drivers and Barriers for Waste Management Development // *Sustainability*. 2019. Vol. 11, issue 20. <https://doi.org/10.3390/su11205837>
13. Saha I., Smirnova T. S., Maryev V. A. Implementation of Eco-Industrial Park for Effectual Establishment of Circular Economy in Russia // *Nature Environment and Pollution Technology*. 2021. Vol. 20, no. 5. Pp. 2031–2040. <https://doi.org/10.46488/NEPT.2021.V20I05.020>
14. Оценка потенциала роста промышленности по утилизации отходов производства и потребления в РФ / И. С. Рублева // *Отходы и ресурсы*. 2021. Т. 8, № 1. <https://doi.org/10.15862/09ECOR121>
15. Обращение с бытовыми отходами в странах Северной Европы и России / Р. Г. Джама-лов [и др.] // *Муниципальная академия*. 2021. № 1. С. 208–217. https://doi.org/10.52176/2304831X_2021_01_208
16. Ignatova Y. S., Gorin V. S., Mohova G. V. Overview of Foreign and Domestic Experience in the Formation and Development of the Waste Management Industry // “Smart Technologies” for Society, State and Economy. Springer Cham, 2021. Pp. 327–335. https://doi.org/10.1007/978-3-030-59126-7_36
17. Nevskaya M. A., Marinina O. A. Institutional Environment of the Mining Waste Management of the EU Countries and Russia // *Research Journal of Pharmaceutical, Biological and Chemical Sciences*. 2016. Vol. 7, no. 4. Pp. 2352–2359. URL: [https://www.rjpbcs.com/pdf/2016_7\(4\)/\[299\].pdf](https://www.rjpbcs.com/pdf/2016_7(4)/[299].pdf) (дата обращения: 30.07.2022).
18. Герасимов А. А. Нормативное регулирование переработки отходов в России и за рубежом // *Russian Journal of Management*. 2021. Т. 9, № 2. С. 136–140. <https://doi.org/10.29039/2409-6024-2021-9-2-136-140>
19. Тяглов С. Г., Шевелева А. В. Формирование зеленых кластеров: опыт европейских стран и Российской Федерации // *Современная Европа*. 2022. № 2 (109). С. 100–116. URL: <http://www.sov-europe.ru/2022-2/formirovanie-zelenykh-klasterov-opyt-evropejskikh-stran-i-rossii.html> (дата обращения: 30.07.2022).

Поступила 13.11.2022; одобрена после рецензирования 26.12.2022; принята к публикации 11.01.2023.

Об авторах:

Макаренко Елена Николаевна, доктор экономических наук, профессор, ректор Ростовского государственного экономического университета (344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 69), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8621-0751>, makarenko.rsue@yandex.ru

Тяглов Сергей Гаврилович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики региона, отраслей и предприятий Ростовского государственного экономического университета (344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 69), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8729-5117>, tyaglov-sg@rambler.ru

Шевелева Анастасия Викторовна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры менеджмента, маркетинга и внешнеэкономической деятельности им. И. Н. Герчиковой Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО МИД России) (119454, Российская Федерация, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 76), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7322-7033>, a_sheveleva@rambler.ru

Заявленный вклад авторов:

Е. Н. Макаренко – формулирование проблемы исследования и выявление «узких» мест в современных условиях.

С. Г. Тяглов – определение методологии исследования; анализ полученных результатов; доработка и окончательная подготовка текста статьи.

А. В. Шевелева – определение научной проблемы статьи и выявление направлений ее решения; сбор материалов; исследование статистического материала; структурирование и анализ полученных результатов; подготовка текста статьи.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Adami L., Schiavon M. From Circular Economy to Circular Ecology: A Review on the Solution of Environmental Problems through Circular Waste Management Approaches. *Sustainability*. 2021;13(2). <https://doi.org/10.3390/su13020925>
2. Alvarez-Risco A., Del-Aguila-Arcentales S., Rosen M.A. Waste Management and the Circular Economy. In: Alvarez-Risco A., Del-Aguila-Arcentales S., Rosen M.A., editors. *Towards a Circular Economy*. Springer Cham, 2022. p. 119–131. https://doi.org/10.1007/978-3-030-94293-9_6
3. Zhang Z., Malik M.Z., Khan A., Ali N., Malik S., Bilal M. Environmental Impacts of Hazardous Waste, and Management Strategies to Reconcile Circular Economy and Eco-Sustainability. *Science of the Total Environment*. 2022;807(2). <https://doi.org/10.1016/j.scitotenv.2021.150856>
4. Timofei O. Efficient Waste Management: Economic Aspects. *MEST Journal*. 2022;10(2):207–216. <https://doi.org/10.12709/mest.10.10.02.20>
5. Ungerman O., Dědková J. Model of the Circular Economy and its Application in Business Practice. *Environment, Development and Sustainability*. 2020;22(4):3407–3432. <https://doi.org/10.1007/s10668-019-00351-2>
6. López-Portillo M.P., Martínez-Jiménez G., Ropero-Moriones E., Saavedra-Serrano M.C. Waste Treatments in the European Union: A Comparative Analysis Across its Member States. *Heliyon*. 2021;7(12). <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2021.e08645>
7. Pouikli K. Concretising the Role of Extended Producer Responsibility in European Union Waste Law and Policy through the Lens of the Circular Economy. *ERA Forum*. 2020;20(4):491–508. <https://doi.org/10.1007/s12027-020-00596-9>
8. Gordeeva Y.M. Waste Management Law and Policy: Global Trends and European Union Experience. *Theoretical and Applied Ecology*. 2020;(4):237–241. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.25750/1995-4301-2020-4-237-241>
9. Stankevičius A., Novikovas A., Bakaveckas A., Petryshyn O. EU Waste Regulation in the Context of the Circular Economy: Peculiarities of Interaction. *Entrepreneurship and Sustainability Issues*. 2020;8(2):533–545. [https://doi.org/10.9770/jesi.2020.8.2\(32\)](https://doi.org/10.9770/jesi.2020.8.2(32))
10. Gil'mundinov V.M., Tagaeva T.O., Boksler A.I. Analysis and Forecasting of Waste Management Processes in Russia. *Studies on Russian Economic Development*. 2020;31(1):92–98. <https://doi.org/10.1134/S1075700720010074>
11. Shilkina S.V. Global Trends in Waste Management and Analysis of the Situation in Russia. *Russian Journal of Resources, Conservation and Recycling*. 2020;(1). (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15862/05ECOR120>
12. Fedotkina O., Gorbashko E., Votolkina N. Circular Economy in Russia: Drivers and Barriers for Waste Management Development. *Sustainability*. 2019;11(20). <https://doi.org/10.3390/su11205837>
13. Saha I., Smirnova T.S., Maryev V.A. Implementation of Eco-Industrial Park for Effectual Establishment of Circular Economy in Russia. *Nature Environment and Pollution Technology*. 2021;20(5):2031–2040. <https://doi.org/10.46488/NEPT.2021.V20I05.020>

14. Rubleva I., Lopin I., Gorelov A., Kanunnikov A. Assessment of the Growth Potential of Waste Management Industry in the Russian Federation. *Russian Journal of Resources, Conservation and Recycling*. 2021;8(1). (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15862/09ECOR121>
15. Jamalov R.G., Karlsson A., Yushmanova S.I., et al. Waste Management in the Countries of Northern Europe and Russia. *Municipal Academy*. 2021;(1):208–217. (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.52176/2304831X_2021_01_208
16. Ignatova Y.S., Gorin V.S., Mohova G.V. Overview of Foreign and Domestic Experience in the Formation and Development of the Waste Management Industry. In: Popkova E.G., Sergi B.S., editors. “Smart Technologies” for Society, State and Economy. Springer Cham, 2021. p. 327–335. https://doi.org/10.1007/978-3-030-59126-7_36
17. Nevskaya M.A., Marinina O.A. Institutional Environment of the Mining Waste Management of the EU Countries and Russia. *Research Journal of Pharmaceutical, Biological and Chemical Sciences*. 2016;7(4):2352–2359. Available at: [https://www.rjpbcs.com/pdf/2016_7\(4\)/\[299\].pdf](https://www.rjpbcs.com/pdf/2016_7(4)/[299].pdf) (accessed 30.07.2022).
18. Gerasimov A. Regulatory Regulation of Waste Processing in Russia and Abroad. *Russian Journal of Management*. 2021;9(2):136–140. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.29039/2409-6024-2021-9-2-136-140>
19. Tyaglov S.G., Sheveleva A.V. Formation of Green Clusters: the Experience of European Countries and the Russian Federation *Contemporary Europe*. 2022;(2):100–116. Available at: <http://www.sov-europe.ru/2022-2/formirovanie-zelenykh-klasterov-opyt-evropejskikh-stran-i-rossii.html> (accessed 30.07.2022). (In Russ., abstract in Eng.)

Submitted 13.11.2022; revised 26.12.2022; accepted 11.01.2023.

About the authors:

Elena N. Makarenko, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Rector of Rostov State University of Economics (69 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don 344002, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8621-0751>, makarenko.rsue@yandex.ru

Sergey G. Tyaglov, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Department of Regional Economy, Industries and Enterprises, Rostov State University of Economics (69 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don 344002, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8729-5117>, tyaglov-sg@rambler.ru

Anastasia V. Sheveleva, Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor, Department of Management, Marketing and Foreign Economic Activities, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University) (76 Vernadsky Av., Moscow 119454, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7322-7033>, a_sheveleva@rambler.ru

Contribution of the authors:

E. N. Makarenko – formulation of the research problem and identification of research “bottlenecks” in modern conditions.

S. G. Tyaglov – determination of the research methodology; analysis of the findings; editing and final revision of the article.

A. V. Sheveleva – determination of the scientific objectives of the article and identification of the ways for their solution; collection of data; the study of statistical information; structuring and analysis of the obtained results; edition of the article.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

УДК 331.2(470.23/.25)

doi: 10.15507/2413-1407.123.031.202302.335-356

Оригинальная статья

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Средняя заработная плата в Северо-Западном федеральном округе: оценка территориальных диспропорций на поселенческом уровне

Е. А. Прокопьев

*Институт экономики – обособленное подразделение
Карельского научного центра Российской академии наук
(г. Петрозаводск, Российская Федерация)
e_prokopiev@mail.ru*

Аннотация

Введение. Без объективного понимания влияния внутреннего территориального неравенства на экономику не представляется возможным осуществлять качественное управление региональными процессами социально-экономического развития. Этому не способствует отсутствие в официальной статистике в разрезе поселений открытых данных по такому базовому показателю, как средняя заработная плата. Для преодоления указанной проблемы впервые предлагается использовать альтернативный источник данных – форму налоговой отчетности 5-НДФЛ. Цель статьи – определение территориальных диспропорций средней заработной платы на поселенческом уровне в Северо-Западном федеральном округе.

Материалы и методы. Исследование охватывает все муниципальные образования Северо-Западного федерального округа за период с 2015 по 2020 г. На основе обработки 7 947 форм 5-НДФЛ рассчитаны средние заработные платы по городским и сельским поселениям, муниципальным районам и городским округам. Проведено сравнение с доступными в официальной статистике данными. По федеральному округу и каждому региону рассчитаны коэффициенты вариации и Джини, а также разница между средней прогрессивной и средней регрессивной заработной платой. Построены картограммы для отдельных муниципальных районов.

Результаты исследования. Предложен подход для определения средней заработной платы в муниципальном образовании на основе данных формы 5-НДФЛ. Обосновано, что эта форма является адекватным источником данных для определения территориального неравенства в оплате труда в разрезе поселений. Установлено, что в федеральном округе на фоне незначительного роста средней и медианной заработной платы происходило сокращение территориального неравенства. На примере отдельных муниципальных районов показана существующая разница в оплате труда между сельскими и городскими поселениями и зафиксирована определяющая роль районного центра в консолидированных показателях района.

Обсуждение и заключение. Сравнительный анализ показателей неравенства в оплате труда выявил более высокие значения территориальных диспропорций на поселенческом уровне. В практическом плане переход от районных значений показателей к поселенческим в системе государственного мониторинга позволяет повысить объективность оценки происходящих процессов и улучшить качество принятия управленческих решений.

© Прокопьев Е. А., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: средняя заработная плата, территориальные диспропорции, территориальное неравенство, поселения, муниципальные образования, муниципальная статистика, налоговая статистика, форма 5-НДФЛ, Северо-Западный федеральный округ

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках государственного задания ИЭ КарНЦ РАН № 122032200200-2 «Комплексное исследование и разработка основ управления устойчивым развитием северного и приграничного поясов России в контексте глобальных вызовов».

Для цитирования: Прокопьев Е. А. Средняя заработная плата в Северо-Западном федеральном округе: оценка территориальных диспропорций на поселенческом уровне // Регионология. 2023. Т. 31, № 2. С. 335–356. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.123.031.202302.335-356>

Original article

The Average Wage in the North-West Federal District: An Assessment of Territorial Disparities on a Settlement Level

E. A. Prokopyev

*Institute of Economics, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russian Federation)
e_prokopyev@mail.ru*

Abstract

Introduction. Effective management of regional socioeconomic development processes is not possible without an objective understanding of impact on the economy exerted by internal territorial disparities. The lack of open data in the official statistics concerning settlements and displaying such a basic indicator as an average wage does not contribute to the task also. For the first time, the suggested solution of the following problem is to use an alternative source of data – Russian form of personal income tax (5-NDFL) tax reports. The goal of the article is to determine territorial disparities between average wages on the settlement level in the North-West Federal District.

Materials and Methods. The research covers all municipalities of the North-West Federal District from 2015 to 2020. Average wages in urban and rural settlements, municipal districts and city districts were calculated based on the analysis of 7947 5-NDFL tax reports. A comparison was made with the data from the official statistics. The coefficient of variation and the Gini index were calculated for each area and the North-West District in whole as well as the difference between progressive and regressive types of average wages. Mappings were made for selected municipal areas.

Results. Based on the data extracted from 5-NDFL forms, the research suggests a method of average wage calculation in municipalities. The proof is given that the following tax reports can be viewed as an appropriate source of data for determination of income inequality in case of settlements. It is established that territorial disparities in the Federal District have decreased due to the slight growth of average and median wages. Through the example of selected municipal districts, the research displays the existing difference in wages amid urban and rural settlements and also indicates the decisive role of the area center in the consolidated regional scores.

Discussion and Conclusion. A comparative analysis of inequality indicators in wages has revealed higher values of territorial disparities at the settlement level. In practical terms, the transition from district values of indicators to settlement values in the state monitoring system makes it possible to increase the objectivity of assessing ongoing processes and improve the quality of managerial decision-making.

Keywords: average wage, territorial disparities, territorial inequality, settlements, municipalities, municipal statistics, tax statistics, 5-NDFL tax report, the North-West Federal District

Conflict of interests. The author declares that there is no conflict of interest.

Funding. The article was prepared within the framework of IE KarRC RAS task № 122032200200-2 “Comprehensive study and elaboration of management principles for sustainable development of Russia’s northern and borderland belts in the context of global challenges”.

For citation: Prokopyev E.A. The Average Wage in the North-West Federal District: An Assessment of Territorial Disparities on a Settlement Level. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(2):335–356. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.123.031.202302.335-356>

Введение. Средняя заработная плата наряду с численностью населения является одним из базовых индикаторов социально-экономического развития территории. В настоящее время в государственную систему оценки эффективности деятельности глав субъектов Российской Федерации¹ и органов местного самоуправления (муниципальных, городских округов и муниципальных районов)² включены такие показатели, как «темпы роста реальной среднемесячной заработной платы» и «среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников» соответственно. Тем не менее существующие сегодня диспропорции в оплате труда, связанные с видом экономической деятельности работника [1–4] и его местом проживания [5–9], приводят к тому, что заработная плата значительной части населения не достигает ее средних показателей по стране [10; 11] и региону [12].

Мировой опыт показывает, что более высокая заработная плата в городах (особенно в крупных и столицах) является обычной практикой [13; 14]. В англоязычной литературе этот феномен получил название *urban wage premium*, и ученые связывают его появление с действием агломерационных эффектов [15–17]. Выше и заработная плата в экспортно-ориентированных секторах экономики [18–20]. Для лучшего понимания процессов трудовой миграции и определения зон влияния агломерационных эффектов внутри страны зарубежные исследователи предпочитают использовать не региональный, а районный уровень, отражающий дифференциацию в размере заработной платы³ [15; 21–23].

Переход на муниципальный уровень позволяет под другим углом оценить региональные процессы социально-экономического развития. Даже в успешно развивающейся Калужской области уровень среднемесячной начисленной заработной платы в 21 из 26 муниципальных районов и городских округов существенно ниже среднерегионального [24]. Очевидно, что территориальное неравенство в оплате труда, связанное с неоднородной географией размещения высокооплачиваемых рабочих мест, проявляется не только на региональном и районном, но и на поселенческом уровне. Наличие крупного экспортирующего предприятия в районном центре будет вытягивать среднюю заработную

¹ Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 4 февр. 2021 г. № 68 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 6. Ст. 966.

² О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 апр. 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных, городских округов и муниципальных районов» и подпункта «и» пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» : Постановление Правительства Российской Федерации от 17 дек. 2012 г. № 1317 (ред. от 30 июня 2021 г. № 1084) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 52. Ст. 7490; 2021. № 28. Ст. 5514.

³ Klaesson J., Larsson H. Wages, Productivity and Industry Composition – Agglomeration Economies in Swedish Regions // Working Paper Series in Economics and Institutions of Innovation. 2009. No. 203. URL: <https://econpapers.repec.org/paper/hhscesisp/0203.htm> (дата обращения: 05.03.2022).

плату всего муниципального района [9], маскируя существующие на поселенческом уровне диспропорции и вытекающие из них проблемы.

В связи с этим исследования, определяющие параметры неравенства в оплате труда в российских регионах на уровне поселений, представляются чрезвычайно важными и актуальными.

В данной статье мы хотим предложить подход для расчета средней заработной платы по поселениям на основе данных налоговой формы 5-НДФЛ. Цель статьи – определить территориальные диспропорции средней заработной платы на поселенческом уровне в Северо-Западном федеральном округе.

Обзор литературы. Результаты отечественных исследований показывают, что территориальный фактор объясняет до четверти вариации заработной платы [5; 25]. В последнее время происходило снижение территориальной дифференциации в оплате труда [2; 11; 26], но данный процесс шел очень медленно и обеспечивался преимущественно за счет роста заработной платы в государственном секторе экономики [2; 27]. Тем не менее существующая разница в оплате труда приводит к стягиванию населения в крупные городские агломерации [5; 16], сокращая возможности развития периферийных территорий [9].

В отечественных работах чаще всего неравенство в оплате труда фиксируется на региональном [5–7; 11; 24; 25; 28–35] и районном уровнях [9; 16; 24; 26; 36–39], при этом последний, как правило, рассматривается в границах одного региона. За исключением пары работ [40; 41], нам не удалось найти исследований, оценивающих уровень оплаты труда по поселениям. В данном случае оба исследования опираются на одну эмпирическую базу (база данных «Экономика городов России»), в которой информация доступна по 997 городам за период с 1996 по 2013 г. Для настоящего времени она уже не актуальна. Еще одним уникальным источником данных, используемым в отечественных работах, является база данных выборочных исследований Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, но характеристики ее выборки не позволяют проводить исследования дифференциации заработной платы даже в региональном аспекте [25; 42]. Остальные исследования в качестве источников данных используют статистические сборники и информационные ресурсы Росстата, возможности которых по территориальному делению показателя, характеризующего оплату труда, ограничены районным уровнем. Для оценки более широкого круга факторов, влияющих на уровень заработной платы, можно воспользоваться набором микроданных Росстата по выборочному наблюдению доходов населения и участия в социальных программах [5]. Хотя возможности этой выборки позволяют провести сортировку данных по сельским и городским территориям, а также сгруппировать по размерам населенного пункта, территориальное деление в ней представлено только региональным уровнем.

Проведенный обзор российских работ позволяет сделать вывод о том, что особенности находящихся в открытом доступе и используемых отечественными исследователями источников данных не дают возможности оценить масштабы территориального неравенства в оплате труда в России на поселенческом уровне. Нельзя не обратить внимания на то, что в отечественной научной литературе на уровне сельских поселений в отличие от городских

территорий [16; 26; 40; 41] эта проблема не была освещена. В настоящей работе для заполнения этого пробела мы предлагаем использовать новый источник данных – форму статистической налоговой отчетности 5-НДФЛ. Эта форма заполняется в разрезе муниципалитетов, и в ней содержатся консолидированные сведения о налоговой базе, подлежащей налогообложению по налогу на доходы физических лиц. Конечно, рассчитанная на ее основе средняя заработная плата не является полноценным аналогом средней номинальной заработной платы, полученной по данным Росстата. Вместе с тем представляется, что в открытом доступе этот источник данных является безальтернативным для получения сведений о размерах средних заработных плат на уровне поселений.

В отличие от предыдущих исследований территориальной дифференциации оплаты труда в России использование нового источника данных позволяет впервые получить ее параметры в разрезе сельских и городских поселений. Еще одной особенностью нашей работы, по сравнению с аналогичными на муниципальном уровне, является увеличение географического охвата исследования с региона до федерального округа.

Материалы и методы. В границах Северо-Западного федерального округа (СЗФО) находится 199 городских округов, муниципальных районов и округов, включающих 1 039 городских и сельских поселений. Единственный город-миллионер в федеральном округе – Санкт-Петербург – занимает особое место в исследовании. Он рассматривался отдельно как одна административно-территориальная единица без деления на муниципальные образования. Хронологические рамки исследования охватывают период с 2015 по 2020 г., выбор которого обусловлен наличием в открытом доступе пригодных для нашей цели налоговых данных. Тут надо остановиться на одном важном моменте, связанном с проблемой сопоставимости данных из-за уменьшения общего количества городских и сельских поселений за период исследования. До 2019 г. в основном происходило укрупнение поселений путем присоединения одних к другим. В СЗФО значительная часть таких укрупнений пришлась на 2015 г., но они продолжались на протяжении всего рассматриваемого периода. Поэтому для обеспечения сопоставимости данных налоговая информация по объединенным поселениям суммировалась, начиная с первого года. В Калининградской области поселения присоединялись к городским округам, и к 2018 г. отдельных поселений как административных единиц в области не осталось. А поскольку уже в 2015 г. практически вся область состояла из городских округов, данные сразу считались только по округам. В 2019 г. в отечественном законодательстве⁴ появился новый вид муниципальных образований – муниципальный округ, который создавался за счет объединения всех поселений одного муниципального района. В нашу выборку попало семь таких образований, объединивших в себе 38 поселений. Для проведения дальнейших расчетов было принято решение оставить доступные данные по этим поселениям по 2018 г.

Основу эмпирической базы исследования составляют данные по форме статистической налоговой отчетности 5-НДФЛ. Эти формы находятся в открытом

⁴ О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: федер. закон от 1 мая 2019 г. № 87-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 18. Ст. 2211.

доступе на сайте Федеральной налоговой службы по каждому региону в разделе «Статистика и аналитика». Всего для цели исследования было обработано 7 947 форм 5-НДФЛ⁵. Для большинства регионов СЗФО информация по форме 5-НДФЛ доступна с 2012 г., но только с 2015 г. в нее добавили данные о количестве физических лиц, получивших доходы. В предыдущих версиях формы был только показатель «количество сведений о доходах физических лиц». Одно физическое лицо может предоставить в течение года несколько сведений о доходах из-за смены работы или трудоустройства в нескольких местах, что при использовании «количества сведений о доходах» для расчета средней заработной платы привело бы к занижению последней. Поэтому именно 2015 г. был выбран в качестве отправной точки нашего исследования.

Форма 5-НДФЛ содержит обширный перечень наименований доходов⁶. Для расчета средней заработной платы мы использовали всего пять. Кроме непосредственно вознаграждения, получаемого налогоплательщиком за выполнение трудовых или иных обязанностей (код дохода 2000), были собраны данные по вознаграждению директоров (код дохода 2001), по суммам отпускных выплат (код дохода 2012), по пособию по временной нетрудоспособности (код дохода 2300) и по оплате труда в натуральной форме (код дохода 2530). Выбор перечисленных наименований доходов обусловлен составом выплат, указанных в методике Росстата для расчета среднемесячной начисленной заработной платы наемных работников в организациях, у индивидуальных предпринимателей и физических лиц (среднемесячного дохода от трудовой деятельности). Согласно данной методике, в заработную плату включаются: начисленные работнику суммы оплаты труда в денежной и неденежной формах за отработанное и неотработанное, но подлежащее оплате время (например, за ежегодный отпуск); компенсационные выплаты, связанные с режимом работы и условиями труда (например, оплата бензина); доплаты и надбавки; премии; единовременные поощрительные выплаты; оплата питания и проживания, имеющая систематический характер⁷. Заметим, что средняя начисленная заработная плата, публикуемая Росстатом, содержит налоги. Для включения в расчеты рассматривался еще один вид дохода из формы 5-НДФЛ – выплаты по договорам гражданско-правового характера (код дохода 2010), потому что в указанной выше методике Росстата включены лица, работающие по данным договорам, для которых эта работа является основной (единственной). Представление данных в форме 5-НДФЛ не позволяет осуществить деление людей по признаку основной (единственной) работы, поэтому было принято решение не учитывать этот вид дохода в наших расчетах. Здесь надо сделать еще одно уточнение: для расчетов мы используем налоговые данные с признаками «1» и «3»⁸. Признаки «2» и «4» означают налогоплательщика,

⁵ На одно муниципальное образование может быть несколько форм 5-НДФЛ, особенно часто такая практика представления отчетности встречается в 2019 г.

⁶ В 2015 г. – 73, в 2016 – 85, в 2017–2020 гг. – 88 наименований.

⁷ Об утверждении Методики расчета среднемесячной начисленной заработной платы наемных работников в организациях, у индивидуальных предпринимателей и физических лиц (среднемесячного дохода от трудовой деятельности) [Электронный ресурс] : Приказ Федеральной службы государственной статистики от 14 апр. 2016 г. № 188. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/metod-2016.pdf> (дата обращения: 12.05.2022).

⁸ С 2015–2017 гг. в форме 5-НДФЛ был только признак «1» или «2». С 2018 г. количество признаков увеличилось до четырех.

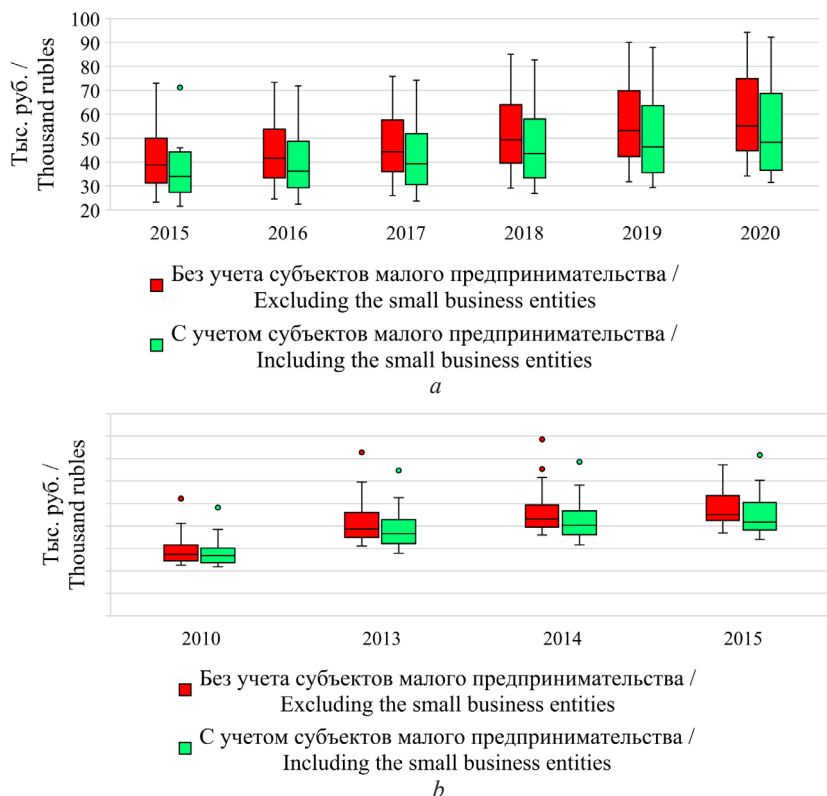
с доходов которого не был уплачен подоходный сбор. В разрезе поселений данные с признаками «2» и «4» чаще всего пропущены из-за их малого количества и распространяющейся вследствие этого политики конфиденциальности данных.

Именно наличие пропущенных значений из-за обеспечения требований конфиденциальности стало основной проблемой, которая возникла на этапе сбора данных. В исходных данных есть деление на граждан России и иностранных граждан⁹, в нашем исследовании мы рассматриваем их вместе без деления. Однако наличие одного или двух иностранцев автоматически делает эти данные по отдельному коду дохода непубликуемыми, при этом чтобы не было возможности высчитать пропущенные данные по оставшимся значениям в форме, закрываются и общие значения. Это наиболее распространенный случай по вознаграждениям, получаемым налогоплательщиком за выполнение трудовых или иных обязанностей (код дохода 2000). При его возникновении пропущенные значения заменялись значениями по гражданам России. Для заполнения пропуска по отпускным (код дохода 2012) и больничным (код дохода 2300) выплатам на консолидированных региональных данных рассчитывалось пропорциональное отношение этих кодов с кодом дохода 2000, затем полученная пропорция умножалась на значение по коду дохода 2000 в поселении, в результате чего получалось искомое значение. Для пропусков по коду дохода 2001 и 2530 на основе консолидированных данных по региону высчитывалось среднее значение. Далее это среднее сравнивалось с разницей между общей суммой дохода в поселении и остальными заполненными значениями по кодам доходов. Если среднее оказывалось меньше полученной разницы, пропуск заполнялся средним значением, а если больше – то полученной разницей. Сам расчет средней заработной платы по поселениям осуществлялся следующим образом: общая сумма дохода физических лиц, получивших доходы по кодам 2000, 2001, 2012, 2300 и 2530, делилась на количество лиц, получивших доходы по коду 2000, и делилась на 12 месяцев. На основе поселенческих данных были рассчитаны средневзвешенные заработные платы по муниципальным районам.

Дополнительно за исследуемый период с базы данных Показатели муниципальных образований (БД ПМО) были собраны данные по среднемесячной заработной плате в муниципальных районах и городских округах СЗФО. Они используются в качестве контрольной группы для сравнения с рассчитанными по налоговым данным значениями. Для обеспечения сопоставимости данных все показатели были приведены в цены 2020 г. при помощи региональных индексов потребительских цен. Предполагается, что сравнение полученных данных с контрольной группой в абсолютных значениях покажет существенные различия между ними. Дело в том, что предоставляемые Росстатом данные в муниципальном разрезе не содержат сведения о субъектах малого предпринимательства. По оценке Л. А. Миграновой, средняя заработная плата наемных работников, работающих у индивидуальных предпринимателей, фермеров и физических лиц, существенно ниже средней заработной платы в организациях [43]. Это приводит к завышению значений средней заработной платы, что наглядно демонстрирует

⁹ Иностранцев граждан и лиц без гражданства.

сравнение с заработной платой с учетом субъектов малого предпринимательства, которая считается на региональном уровне и ранее публиковалась в муниципальных статистических сборниках в отдельных регионах¹⁰ (рис. 1).

Р и с. 1. Сравнение показателей средней номинальной заработной платы по данным Росстата:
а) регионы Северо-Западного федерального округа;
б) муниципальные районы Вологодской области¹¹

F i g. 1. Comparison of nominal average wages according to Rosstat:
a) regions of the North-West Federal District; b) municipal districts of Vologda Region

Кроме того, к завышению реальных значений объемов получаемых денежных средств приводит используемая Росстатом методика. «Искажения» происходят за счет сотрудников, работающих неполный рабочий день или неполную неделю. В методике они учитываются в среднесписочной численности работников пропорционально отработанному рабочему времени. Получается, что человек, работающий на половину ставки и получающий 20 тыс. руб., учитывается в официальной статистике с заработной платой в 40 тыс. руб., при этом реально потратить на свои нужды он может только 20 тыс. руб. Напротив, налоговая статистика четко фиксирует весь объем сумм официальных выплат на конкретной территории. Существенным недостатком является то, что в указанном

¹⁰ Например: Муниципальные районы и городские округа Вологодской области. Социально-экономические показатели : статист. сб. 2000–2015. Вологда, 2016. 308 с.

¹¹ Здесь и далее в статье все рисунки и таблицы составлены автором.

количестве физических лиц присутствуют те, которые по разным причинам могли отработать неполный год. В первую очередь, это касается лиц, прекративших свою трудовую деятельность в связи с выходом на пенсию. Среди них могут быть также лица, потерявшие работу, или лица, сменившие место жительства. Поскольку внутренняя миграция в России примерно поровну делится на межрегиональную и внутрирегиональную [42], то один и тот же человек может быть зафиксирован в разных муниципалитетах по форме 5-НДФЛ в течение одного года в одном регионе. Поэтому значения по консолидированной по региону форме 5-НДФЛ отличаются от аналогичных значений, полученных путем суммирования данных с муниципальных форм 5-НДФЛ. Все вышеперечисленное приводит к занижению реальных значений средней заработной платы. Тем не менее мы исходим из того, что процентное соотношение подобных случаев в муниципальных образованиях примерно одинаковое. И несмотря на то, что абсолютные значения занижены, в относительном выражении полученные данные будут отражать реальные масштабы неравенства и существующие тренды. Мы ожидаем, что при сравнении с показателями динамики контрольной группы существенных расхождений наблюдаться не будет.

Для определения параметров территориального неравенства оплаты труда в СЗФО были рассчитаны следующие показатели: 1) разница между средней прогрессивной¹² и средней регрессивной заработной платой¹³ («разрыв») [24]; 2) коэффициент вариации; 3) коэффициент Джини. Расчет коэффициентов вариации и Джини осуществлялся с помощью пакета «ineq» программной среды R. Для демонстрации возможностей анализа территориальных диспропорций оплаты труда на поселенческом уровне по отдельным муниципальным районам в геоинформационной системе QGIS были построены картограммы.

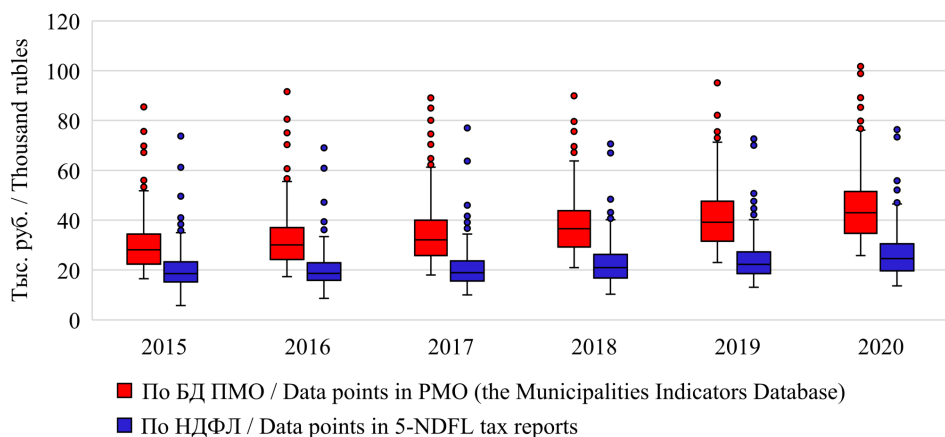
Результаты исследования. Как и предполагалось, сравнение средней заработной платы по муниципальным районам, полученной по данным Росстата и налоговой службы, показало наличие существенных различий в абсолютных значениях (рис. 2а). Полученные по формам 5-НДФЛ средние заработные платы оказались значительно ниже. При этом между полученными разными способами показателями существует сильная положительная связь (рис. 2б): коэффициент корреляции, рассчитанный по каждому году отдельно, находится в диапазоне от 0,88 до 0,95. Сравнение динамики рассчитанных показателей неравенства по двум наборам данных (табл. 1) не фиксирует значительных противоречий в трендах коэффициента вариации и Джини. Единственное различие заключается в динамике абсолютного показателя «разрыв». При этом в обоих случаях резких и существенных изменений данного показателя не наблюдается. Все вышеперечисленное позволяет нам сделать вывод о том, что данные по форме 5-НДФЛ достаточно корректно фиксируют диспропорции в оплате труда на районном уровне. Следовательно, нет существенных

¹² Средняя прогрессивная заработная плата – средняя арифметическая величина средней заработной платы в муниципальных образованиях, где уровень оплаты труда был равен или выше средней по СЗФО (региону СЗФО).

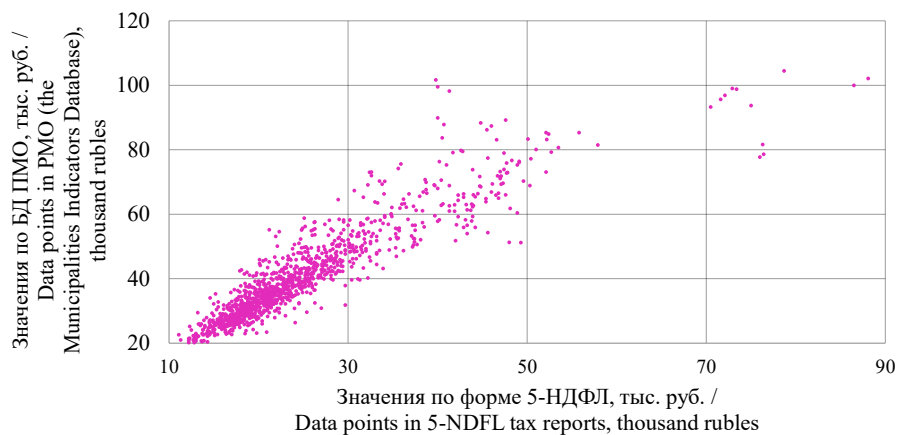
¹³ Средняя регрессивная заработная плата – средняя арифметическая величина средней заработной платы в муниципальных образованиях, где уровень оплаты труда был ниже средней по СЗФО (региону СЗФО).

препятствий для использования этих данных при анализе проблем территориального неравенства средней заработной платы на поселенческом уровне.

Результаты анализа территориальных диспропорций в оплате труда на поселенческом уровне представлены в таблице 2. За исследуемый период произошел рост среднего и медианного значения показателя средней заработной платы по муниципальным образованиям СЗФО. По сравнению с 2015 г. в абсолютном выражении «разрыв» в оплате труда заметно снизился и на протяжении всего рассматриваемого периода оставался на одном уровне, за исключением 2020 г., где на ситуацию на рынке труда значительным образом повлияла пандемия COVID-19.

a

b

Р и с. 2. Сравнение показателей средней заработной платы по муниципальным районам на основе Базы данных показателей муниципальных образований и данных форм 5-НДФЛ: а) сравнение абсолютных значений; б) диаграмма рассеивания за 2015–2020 гг.

Fig. 2. Comparison of average wages in municipal areas based on the data from the Municipal Entities Indicators Database and 5-NDFL tax reports: а) comparison of absolute values; б) scatterplot diagram for 2015–2020

Т а б л и ц а 1. Динамика показателей неравенства средней заработной платы по муниципальным районам и городским округам Северо-Западного федерального округа, 2015–2020 гг.

Table 1. The dynamics of average wages inequality in municipal districts and city districts of the North-West Federal District, 2015–2020

Показатель / Indicator	2015	2016	2017	2018	2019	2020
<i>База данных показателей муниципальных образований / Database of indicators of municipalities</i>						
Разрыв, тыс. руб. / Gap, thousand rubles	21,9	22,5	23,2	23,2	23,7	23,3
Коэффициент вариации / Coefficient of variation, %	37,5	37,4	36,5	34,6	33,8	32,7
Коэффициент Джини / Gini index	0,1909	0,1913	0,1898	0,1836	0,1804	0,1748
<i>5-НДФЛ / 5-NDFL</i>						
Разрыв, тыс. руб. / Gap, thousand rubles	16,1	14,7	15,4	14,9	14,7	15,5
Коэффициент вариации / Coefficient of variation, %	42,3	39,8	41,6	39,0	37,2	37,2
Коэффициент Джини / Gini index	0,2063	0,1937	0,2013	0,1960	0,1855	0,1887

Дифференциация муниципалитетов по средней заработной плате снижается, о чем свидетельствует сокращение значений коэффициентов вариации и Джини. Заметим, что переход на поселенческий уровень, увеличивающий количество наблюдений для расчета этих коэффициентов, приводит к повышению их значений по сравнению с аналогичными показателями по муниципальным районам. Максимальные значения средней заработной платы наблюдаются в муниципальных образованиях, относящихся к северным регионам, особенно к Арктической зоне. Именно муниципалитеты СЗФО, относящиеся к районам Крайнего Севера и приравненных к ним местностям, за счет наличия разных районных коэффициентов и северных надбавок увеличивают степень дифференциации исследуемого показателя.

Т а б л и ц а 2. Динамика показателей неравенства средней заработной платы по муниципальным образованиям Северо-Западного федерального округа, 2015–2020 гг.

Table 2. The dynamics of average wages inequality in municipalities of the North-West Federal District, 2015–2020

Показатель / Indicator	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Среднее значение, тыс. руб. / Average value, thousand rubles	20,7	20,6	20,4	21,8	22,2	23,6
Медиана, тыс. руб. / Median, thousand rubles	18,5	18,9	18,7	20,4	20,5	22,0
Разрыв, тыс. руб. / Gap, thousand rubles	14,7	13,0	12,4	12,4	12,5	13,1
Коэффициент вариации / Coefficient of variation, %	47,2	42,8	41,8	39,3	39,6	37,2
Коэффициент Джини / Gini index	0,2339	0,2128	0,2075	0,1985	0,1952	0,1915

Проведение расчетов по каждому региону СЗФО отдельно показало, что для всех них характерен рост медианного значения средней заработной платы в муниципалитетах (табл. 3). Кроме Мурманской и Калининградской областей, в регионах СЗФО было зафиксировано увеличение среднего значения

средней заработной платы. Показатели внутрирегионального неравенства оказались ниже аналогичных по федеральному округу. Во всех регионах происходило снижение коэффициентов вариации и Джини, а также разницы между средней прогрессивной и средней регрессивной заработной платой. Снижение последней было незначительным и в большинстве регионов составило от 1,3 до 3 тыс. руб. Наименьшие значения относительных показателей неравенства были зафиксированы в Калининградской области, которая в настоящее время состоит исключительно из городских и муниципальных округов. В качестве причин конвергенции средних заработных плат отечественные исследователи указывают на рост оплаты труда в бюджетном секторе экономики [2; 27] и выравнивание оплаты труда в городах и селах [2].

Сравнение коэффициентов вариации и Джини по регионам в разрезе муниципальных районов и поселений показало, что укрупнение территориальной единицы приводит к снижению показателей неравенства и затрудняет анализ их динамики, что не способствует улучшению понимания происходящих на территории социально-экономических процессов. Кроме того, это доказывает, что используемые в мониторинге эффективности деятельности органов власти показатели не позволяют отразить реально существующие масштабы территориального неравенства в оплате труда, а следовательно, разработать и реализовать эффективные меры по его снижению.

Т а б л и ц а 3. Динамика показателей неравенства средней заработной платы по муниципальным образованиям в разрезе регионов Северо-Западного федерального округа

Table 3. The dynamics of average wages inequality in municipalities among regions of the North-West Federal District

Регион / Region	Год / Year	Среднее значение, тыс. руб. / Average value, thousand rubles	Медиана, тыс. руб. / Median, thousand rubles	Разрыв, тыс. руб. / Gap, thousand rubles	Коэффициент вариации / Coefficient of variation, %	Коэффициент Джини / Gini index
1	2	3	4	5	6	7
Архангельская область / Arkhangelsk Region	2015	20,9	19,1	12,4	43,2	0,1953
	2020	25,5	23,5	12,3	34,1	0,1652
Вологодская область / Vologda Region	2015	16,5	14,7	9,9	39,8	0,1967
	2020	19,8	18,8	8,1	27,6	0,1423
Калининградская область / Kaliningrad Region	2015	20,8	19,7	6,4	16,7	0,0901
	2020	20,6	20,4	3,7	11,7	0,0623
Ленинградская область / Leningrad Region	2015	23,2	21,9	12,0	33,4	0,1761
	2020	24,7	23,7	9,0	23,6	0,1268
Мурманская область / Murmansk Region	2015	42,4	38,0	19,3	28,5	0,1553
	2020	42,3	41,5	14,3	21,7	0,1166

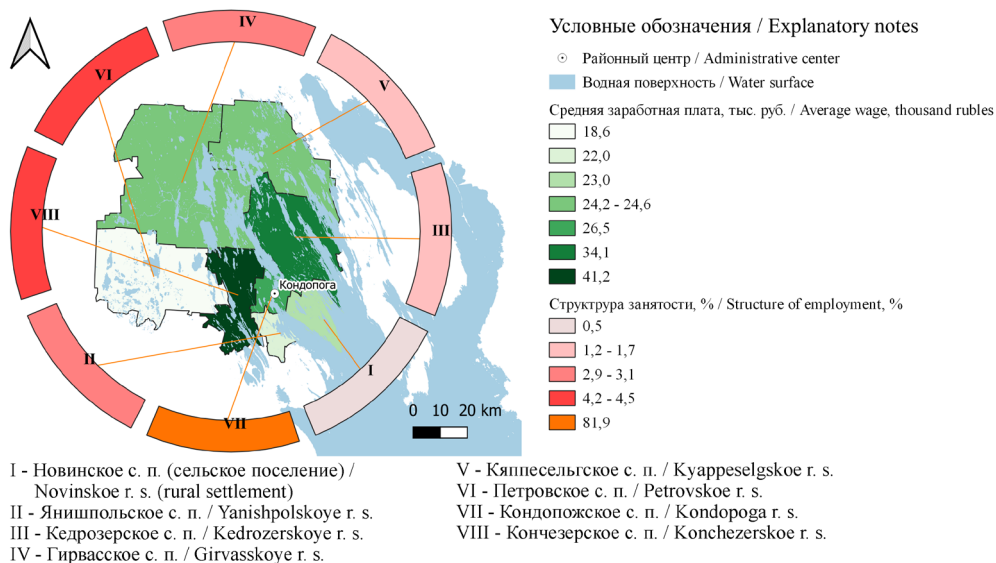

Окончание табл. 3 / End of table 3

1	2	3	4	5	6	7
Ненецкий автономный округ / Nenets Autonomous Area	2015	43,9	38,9	23,8	33,6	0,1509
	2020	44,2	41,2	22,0	31,0	0,1330
Новгородская область / Novgorod region	2015	16,7	15,6	8,7	33,0	0,1738
	2020	17,7	17,1	7,5	27,4	0,1501
Псковская область / Pskov Region	2015	13,3	13,2	7,3	38,1	0,2014
	2020	16,0	15,7	6,7	25,8	0,1458
Республика Карелия / Republic of Karelia	2015	21,4	19,4	11,9	37,3	0,1746
	2020	26,1	25,2	10,5	25,8	0,1417
Республика Коми / Komi Republic	2015	22,4	20,7	12,7	36,3	0,1894
	2020	25,9	24,8	11,4	28,6	0,1542

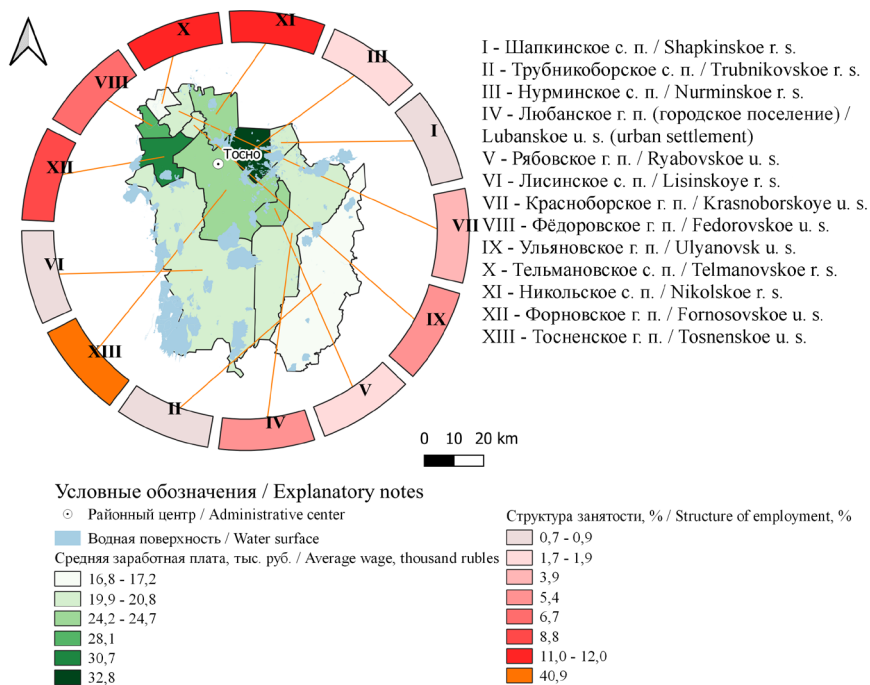
Для отобранных случайным образом четырех муниципальных районов СЗФО за 2018 г. были построены картограммы распределения размера средней заработной платы по поселениям (рис. 3–6). В получившейся выборке районные центры в половине случаев не были лидерами по средней заработной плате (рис. 3, 4), но при этом за счет высокой концентрации занятых уровень оплаты труда в районном центре (рис. 3, 5, 6) определяет общий районный уровень средней заработной платы. Во всех рассматриваемых муниципальных образованиях средняя заработная плата в большинстве поселений оказалась заметно ниже (особенно в Бабаевском муниципальном районе (рис. 6)), чем средневзвешенная по району. Сравнение средней заработной платы в сельских и городских поселениях показало, что кроме нескольких случаев в Кондопожском и Тосненском муниципальных районах уровень оплаты труда в сельской местности уступает городскому. В случаях-исключениях на территории поселений расположено несколько важных на региональном уровне предприятий. Для Кондопожского района это малые предприятия по форелеводству, в том числе по производству кормов для рыбы и выращиванию малька. В Тосненском районе, наоборот, это два крупных предприятия по свиноводству и производству кормов. Получается, что наличие 1–2 успешно работающих предприятий в сельском поселении, где трудоустроена значительная часть местных жителей, заметно улучшает показатели оплаты труда на фоне остальных муниципалитетов района.

Таким образом, сделанное в начале статьи предположение о неоднородном размещении высокооплачиваемых рабочих мест на поселенческом уровне было наглядно подтверждено с помощью картограмм. Предложенный уровень детализации позволил увидеть как наиболее проблемные территории, так и неожиданных лидеров за пределами районных центров. Это создает хороший задел для более детального обследования обеих групп поселений с анализом широкого набора доступных социально-экономических данных и привлечением методов социологии. Итоги подобных обследований должны использоваться органами власти для решения задач по сокращению межтерриториального неравенства при разработке дифференцированных мер поддержки в программах социально-экономического развития территорий, а также для принятия решений по улучшению транспортной и энергетической инфраструктуры.

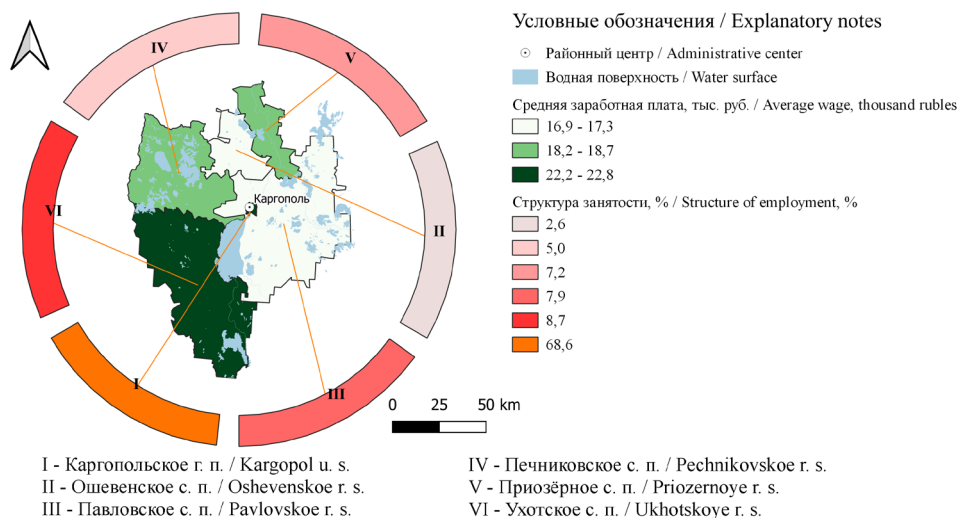
Р и с. 3. Кондопожский муниципальный район Республики Карелия

F i g. 3. Kondopozhsky municipal district, Republic of Karelia

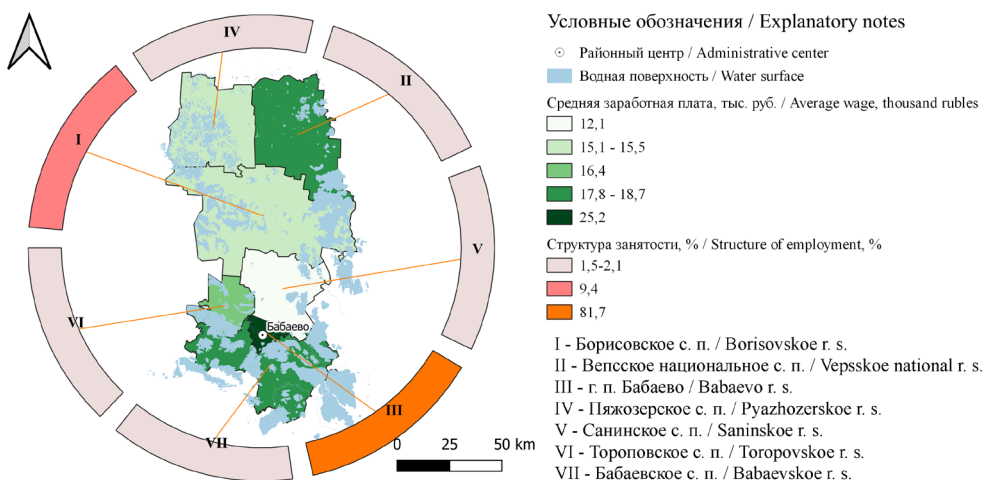
Р и с. 4. Тосненский муниципальный район Ленинградской области

F i g. 4. Tosnensky municipal district, Leningrad Region

Р и с. 5. Каргопольский муниципальный район Архангельской области

F i g. 5. Kargopolsky municipal district, Arkhangelsk Region

Р и с. 6. Бабаевский муниципальный район Вологодской области

F i g. 6. Babaevsky municipal district, Vologda Region

Кроме того, с помощью оценки изменения средней заработной платы появляется возможность оценить непосредственное влияние на местную экономику (особенно в малонаселенных сельских территориях) рабочих мест, созданных новыми субъектами малого и среднего предпринимательства в рамках грантовой поддержки от государства. Необходимо обратить внимание на то, что процесс объединения поселений в городские и муниципальные округа снижает уровень детализации предоставления официальной статистической отчетности. Так, упомянутый выше Каргопольский муниципальный район в 2020 г.

стал муниципальным округом. Из-за полуторагодового лага публикации формы 5-НДФЛ данные по нему за 2019 г. были выложены уже в консолидированном виде. Подобные укрупнения административных единиц препятствуют объективному пониманию процессов социально-экономического развития, сокращая реальные масштабы территориальной дифференциации оплаты труда.

Обсуждение и заключение. Результаты исследования показали, что в условиях отсутствия в открытом доступе данных Росстата по уровню средней заработной платы в разрезе поселений форма статистической отчетности 5-НДФЛ является адекватным источником для решения задачи по определению территориального неравенства в оплате труда на поселенческом уровне. Рассчитанные на ее основе показатели средней заработной платы на районном уровне не противоречат данным официальной статистики. Итоги наших расчетов территориального неравенства оплаты труда согласуются с результатами отечественных исследователей, отмечающих снижение дифференциации оплаты труда в последние годы [2; 11; 26]. В отличие от предыдущих отечественных исследований территориального неравенства в оплате труда [5; 11; 16; 24; 26; 31; 36] использование нового источника данных позволило впервые в России получить параметры этого неравенства на поселенческом уровне в границах федерального округа.

Использование данных по муниципальным районам и исключение из учета занятых на малых предприятиях снижают показатели территориальных диспропорций оплаты труда в официальной отчетности. Предложенный подход на основе данных налоговой статистики позволяет обойти эти ограничения. Впрочем, необходимо помнить, что полученные этим способом абсолютные значения средней заработной платы по муниципалитетам из-за особенностей исходных данных будут занижены. В чистом виде рассчитанные значения можно интерпретировать как нижнюю границу, за которую фактическая средняя заработная плата в муниципалитете не опускается. С другой стороны, их расчет позволяет помимо определения параметров территориального неравенства задать шкалу градации по оплате труда, которую можно использовать в математическом моделировании социально-экономических процессов на муниципальном уровне, а также получить относительные показатели динамики и структуры, отражающие состояние развития экономики исследуемой территории.

По результатам анализа территориальных диспропорций в оплате труда на поселенческом уровне в СЗФО за 2015–2020 гг. было установлено снижение коэффициента вариации на 10 п. п., снижение коэффициента Джини с 0,2339 до 0,1915. Был зафиксирован рост среднего и медианного значения показателя «средняя заработная плата». Среднегодовые темпы прироста этих показателей оказались небольшие и составили 2,7 % и 3,5 %, соответственно. При этом схожая динамика наблюдалась внутри каждого региона СЗФО отдельно. Именно по показателю средняя заработная плата ситуация в разрезе поселений СЗФО намного ближе к абсолютному равенству, чем к абсолютному неравенству. Наличие в выборке Санкт-Петербурга не оказывает влияния на параметры территориального неравенства по средней заработной плате в СЗФО. На них в большей степени влияют муниципалитеты, относящиеся к районам

Крайнего Севера и приравненных к ним местностям. Можно констатировать, что происходит постепенное выравнивание муниципальных образований по исследуемому показателю.

Переход на поселенческий уровень благодаря обработке форм 5-НДФЛ позволил увидеть существующую разницу в оплате труда между сельскими и городскими территориями, которая ранее фиксировалась только с помощью выборочных наблюдений [2; 5]. Кроме того, использование налоговой статистики предоставляет совершенно новую для исследователей возможность: оценить, насколько велика роль районного центра в консолидированных показателях района. По сути, для улучшения районных показателей местным властям необходимо сконцентрироваться на социально-экономическом развитии районного центра. В то же время даже появление нового малого предприятия за пределами районного центра может дать значительно больший экономический эффект для конкретной территории. В связи с этим вызывает опасение набирающая ход тенденция по объединению поселений в муниципальные округа и последующая за ней консолидация статистических данных.

Подводя итоги, можно сказать, что предложенный в исследовании подход расчета средней заработной платы на поселенческом уровне в первую очередь представляет интерес для научного сообщества, занимающегося вопросами регионального и муниципального социально-экономического развития. В практическом плане результаты исследования могут быть использованы органами государственной власти для улучшения системы мониторинга результативности работы местных властей, для разработки планов и программ комплексного развития территорий, для оценки эффективности как реализуемых, так и перспективных инвестиционных проектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Токсанбаева М. С. Заработная плата: минимальный размер и дифференциация // *Народонаселение*. 2020. Т. 23, № 4. С. 40–49. <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.4.4>
2. Овчинников В. Н., Малкина М. Ю. Детерминанты неравенства в оплате труда в современной России // *Terra Economicus*. 2019. Vol. 17, № 3. С. 30–47. <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-3-30-47>
3. Балякина Н. В. Оценка качества и уровня жизни населения в регионе // *Друкерровский вестник*. 2019. № 4. С. 332–338. <https://doi.org/10.17213/2312-6469-2019-4-332-338>
4. Заломская Г. А. Динамика и дифференциация заработной платы: региональный аспект // *Труд и социальные отношения*. 2013. Т. 24, № 5. С. 16–24. URL: https://atiso.ru/upload/iblock/246/581tu2iub91phe6soksgl7h3h96eui6z/tiso_2013_05.pdf (дата обращения: 12.05.2022).
5. Елисеева И. И., Декина М. П. Дифференциация заработной платы в Российской Федерации: территориальные особенности // *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. 2020. № 5. С. 39–51. <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2020-5-39>
6. Синица А. Л. Заработная плата в общем образовании в регионах России // *Народонаселение*. 2019. Т. 22, № 2. С. 78–90. <https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00017>
7. Забелина О. В., Сковпень В. А., Широкова Л. Н. Подходы к установлению должностных окладов работников центров занятости населения в субъектах Российской Федерации // *Экономика труда*. 2018. Т. 5, № 4. С. 1221–1238. <https://doi.org/10.18334/et.5.4.39507>

8. Сергеева Н. М. Сравнительная оценка уровня оплаты труда в системе здравоохранения федеральных округов РФ // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7, № 4 (25). С. 283–286. EDN: [YSZHTF](#)
9. Фокин В. Я. Классификация муниципальных образований региона по структуре и уровню доходов и потребительских расходов населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 5 (41). С. 89–103. <https://doi.org/10.15838/esc/2015.5.41.6>
10. Соболев Э. Н. Оплата труда в российской экономике: тенденции и проблемы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 5. С. 79–96. <https://doi.org/10.24411/2073-6487-2018-00006>
11. Уманец Л. В., Лайкам К. Э., Жихарева О. Б. О статистическом наблюдении за дифференциацией работающих по размерам начисленной заработной платы // Вопросы статистики. 2016. № 10. С. 31–43. URL: <https://voprstat.elpub.ru/jour/article/view/398> (дата обращения: 12.05.2022).
12. Попова Л. А., Зорина Е. Н., Сивкова А. А. Проблемы формирования среднего класса в северном регионе (на примере Республики Коми) // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2018. № 6 (62). С. 153–163. <https://doi.org/10.25702/KSC.2220-802X.6.2018.62.153-163>
13. Peng S. Urban Scale and Wage Premium: Evidence from China // Journal of the Asia Pacific Economy. 2019. Vol. 24, issue 3. Pp. 468–480. <https://doi.org/10.1080/13547860.2019.1624335>
14. Combes P.-P., Duranton G., Gobillon L. Spatial Wage Disparities: Sorting Matters! // Journal of Urban Economics. 2008. Vol. 63, issue 2. Pp. 723–742. <https://doi.org/10.1016/j.jue.2007.04.004>
15. Díaz Dapena A., Fernández Vázquez E., Rubiera Morollón F. Labor Density and Wages in Spain: Evidence from Geographically Disaggregated Data // Growth and Change. 2018. Vol. 49, issue 1. Pp. 55–70. <https://doi.org/10.1111/grow.12233>
16. Русановский В. А., Бровкова А. В., Марков В. А. Моделирование эффекта пространственной локализации в городских агломерациях России // Экономическая политика. 2018. Т. 13, № 6. С. 136–163. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2018-6-136-163>
17. Melo P. C., Graham D. J. Testing for Labour Pooling as a Source of Agglomeration Economies: Evidence for Labour Markets in England and Wales // Papers in Regional Science. 2014. Vol. 93, issue 1. Pp. 31–52. <https://doi.org/10.1111/j.1435-5957.2012.00462.x>
18. Groizard J. L., Oliver X., Sard M. An Account of the Exporter Wage Gap: Wage Structure and Composition Effects Across the Wage Distribution // The World Economy. 2022. Vol. 93, issue 5. Pp. 1528–1563. <https://doi.org/10.1111/twec.13221>
19. Paredes D. The Role of Human Capital, Market Potential and Natural Amenities in Understanding Spatial Wage Disparities in Chile // Spatial Economic Analysis. 2013. Vol. 8, issue 2. Pp. 154–175. <https://doi.org/10.1080/17421772.2013.774094>
20. Воейков М. И., Анисимова Г. В., Соболев Э. Н. Дифференциация заработной платы в российской экономике: истоки, уровень, тенденции // Журнал экономической теории. 2010. № 2. С. 197–213. EDN: [MTBEOJ](#)
21. Ridhwan M. M. Spatial Wage Differentials and Agglomeration Externalities: Evidence from Indonesian Microdata // Economic Analysis and Policy. 2021. Vol. 71. Pp. 573–591. <https://doi.org/10.1016/j.eap.2021.06.013>
22. Higashi Y. Spatial Spillovers in Job Matching: Evidence from the Japanese Local Labor Markets // Journal of the Japanese and International Economies. 2018. Vol. 50. Pp. 1–15. <https://doi.org/10.1016/j.jjie.2018.06.001>
23. Kosfeld R., Eckey H.-F. Market Access, Regional Price Level and Wage Disparities: the German Case // Jahrbuch für Regionalwissenschaft. 2010. Vol. 30. Pp. 105–128. <https://doi.org/10.1007/s10037-010-0047-1>
24. Найденкова К. В. Социальная дифференциация территорий как сдерживающий фактор регионального развития Калужской области // Российский экономический интернет-журнал. 2020. № 4. URL: <https://www.e-rej.ru/upload/iblock/33b/33beec771be8d33e03029a65660337f7.pdf> (дата обращения: 12.05.2022).

25. Гришина Е. Е., Казакова Ю. М., Ляшок В. Ю. Дифференциация заработной платы в России: региональный и профессиональный аспекты // Вопросы статистики. 2016. № 11. С. 45–52. URL: <https://vopstat.elpub.ru/jour/article/view/412> (дата обращения: 12.05.2022).
26. Балдынова Е. В., Малютин С. А. Сравнительный анализ среднемесячной реальной заработной платы работников организаций в разрезе городов Иркутской области // Известия Байкальского государственного университета. 2017. Т. 27, № 4. С. 607–617. [https://doi.org/10.17150/2500-2759.2017.27\(4\).607-617](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2017.27(4).607-617)
27. Ивашиненко Н. Н., Мигранова Л. А. Оплата труда в муниципальном образовании // Народонаселение. 2016. № 1 (71). С. 29–41. EDN: VRCRPH
28. Заработная плата и безработица: динамика и территориальная дифференциация / А. А. Головин [и др.] // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2021. № 1. С. 144–151. URL: <https://www.kgsha.ru/upload/iblock/d6f/d6f4813d7635772e9216e-801b965a088.pdf> (дата обращения: 12.05.2022).
29. Наджафова М. Н. К вопросу оценки реального уровня оплаты труда в регионах страны // Экономические исследования. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-otsenki-realnogo-urovnya-oplaty-truda-v-regionah-strany> (дата обращения: 12.05.2022).
30. Волгин Н. А., Широкова Л. Н., Мосина Л. Л. Актуальные вопросы развития российского севера: компенсационные и стимулирующие системы, направленные на привлечение и закрепление населения в северных и арктических регионах // Уровень жизни населения регионов России. 2018. № 2 (208). С. 34–46. <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2018-10013>
31. Мигранова Л. А. Оплата труда в России в условиях кризиса // Научное обозрение. Сер. 1: Экономика и право. 2016. № 1. С. 22–37. EDN: VVXVAX
32. Ефимова Е. А. Дифференциация средней начисленной заработной платы в Российской Федерации: региональный аспект // Вестник Самарского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2015. № 9-2 (131). С. 26–32. URL: <https://journals.ssau.ru/eco/article/view/5697> (дата обращения: 12.05.2022).
33. Малкина М. Ю. Оценка факторов внутрирегиональной дифференциации доходов населения РФ // Пространственная экономика. 2015. № 3. С. 97–119. <https://doi.org/10.14530/se.2015.3.097-119>
34. Падисов С. Г., Волова Ю. А. Оценка межрегиональной экономической дифференциации регионов севера // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2013. № 7-1 (136). С. 97–102. URL: <https://uchzap.petrstu.ru/files/issue/n136.pdf> (дата обращения: 12.05.2022).
35. Федосеева Ю. А. Дифференциация и методы финансового регулирования заработной платы в Российской Федерации // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 13 (132). С. 467–474. URL: <http://vestnik.osu.ru/doc/1033/article/6198/lang/0> (дата обращения: 12.05.2022).
36. Кабашова Е. В. Заработная плата работников как один из индикаторов для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления // Вестник евразийской науки. 2020. Т. 12, № 6. <https://doi.org/10.15862/72ECVN620>
37. Бакуменко Л. П., Мхитарян В. С. Анализ территориальных различий уровня доходов населения в мезосистеме // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2010. № 2. С. 86–91. EDN: MUZXCR
38. Мигел А. А. Дифференциация заработной платы на региональном уровне: проблемы, выводы, рекомендации // Управленческое консультирование. 2005. № 3 (19). С. 160–171. EDN: KUBXPZ
39. Шитова Ю. Ю. Исследование дифференциации заработной платы в Московской области // Экономическая наука современной России. 2005. № 3 (30). С. 102–109. EDN: KASBZF
40. Ivanova V. Spatial Convergence of Real Wages in Russian Cities // The Annals of Regional Science. 2018. Vol. 61. Pp. 1–30. <https://doi.org/10.1007/s00168-017-0855-0>
41. Skorobogatov A. S. Why do newer Cities Promise Higher Wages in Russia? // Journal of Urban Economics. 2018. Vol. 104. Pp. 16–34. <https://doi.org/10.1016/j.jue.2017.12.003>

42. Вакуленко Е. С. Сравнительный анализ межрегиональной и межсекторной мобильности в России // Экономика региона. 2020. Т. 16, № 4. С. 1193–1207. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-4-13>

43. Мигранова Л. А. Заработная плата в России в 2015–2021 годах // Народонаселение. 2021. Т. 24, № 3. С. 175–190. <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.3.14>

Поступила 20.09.2022; одобрена после рецензирования 28.10.2022; принята к публикации 07.11.2022.

Об авторе:

Прокопьев Егор Александрович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики – обособленного подразделения Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук» (185030, Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, д. 50), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3350-3726>, e_prokoriev@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Toksanbaeva M.S. Minimum Size of Wage and its Differentiation. *Population*. 2020;23(4):40–49. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.4.4>
2. Ovchinnikov V.N., Malkina M.Yu. Determinants of Wage Inequality in Modern Russia. *Terra Economicus*. 2019;17(3):30–47. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-3-30-47>
3. Balyakina N.V. Evaluation of Quality and Living Standards of the Population in the Region. *Drukerovskij vestnik*. 2019;(4):332–338. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17213/2312-6469-2019-4-332-338>
4. Zalomskaya G. Wages Dynamics and Wages Differentiation: The Regional Dimension. *Labour and Social Relations Journal*. 2013;24(5):16–24. Available at: https://atiso.ru/upload/iblock/246/581tu2iub91phe6soksgl7h3h96eui6z/tiso_2013_05.pdf (accessed 12.05.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
5. Eliseeva I.I., Dekina M.P. Differentiation of Wages in the Russian Federation: Territorial Features. *Intellect. Innovations. Investments*. 2020;(5):39–51. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2020-5-39>
6. Sinitsa A.L. Salaries in General Education in Russian Regions. *Population*. 2019;22(2):78–90. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00017>
7. Zabelina O.V., Skovpen V.A., Shirokova L.N. Approaches to the Establishment of Official Salaries of Employment Centers Employees in the Subjects of the Russian Federation. *Russian Journal of Labor Economics*. 2018;5(4):1221–1238. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18334/et.5.4.39507>
8. Sergeeva N.M. Comparative Estimation of the Level of Payment of Labor in the Health Care System of the Federal Districts of the Russian Federation. *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*. 2018;7(4):283–286. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: **YSZHTF**
9. Fokin V.Ya. Classification of Region's Municipalities by Structure and Level of Incomes and Consumer Spending. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2015;(5):89–103. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15838/esc/2015.5.41.6>
10. Sobolev E.N. Remuneration of Labor in the Russian Economy: Trends and Challenges. *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2018;(5):79–96. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24411/2073-6487-2018-00006>
11. Umanets L.V., Laikam K.E., Zhihareva O.B. Statistical Survey on the Wage Differentiation of Employees. *Voprosy statistiki*. 2016;(10):31–43. Available at: <https://voprstat.elpub.ru/jour/article/view/398> (accessed 12.05.2022). (In Russ., abstract in Eng.)

12. Popova L.A., Zorina E.N., Sivkova A.A. The Problem of Middle Class Formation in Northern Region (on the Example of Komi Republic). *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka*. 2018;(6):153–163. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.25702/KSC.2220-802X.6.2018.62.153-163>
13. Peng S. Urban Scale and Wage Premium: Evidence from China. *Journal of the Asia Pacific Economy*. 2019;24(3):468–480. <https://doi.org/10.1080/13547860.2019.1624335>
14. Combes P.-P., Duranton G., Gobillon L. Spatial Wage Disparities: Sorting Matters! *Journal of Urban Economics*. 2008;63(2):723–742. <https://doi.org/10.1016/j.jue.2007.04.004>
15. Díaz Dapena A., Fernández Vázquez E., Rubiera Morollón F. Labor Density and Wages in Spain: Evidence from Geographically Disaggregated Data. *Growth and Change*. 2018;49(1):55–70. <https://doi.org/10.1111/grow.12233>
16. Rusanovskiy V.A., Brovkova A.V., Markov V.A. Modeling the Effects of Spatial Localization in Urban Agglomerations of Russia. *Ekonomicheskaya politika*. 2018;13(6):136–163. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2018-6-136-163>
17. Melo P.C., Graham D.J. Testing for Labour Pooling as a Source of Agglomeration Economies: Evidence for Labour Markets in England and Wales. *Papers in Regional Science*. 2014;93(1):31–52. <https://doi.org/10.1111/j.1435-5957.2012.00462.x>
18. Groizard J.L., Oliver X., Sard M. An Account of the Exporter Wage Gap: Wage Structure and Composition Effects across the Wage Distribution. *The World Economy*. 2022;93(5):1528–1563. <https://doi.org/10.1111/twec.13221>
19. Paredes D. The Role of Human Capital, Market Potential and Natural Amenities in Understanding Spatial Wage Disparities in Chile. *Spatial Economic Analysis*. 2013;8(2):154–175. <https://doi.org/10.1080/17421772.2013.774094>
20. Voeikov M.I., Anisimova G.V., Sobolev E.N. Wage Differentiation in the Russian Economy: Sources, Scale and Trends. *Russian Journal of Economic Theory*. 2010;(2):197–213. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: MTBEOJ
21. Ridhwan M.M. Spatial Wage Differentials and Agglomeration Externalities: Evidence from Indonesian Microdata. *Economic Analysis and Policy*. 2021;71:573–591. <https://doi.org/10.1016/j.eap.2021.06.013>
22. Higashi Y. Spatial Spillovers in job Matching: Evidence from the Japanese Local Labor Markets. *Journal of the Japanese and International Economies*. 2018;50:1–15. <https://doi.org/10.1016/j.jjie.2018.06.001>
23. Kosfeld R., Eckey H.-F. Market Access, Regional Price Level and Wage Disparities: The German Case. *Jahrbuch für Regionalwissenschaft*. 2010;30:105–128. <https://doi.org/10.1007/s10037-010-0047-1>
24. Naydenkova K.V. Social Differentiation of Territories as a Constraining Factor for the Regional Development of the Kaluga Region. *Russian Economic Online Journal*. 2020;(4). Available at: <https://www.e-rej.ru/upload/iblock/33b/33beec771be8d33e03029a65660337f7.pdf> (accessed 12.05.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
25. Grishina E.E., Kazakova Yu.M., Lyashok V.Yu. Wage Inequality in Russia: Regional and Occupational Aspects. *Voprosy statistiki*. 2016;(11):45–52. Available at: <https://voprstat.elpub.ru/jour/article/view/412> (accessed 12.05.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
26. Baldynova E.V., Malyutina S.A. Comparative Analysis of Average Monthly Real Wages of Employees – Case Study of the Towns of Irkutsk Oblast. *Bulletin of Baikal State University*. 2017;27(4):607–617. (In Russ., abstract in Eng.) [https://doi.org/10.17150/2500-2759.2017.27\(4\).607-617](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2017.27(4).607-617)
27. Ivashinenko N.N., Migranova L.A. Payment for Work in Municipal Units. *Population*. 2016;(1):29–41. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: VRCRPH
28. Golovin A.A., Bystritskaya A.Yu., Zyukin D.V., Bashkatova V.Ya., Golovin A.A. Wages and Unemployment: Dynamics and Territorial Differentiation. *Vestnik Kurskoi gosudarstvennoi sel'skokhozyaistvennoi akademii*. 2021;(1):144–151. Available at: <https://www.kgsha.ru/upload/iblock/d6f/d6f4813d7635772e9216e801b965a088.pdf> (accessed 12.05.2022). (In Russ., abstract in Eng.)

29. Nadzhafova M.N. [On the Issue of Assessing the Real Level of Wages in the Regions of the Country]. *Ekonomicheskie issledovaniya*. 2019;(1). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-vo-prosu-otsenki-realnogo-urovnya-oplaty-truda-v-regionah-strany> (accessed 12.05.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
30. Volgin N.A., Shirokova L.N., Mosina L.L. Topical Questions of Developing the Russian North: Compensation and Incentive Systems Intended to Attract and Consolidate the Population in the Northern and Arctic Regions. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2018;14(2):34–46. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19181/1999-9836-2018-10013>
31. Migranova L.A. Labour Remuneration in Russia under Crisis Conditions. *Scientific Review. Series I: Economics and Law*. 2016;(1):22–37. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: VVXVAX
32. Efimova E.A. Average Accrued Wages Differentiation in the Russian Federation: Regional Dimension. *Vestnik of Samara University. Economics and Management*. 2015;(9-2):26–32. Available at: <https://journals.ssau.ru/eco/article/view/5697> (accessed 12.05.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
33. Malkina M.Yu. Evaluation of the Factors of Intra-Regional Income Differentiation of the Russian Population. *Spatial Economics*. 2015;(3):97–119. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14530/se.2015.3.097-119>
34. Padisov S.G., Volova Yu.A. Assessment of Interregional Economic Differentiation of Northern Regions. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2013;(7-1):97–102. Available at: <https://uchzap.petrso.ru/files/issue/n136.pdf> (accessed 12.05.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
35. Fedoseeva J.A. Differentiation and Methods of Financial Regulation of a Salary in the Russian Federation. *Vestnik of the Orenburg State University*. 2011;(13):467–474. Available at: <http://vestnik.osu.ru/doc/1033/article/6198/lang/0> (accessed 12.05.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
36. Kabashova E.V. Wages of Employees as One of the Indicators for Assessing the Effectiveness of Local Government Bodies. *The Eurasian Scientific Journal*. 2020;12(6). (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15862/72ECVN620>
37. Bakumenko L.P., Mhitaryan V.S. Analysis of Territorial Differences in the Level of Income of the Population in the Mesosystem. *Ekonomika, statistika i informatika. Vestnik UMO*. 2010;(2):86–91. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: MUZXCR
38. Migel A.A. [Wage Differentiation at the Regional Level: Problems, Conclusions, Recommendations]. *Administrative Consulting*. 2005;(3):160–171. (In Russ.) EDN: KUBXPZ
39. Shitova Yu.Yu. Research of Differentiation of Wages in the Moscow Area. *Economics of Contemporary Russia*. 2005;(3):102–109. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: KASBZF
40. Ivanova V. Spatial Convergence of Real Wages in Russian Cities. *The Annals of Regional Science*. 2018;61:1–30. <https://doi.org/10.1007/s00168-017-0855-0>
41. Skorobogatov A.S. Why do newer Cities Promise Higher Wages in Russia? *Journal of Urban Economics*. 2018;104:16–34. <https://doi.org/10.1016/j.jue.2017.12.003>
42. Vakulenko E.S. Comparative Analysis of Interregional and Intersectoral Mobility in Russia. *Economy of Region*. 2020;16(4):1193–1207. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-4-13>
43. Migranova L.A. Wages in Russia in 2015–2021. *Population*. 2021;24(3):175–190. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.3.14>

Submitted 20.09.2022; revised 28.10.2022; accepted 07.11.2022.

About the author:

Egor A. Prokopyev, Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher, Institute of Economics, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (50 Nevsky Ave., Petrozavodsk 185030, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3350-3726>, e_prokopiev@mail.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ /
ECONOMIC SOCIOLOGY AND DEMOGRAPHY**

УДК 314.143

doi: 10.15507/2413-1407.123.031.202302.357-374

Оригинальная статья

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

**Экономические детерминанты рождений
высоких порядков в России:
исследование на основе анализа
региональной дифференциации****О. М. Шубат**

*Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(г. Екатеринбург, Российская Федерация)
o.m.shubat@urfu.ru*

Аннотация

Введение. Демографическая проблематика – одна из наиболее острых в современной России. Негативные демографические тенденции, специфическим образом проявляющиеся в регионах страны, актуализируют исследование тенденций, причин и последствий снижения рождаемости с целью разработки эффективных мер ее поддержки и стимулирования. При этом изучение региональной дифференциации особенно востребовано в отношении рождений высоких порядков, поскольку для преодоления негативных демографических трендов и увеличения численности населения в стране необходим рост числа рождений третьих и последующих детей. Цель статьи – изучить особенности региональной дифференциации рождений высоких порядков в России и оценить возможности влияния на них экономических факторов.

Материалы и методы. В качестве информационной базы использовались региональные демографические показатели Росстата за 2018–2021 гг., рейтинги регионов агентства «РИА Рейтинг». Применялись методы описательной статистики, корреляционный анализ, параметрические и непараметрические тесты сравнения выборок. На основе критерия Тьюки выделялись и отдельно описывались регионы с нетипичными значениями уровня рождаемости.

Результаты исследования. Анализ выявил высокий уровень региональной дифференциации рождений высоких порядков; показал отсутствие взаимосвязи между уровнем рождаемости третьих и последующих детей и следующими экономическими факторами в регионах: реализация программ регионального материнского капитала, уровень социально-экономического развития региона и уровень благосостояния семей в регионе. Определено, что эти факторы не взаимосвязаны и с характером динамики рождений высоких порядков.

Обсуждение и заключение. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что детерминанты рождений высоких порядков не ограничиваются экономическими условиями жизни населения. Эффективность реализуемых экономических мер поддержки и стимулирования рождаемости не была подтверждена. Результаты могут быть использованы для оценки эффективности государственных мер пронаталистской направленности. Понимание особенностей и причин

© Шубат О. М., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

складывающейся региональной дифференциации рождений высоких порядков позволит строить более обоснованные прогнозы демографической динамики.

Ключевые слова: рождаемость, рождения высоких порядков, региональный материнский капитал, российские регионы, уровень социально-экономического развития, уровень благосостояния семей, региональная дифференциация

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование проведено в рамках проекта «Институты поддержки российской пронаталистской политики: потенциал и перспективы влияния на рост рождаемости», поддержанного Советом по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-1327.2022.2).

Для цитирования: Шубат О. М. Экономические детерминанты рождений высоких порядков в России: исследование на основе анализа региональной дифференциации // Регионология. 2023. Т. 31, № 2. С. 357–374. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.123.031.202302.357-374>

Original article

Economic Determinants of High Order Births in Russia: The Study Based on the Analysis of Regional Differentiation

O. M. Shubat

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin
(Ekaterinburg, Russian Federation)
o.m.shubat@urfu.ru

Abstract

Introduction. Demographic problems are one of the acutest in modern Russia. Negative demographic trends which are specifically manifested in the regions of the country, actualize the study of trends, causes and consequences of the decline in fertility. This will allow developing more effective measures of state support and stimulation of the birth rate. At the same time, the study of regional differentiation is especially in demand in relation to higher-order births. An increase in the number of births of third and subsequent children is necessary to overcome negative demographic trends and increase the population in the country. The purpose of the article is to study the features of regional differentiation of high order births in Russia and to assess the influence of economic factors on them.

Materials and Methods. The demographic indicators of Rosstat for 2018–2021, presented in the regional context, were used as an information base; ratings of regions of the agency RIA Rating. The methods of descriptive statistics, correlation analysis and comparison tests were used. Based on the Tukey criterion the regions with atypical values of the birth rate were identified and described separately.

Results. The analysis has revealed a high level of regional differentiation of higher-order births; showed no relationship between the birth rate of third and subsequent children and the following economic factors in the regions: the implementation of regional maternity capital programs, the level of socio-economic development of the region and the level of well-being of families in the region. The analysis has showed that these factors are not related to the nature of the dynamics of the birth rate of third and subsequent children in the regions of Russia.

Discussions and Conclusions. The results obtained have allowed us to conclude that the determinants of high-order births in Russia are not limited to the economic conditions of the population's life. The effectiveness of the economic measures implemented in the country to support and stimulate high-order births has not been confirmed. The results can be used to evaluate the effectiveness of pronatalist state measures. Understanding the features and causes of the emerging regional differentiation of high-order births will make it possible to build more reasonable forecasts of demographic dynamics.

Keywords: birth rate, higher-order births, regional maternity capital, Russian regions, level of socio-economic development, level of well-being of families, regional differentiation

Conflict of interests. The author declares that there is no conflict of interest.

Funding. The study was conducted as part of the project “Russian Pro-Natalist Policy Support Institutions: Potential and Prospects for Influencing Birth Rate Growth” supported by the Council for Grants of the President of the Russian Federation for State Support to Leading Scientific Schools of the Russian Federation. (SS-1327.2022).

For citation: Shubat O.M. Economic Determinants of High Order Births in Russia: The Study Based on the Analysis of Regional Differentiation. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(2):357–374. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.123.031.202302.357-374>

Введение. Демографическая проблематика – одна из наиболее острых в современной России. Несмотря на предпринимаемые государством меры, направленные на стимулирование и рост рождаемости, в ее динамике очевидно наметился нисходящий тренд. Так, с 2016 г. в стране неуклонно снижается общий коэффициент рождаемости. При этом разница между числами умерших и родившихся с каждым годом становится все более заметной, естественная убыль населения увеличивается (с уровня -0,01 ‰ в 2016 г. до -7,1 ‰ в 2021 г.)¹. Негативные демографические тренды актуализируют исследование причин и последствий снижения рождаемости с целью разработки эффективных мер ее поддержки и стимулирования.

Демографические процессы, протекающие в России, традиционно характеризуются высоким уровнем региональной дифференциации. К примеру, в 2022 г. минимальное значение суммарного коэффициента рождаемости составляло 1,04 (г. Санкт-Петербург), а максимальное – 2,94 (Республика Тыва). Таким образом, наиболее высокий региональный уровень рождаемости превышал самый низкий уровень более чем в 2 раза. Наличие такой дифференциации требует, с одной стороны, научного изучения и осмысления, а с другой – обязательного учета при разработке мер демографической политики и формировании демографических прогнозов. При этом изучение региональной дифференциации особенно востребовано в отношении рождений высоких порядков – вторых, третьих и последующих детей. Как известно, для простого замещения поколений в обществе суммарный коэффициент рождаемости должен составлять 2,1 ребенка на женщину. Очевидно, что для увеличения численности населения в стране необходим рост числа рождений третьих и последующих детей.

Важным является не только исследование региональной дифференциации рождаемости, но и определение причин такой разницы в ее уровнях, анализ детерминант рождаемости. Это исключительно важно для разработки и внедрения эффективных мер государственной поддержки и стимулирования рождаемости, направленных на преодоление складывающихся негативных демографических трендов. При анализе таких детерминант важно учитывать и порядок рождения. Авторы исследований выделяют очень разные факторы, влияющие на рождения первых, вторых и последующих детей [1; 2].

Цель статьи – изучить особенности региональной дифференциации рождений высоких порядков в России (рождаемость третьих и последующих детей) и оценить возможности влияния на них экономических факторов. Именно

¹ Рождаемость, смертность и естественный прирост населения [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики : сайт. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/vita1_bd.htm (дата обращения: 07.10.2022).

экономические детерминанты сегодня являются приоритетными в разрабатываемых мерах пронаталистской политики; они предусмотрены и национальным проектом «Демография», в рамках которого разработаны меры, направленные на обеспечение финансовой поддержки семей с детьми².

Обзор литературы. В отечественной и зарубежной демографии детерминация рождаемости является традиционным объектом изучения. При этом наиболее часто исследуются экономические детерминанты (уровень доходов населения [3], денежные пособия [4]). В последние годы актуальными стали исследования, в которых рассматривается динамика рождаемости под влиянием, изменившегося в условиях пандемии COVID-19 уровня доходов населения [5]. Еще одной экономической детерминантой рождаемости, которая активно изучается современными исследователями, является уровень безработицы – всего населения [6] или только среди женщин [7], а также стабильность занятости и возможность гибких ее форм у потенциальных родителей [8]. Часто анализируется такая детерминанта рождаемости, как уровень образования (только женщин или обоих родителей), которая определяет уровень дохода, статус занятости, устойчивость этого статуса и ряд других параметров рынка труда [9; 10]. В российских исследованиях в качестве значимой детерминанты рождаемости часто рассматривается материнский капитал [11; 12]. Отельные (пока немногочисленные) работы посвящены анализу влияния регионального материнского капитала на рождаемость [13; 14].

Особо актуальным для России является изучение региональной дифференциации рождаемости. Достаточно большой пул современных демографических исследований проводится именно в этом направлении – изучаются региональные особенности динамики рождаемости [15; 16], тенденций ее снижения [17], сезонности [18] и детерминации [19]. Анализ детерминации рождаемости проводится и на уровне отдельных регионов, с учетом специфики сложившихся на территории социально-культурных, экономических, политических особенностей [20; 21].

Несмотря на то, что в отечественной демографии вопросы, связанные с детерминацией рождаемости, достаточно глубоко проработаны и активно исследуются в отношении отдельных экономических факторов, все же детерминанты рождений разной очередности изучаются гораздо реже.

Материалы и методы. Для изучения особенностей региональной дифференциации рождений высоких порядков в настоящем исследовании использовался показатель суммарного коэффициента рождаемости третьих и последующих детей (далее – СКР 3+), представленный в региональном разрезе (для 85 субъектов Федерации) за период с 2018 по 2021 г.³. Статистических данных за более длительный период для полного перечня российских регионов в российской статистике нет – с 1997 г. в стране не собирались данные об очередности рождений детей в семьях.

² Паспорт федерального проекта «Финансовая поддержка семей при рождении детей» (Национальный проект «Демография») [Электронный ресурс] // Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации : сайт. URL: <https://mintrud.gov.ru/uploads/magic/ru-RU/Ministry-0-1171-src-1631193510.0461.pdf> (дата обращения: 08.10.2022).

³ Суммарный коэффициент рождаемости третьих и последующих детей (число детей на одну женщину) [Электронный ресурс] // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) : сайт. URL: <https://fedstat.ru/indicator/59772> (дата обращения: 09.10.2022).

Важно отметить, что в регионах страны различаются не только уровни рождаемости, но и динамика этих уровней. Очевидно, что оценки изменчивости, подвижности региональных структур рождаемости исключительно важны для усиления информационного базиса пронаталистской (и в целом – демографической) политики. В силу этого в процессе настоящего исследования были задействованы не только стационарные оценки уровней рождаемости третьих и последующих детей в регионах, но также и коэффициенты роста этих уровней за период с 2018 по 2021 г.

Выбор показателей, обладающих потенциалом влияния на особенности региональной дифференциации рождений высоких порядков, в настоящем исследовании был обусловлен рядом обстоятельств. С одной стороны, были учтены результаты имеющихся в отечественной и зарубежной демографии исследований. В частности, ранее многими авторами была обоснована несущественность воздействия на рождаемость различного рода экономических факторов. Однако изучение таких факторов в современных условиях все же может считаться необходимым. Известно, что валидность используемого в анализе индикатора может существенным образом влиять на полученный результат. Неполная (недостаточная) валидность может приводить к некорректным результатам. В большинстве современных демографических исследований в качестве экономической детерминанты авторы используют тот или иной показатель (например, уровень дохода, обеспеченность жильем, материнский капитал и др.). Однако демографические, социальные, экономические процессы в обществе протекают не изолированно друг от друга, они взаимообусловлены. Часто в реальных условиях невозможно выявить воздействие только какого-то одного фактора, исключив влияние на целевой индикатор множества других факторов. В силу этого для изучения экономических детерминант рождаемости необходимы комплексные показатели, учитывающие совокупное влияние одновременно нескольких потенциальных детерминант рождаемости. В настоящем исследовании в качестве потенциальных детерминант рождений высоких порядков рассматривались интегральные показатели, характеризующие уровень социально-экономического развития регионов и уровень благосостояния семей в регионах. Для изучения таких детерминант использовались следующие информационные ресурсы:

– данные рейтингов социально-экономического положения субъектов Федерации, ежегодно составляемого агентством «РИА Рейтинг» медиагруппы МИА «Россия сегодня»⁴;

– данные рейтингов регионов по уровню благосостояния семей, представляемых агентством «РИА Рейтинг»⁵.

Особый исследовательский интерес представляет такая потенциальная детерминанта рождений высоких порядков, как региональный материнский капитал.

⁴ Названы регионы-лидеры и аутсайдеры социально-экономического развития [Электронный ресурс] // РИА Рейтинг : сайт. URL: <https://riarating.ru/regions/20220516/630222182.html> (дата обращения: 09.10.2022).

⁵ Рейтинг регионов по уровню благосостояния семей – 2021 [Электронный ресурс] // РИА Рейтинг : сайт. URL: <https://riarating.ru/infografika/20210616/630202363.html> (дата обращения: 09.10.2022).

Данная мера поддержки и стимулирования рождаемости в отдельных регионах России начала внедряться в 2011 г. При этом каких-либо унифицированных подходов и принципов внедрения данной меры в стране нет. Регионы вправе сами определять как ее размер, так и условия получения. Таким образом, в качестве еще одной потенциальной детерминанты рождений высоких порядков в данном исследовании рассматривался региональный материнский капитал. Использовались данные о наличии в регионах программ регионального материнского капитала (по состоянию на момент проведения исследования), которые в аккумулярованном виде представлены на информационном портале «Материнский (семейный) капитал»⁶.

В процессе анализа применялись методы описательной статистики, статистической сводки и группировки. Из исследуемой совокупности выделялись и отдельно описывались регионы с нетипично высокими либо нетипично низкими значениями СКР 3+ (так называемые выбросы распределения). Идентификация таких регионов проводилась на основе графоаналитического метода – строились диаграммы Box plot с применением критерия Тьюки, согласно которому значения, отстоящие от первого или третьего квартиля на величину 1,5 межквартильных размаха и более, идентифицируются как «выбросы»⁷. Для оценки возможности влияния на рождения высоких порядков экономических детерминант применялись методы корреляционного анализа (на основе коэффициента корреляции Пирсона и ранговой корреляции Спирмена), t-тесты на равенство средних, а также непараметрические тест Манна – Уитни и медианный тест. Статистический анализ проводился в пакете SPSS.

Результаты исследования. Проведенный анализ позволил получить ряд значимых результатов, которые для удобства восприятия были объединены в две группы: 1) результаты, полученные на основе анализа региональной дифференциации рождений высоких порядков; 2) результаты, полученные на основе анализа региональной дифференциации *динамики* рождений высоких порядков. Представим каждую группу.

Результаты, полученные на основе анализа региональной дифференциации рождений высоких порядков. В данной группе можно выделить 4 наиболее существенных результата.

1. Анализ показал значительную региональную дифференциацию рождений высоких порядков. При этом на основе критерия Тьюки были выявлены регионы с нетипично высокими значениями СКР 3+ (табл. 1). В наибольшей степени выделяются уровни рождений высоких порядков в Туве и Чечне (здесь динамика таких рождений более стабильна). Интересно, что в 2021 г. значения СКР 3+, равные 0,67–0,68, уже не идентифицируются в качестве «выбросов» распределения, как это было в предыдущие годы. Этот факт свидетельствует о том, что в российских регионах произошел некоторый рост уровня рождаемости третьих и последующих детей.

⁶ Информационный портал «Материнский (семейный) капитал» [Электронный ресурс]. URL: https://materinskiy-semeynyy-kapital.ru/regionalnyj_materinskij_kapital_i_socialnaja_podderzhka_mnogodetnyh_semej/ (дата обращения: 09.10.2022).

⁷ Tukey J. W. Exploratory Data Analysis. Addison-Wesley Pub., 1977. 712 p.

Таблица 1. Значения СКР 3+ в регионах-«выбросах» (на основе критерия Тьюки), 2018–2021 гг.⁸

Table 1. TFR 3+ in outlier regions (based on the Tukey test), 2018–2021

Регион / Region	2018	2019	2020	2021
Республика Тыва / Republic of Tuva	1,19	1,13	1,43	1,43
Чеченская Республика / Chechen Republic	1,36	1,33	1,33	1,33
Республика Ингушетия / Republic of Ingushetia	1,03	1,04	1,03	1,05
Алтайский край / Altai Territory	0,80	0,79	0,81	0,83
Республика Дагестан / Republic of Dagestan	0,68	0,69	0,71	0,68*
Ненецкий автономный округ / Nenets Autonomous Area	0,67	0,71	0,79	0,68*
Республика Саха (Якутия) / Republic of Sakha (Yakutia)	0,61*	0,61	0,68	0,67*
Республика Бурятия / Republic of Buryatia	0,61*	0,60*	0,66	0,68*

* Значение не является «выбросом» в данный год / The value is not an outlier in the given year.

2. Анализ показал, что регионы с нетипично высокими значениями СКР 3+ характеризуются очень неоднородной ситуацией в отношении программ регионального материнского капитала (РМК). В них различаются и суммы выплат, и порядок рождения, который дает право на получение РМК, и возможные направления его расходования. Кроме того, не во всех таких регионах программы РМК действуют. Выявленные факты не позволяют делать вывод о позитивном влиянии данной меры на рождаемость.

Взаимосвязь между наличием РМК на третьих детей и СКР 3+ не подтверждается и на большей совокупности регионов. Так, в ходе анализа были сопоставлены показатели 10 регионов с наиболее высокими и 10 регионов с наиболее низкими уровнями СКР 3+. Как оказалось, для регионов из числа топ-10 программа РМК также не является обязательным атрибутом – есть регионы, где программы РМК действуют, и есть те, где такой региональной меры поддержки рождаемости не предусмотрено. В таблице 2 представлена сводная информация по состоянию на 2021 г. Аналогичная ситуация наблюдается и в другие годы, охваченные исследованием.

Возможность влияния РМК на рождаемость была оценена и на основе корреляционного анализа – сопоставлялись уровни рождений высоких порядков и размеры РМК в регионах. При этом использовались стандартизированные показатели – размер регионального материнского капитала был отнесен к уровню медианного дохода населения. Анализ не подтвердил наличие взаимосвязи – коэффициенты корреляции $r_{\text{Пирсона}}$ и $r_{\text{Спирмена}}$ оказались статистически незначимыми. На рисунке представлены данные для 2021 г.; аналогичная ситуация наблюдалась и в другие годы, охваченные исследованием.

Статистические тесты на равенство средних (t-тесты), а также непараметрический тест Манна – Уитни и медианный тест также не подтвердили влияние РМК на уровни рождений высоких порядков. Эти уровни не различались в двух группах регионов – реализующих и не реализующих программы регионального материнского капитала. В таблицах 3 и 4 представлены наиболее важные результаты проведенных тестов для 2021 г. Для других периодов были получены аналогичные результаты.

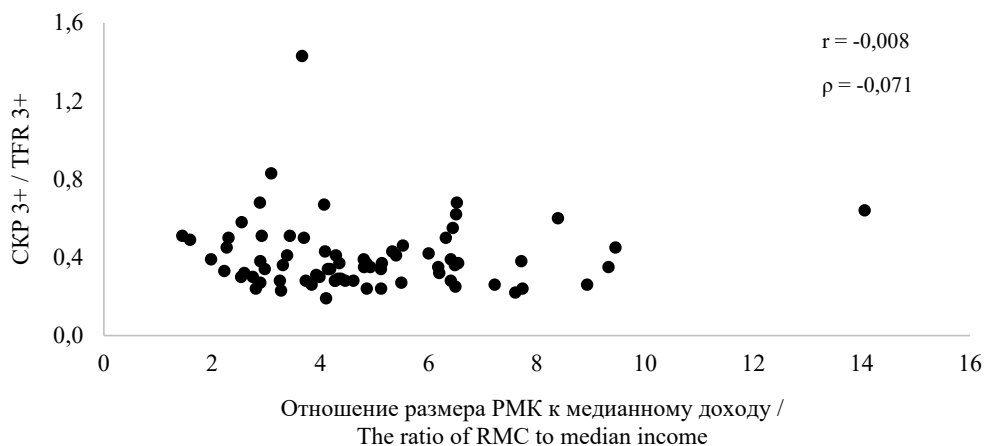
⁸Здесь и далее в статье таблицы и рисунок составлены автором.

Таблица 2. Наличие программ РМК и рейтинги субъектов Российской Федерации по уровню социально-экономического развития (СЭР) и благосостояния семей (БС) в регионах с наиболее высокими и наиболее низкими уровнями СКР 3+ в 2021 г.

Table 2. The regional maternity capital (RMC) programs and ranks of the subjects of the Russian Federation by the level of socio-economic development (SED) and family well-being (FW) in regions with the highest and lowest TFR 3+ in 2021

Субъект / Subject	СКР 3+ / TFR 3+	РМК на третьего ребенка / RMC for the third child	Ранг по уровню СЭР / SED Rank	Ранг по уровню БС / FW Rank
<i>Топ-10 субъектов Российской Федерации с наименьшими значениями СКР 3+ / Top 10 subjects of the Russian Federation with the lowest TFR 3+</i>				
Ивановская область / Ivanovo region	0,26	+	61	84
Орловская область / Orel region	0,25	+	63	68
Ленинградская область / Leningrad region	0,24	+	10	15
г. Санкт-Петербург / St. Petersburg	0,24	+	2	6
Пензенская область / Penza region	0,24	–	50	52
Воронежская область / Voronezh region	0,24	+	19	29
Республика Мордовия / Republic of Mordovia	0,24	+	65	57
Белгородская область / Belgorod region	0,23	+	12	27
Смоленская область / Smolensk region	0,22	+	56	69
г. Севастополь / Sevastopol	0,19	+	64	67
<i>Топ-10 субъектов Российской Федерации с наибольшими значениями СКР 3+ / Top 10 subjects of the RF with the highest TFR 3+</i>				
Республика Тыва / Republic of Tuva	1,43	–	83	21
Республика Чечня / Chechen Republic	1,33	–	69	83
Республика Ингушетия / Republic of Ingushetia	1,05	–	81	75
Алтайский край / Altai Territory	0,83	–	82	54
Республика Дагестан / Republic of Dagestan	0,68	+	58	78
Ненецкий автономный округ / Nenets Autonomous Area	0,68	+	59	8
Республика Бурятия / Republic of Buryatia	0,68	+	72	48
Республика Саха (Якутия) / Republic of Sakha (Yakutia)	0,67	+	28	9
Кабардино-Балкарская Республика / Kabardino-Balkarian Republic	0,64	–	77	85
Республика Калмыкия Republic of Kalmykia	0,62	+	85	74

Р и с у н о к. Соотношение размера РМК и уровней рождений
высоких порядков в регионах России в 2021 г.

Figure. The value of Regional Maternity Capital and high-order births
in Russian regions in 2021

Таблица 3. Т-тест для независимых выборок (тестируемая переменная – СКР 3+ в 2021 г.)

Table 3. Independent samples t-test (TFR 3+ in 2021 is testing variable)

Показатель / Indicator	Критерий равенства дисперсий Ливиния / Levene's Test for Equality of Variances		t-критерий для равенства средних / t-Test for Equality of Means		
	F	Значимость / Significance	t	Степени свободы / degrees of freedom	Значимость (двухсторонняя) / Significance (2-tailed)
Предполагаются равные дисперсии / Equal variances assumed	10,442	0,002	-1,967	83	0,053
Не предполагаются равные дисперсии / Equal variances not assumed			-1,215	10,770	0,251

Таблица 4. Тест Манна – Уитни (тестируемая переменная – СКР 3+ в 2021 г.)

Table 4. Mann-Whitney Test (TFR 3+ in 2021 is testing variable)

Статистики теста / Test Statistics	Значение / Value
U Манна – Уитни / Mann-Whitney U	331,500
W Вилкоксона / Wilcoxon W	3106,500
Z	-0,989
Асимптотическая значимость (2-сторонняя) / Asymptotic Significance (2-tailed)	0,322

3. Проведенный анализ не показал наличие взаимосвязи между уровнями социально-экономического развития региона и рождаемости высоких порядков. Субъекты Федерации с наиболее высокими и наиболее низкими значениями СКР 3+ находятся в самых разных частях рейтинга социально-экономического развития регионов – СЭР (см. табл. 2). Так, например, в 2021 г. из 10 субъектов

Федерации с наименьшими уровнями рождений высоких порядков 4 находились в верхней части рейтинга СЭР, т. е. в первом квартиле, а 6 – в нижней половине рейтинга.

Проведенный корреляционный анализ также на подтвердил взаимосвязь рождаемости высоких порядков и уровня социально-экономического развития регионов – рассчитанные коэффициенты корреляции Пирсона и ранговой корреляции Спирмена оказались статистически незначимыми.

4. Анализ не показал наличие взаимосвязи и между рождаемостью высоких порядков в регионе и уровнем благосостояния семей в нем. Субъекты Федерации с наиболее высокими и наиболее низкими значениями СКР 3+ находятся в самых разных частях рейтинга благосостояния семей (табл. 2). Результаты корреляционного анализа также не показали наличие взаимосвязи рождаемости высоких порядков и уровня благосостояния регионов.

Результаты, полученные на основе анализа региональной дифференциации динамики рождений высоких порядков. Здесь можно выделить 4 наиболее существенных результата.

1. В рассматриваемый период времени динамику числа рождений третьих и последующих детей в регионах можно охарактеризовать как положительную. В среднем СКР 3+ в регионах демонстрировал ежегодный рост, пусть и незначительный (табл. 5). Показательным здесь является тот факт, что в 2020–2021 гг., когда Россия переживала пандемию COVID-19, существенного снижения рождаемости третьих и последующих детей не произошло.

Таблица 5. Дифференциация динамики СКР 3+ в российских регионах

Table 5. Differentiation of TFR 3+ dynamics in the Russian regions

Показатель / Indicator	Годовые коэффициенты роста СКР 3+ / TFR 3+ annual growth rates		
	2019 г. к 2018 г. / 2019 to 2018	2020 г. к 2019 г. / 2020 to 2019	2021 г. к 2020 г. / 2021 to 2020
Региональный минимум / Regional minimum	0,844	0,905	0,861
Региональный максимум / Regional maximum	1,192	1,265	1,147
Медиана / Median	1,000	1,065	1,042
Стандартное отклонение / Standard deviation	0,045	0,054	0,045
Среднее значение / Mean value	1,006	1,062	1,039
Коэффициент вариации / CV, %	4	5	4
Количество регионов, в которых наблюдалось снижение СКР 3+ / The number of regions in which TFR 3+ decreased	23	5	9

Можно отметить следующие важные особенности положительной динамики СКР 3+ в российских регионах.

Во-первых, в рассматриваемый период времени региональная дифференциация динамики СКР 3+ была очень незначительной. Это подтверждает и соотношение минимаксных значений (оно не такое внушительное, как в случае

с дифференциацией уровней рождаемости), и низкие значения коэффициентов вариации (4–5 %). Таким образом, можно говорить об однородности (похожести) динамики СКР 3+ в регионах России (табл. 5).

Во-вторых, несмотря на то, что в большинстве регионов наблюдался рост СКР 3+, все же были и такие субъекты Федерации, где этот показатель снижался. Однако в 2020 и 2021 гг. таких субъектов было существенно меньше, чем в 2019 г., когда негативная динамика наблюдалась более, чем в четверти российских регионов (табл. 5).

В-третьих, состав регионов, в которых наблюдалось падение числа рождений высоких порядков, не был постоянным в рассматриваемые годы – снижение СКР 3+ в разные годы наблюдалось в самых разных регионах, и не было выявлено ни одного субъекта Федерации, где СКР 3+ неуклонно бы снижался.

2. Проведенный анализ показал, что характер динамики СКР 3+ в российских регионах не связан с реализацией в них программ РМК. Так, в регионах с наиболее заметными приростами числа рождений высоких порядков необязательно реализуются программы РМК. Сказанное относится и к регионам, в которых наблюдалось снижение СКР 3+. В таблице 6 показаны эти данные для 2021 г. (в качестве регионов с наиболее заметным приростом СКР 3+ рассматривались те, в которых прирост составил более 10 %; меньшие уровни прироста СКР 3+ в 2021 г. встречались у достаточно большого числа регионов). В другие годы ситуация складывалась аналогичным образом. Проведенный корреляционный анализ также не подтвердил исследуемую взаимосвязь – рассчитанные коэффициенты корреляции Пирсона и ранговой корреляции Спирмена оказались статистически незначимыми.

3. В ходе анализа не было выявлено взаимосвязи между уровнем социально-экономического развития региона и особенностями динамики рождений высоких порядков в нем. Субъекты Федерации с наиболее высокими темпами роста СКР 3+, а также субъекты, в которых наблюдалось его снижение, находятся в самых разных частях рейтинга социально-экономического развития регионов (табл. 6).

Так, например, в 2021 г. 8 субъектов Федерации с наиболее выраженной положительной динамикой СКР 3+ разместились во всех четырех квартилях рейтинга социально-экономического развития регионов. Аналогичная ситуация наблюдалась и в отношении тех субъектов Федерации, где СКР 3+ в 2021 г. снизился (табл. 6). Отмеченные закономерности проявились и в другие годы. Проведенный корреляционный анализ также не подтвердил исследуемую взаимосвязь – рассчитанные коэффициенты корреляции Пирсона и ранговой корреляции Спирмена оказались статистически незначимыми.

4. Проведенный анализ также не выявил взаимосвязи между уровнем благосостояния семей в регионе и особенностями динамики СКР 3+. Субъекты Федерации с наиболее высокими темпами роста СКР 3+, а также субъекты, в которых наблюдалось его снижение, находятся в самых разных частях рейтинга благосостояния семей (табл. 6).

Таблица 6. Наличие программ регионального материнского капитала и рейтинги субъектов Российской Федерации по уровню социально-экономического развития (СЭР) и благосостояния семей (БС) в регионах с наиболее высокими темпами роста СКР 3+ и в регионах с падением СКР 3+ в 2021 г.

Table 6. The regional maternity capital (RMC) programs and regions' ranks by the level of socio-economic development (SED) and family well-being (FW) in regions with the highest growth in TFR 3+ and in regions with a drop in TFR 3+ in 2021

Субъект / Subject	Коэффициент роста СКР 3+ / Growth rate of TFR 3+	РМК на третьего ребенка / RMC for the third child	Ранг по уровню СЭР / SED Rank	Ранг по уровню БС / FW Rank
<i>Субъекты Российской Федерации с наибольшими приростами СКР 3+ / Subjects of the Russian Federation with the highest growth in TFR 3+</i>				
Челябинская область / Chelyabinsk region	1,147	+	19	37
Республика Карелия / Republic of Karelia	1,133	+	72	49
г. Москва / Moscow	1,120	–	1	3
Ярославская область / Yaroslavl region	1,111	+	38	45
Сахалинская область / Sakhalin region	1,109	+	18	2
Республика Коми / Komi Republic	1,108	+	43	17
Удмуртская Республика / Udmurtian Republic	1,105	–	44	44
Ульяновская область / Ulyanovsk region	1,103	+	57	62
<i>Субъекты Российской Федерации с падением СКР 3+ / Subjects of the Russian Federation with a drop in TFR 3+</i>				
Республика Саха (Якутия) / Republic of Sakha (Yakutia)	0,985	+	35	9
Карачаево-Черкесская Республика / Karachayevo-Circassian Republic	0,982	–	81	80
Магаданская область / Magadan region	0,971	+	64	5
Калининградская область / Kaliningrad region	0,966	+	32	61
Мурманская область / Murmansk region	0,966	+	21	12
Орловская область / Orel region	0,962	+	62	68
Республика Дагестан The Republic of Dagestan/	0,958	–	49	78
Костромская область / Kostroma region	0,941	–	69	76
Ненецкий автономный округ / Nenets Autonomous Area	0,861	+	61	8

Так, например, в 2021 г. регионы с наиболее выраженной положительной динамикой СКР 3+ разместились в трех из четырех квартилях рейтинга благосостояния семей. Аналогичная ситуация наблюдалась и в отношении тех регионов, где СКР 3+ в этом году снизился (табл. 6). Результаты корреляционного анализа также не показали наличие взаимосвязи.

Обсуждение и заключение. Полученные результаты поднимают ряд дискуссионных вопросов.

Прежде всего, проведенное исследование показало, что состав регионов, в которых наблюдалось падение числа рождений высоких порядков, не был постоянным в рассматриваемые годы; не совпадал он и с составом регионов, в которых наблюдались наиболее низкие или, наоборот, наиболее высокие уровни рождаемости. Таким образом, в отношении рождений высоких порядков в регионах мы не можем говорить ни о конвергентных, ни о дивергентных тенденциях.

Выявленные особенности, безусловно, требуют изучения в рамках отдельного исследования. Их понимание позволит разрабатывать более эффективные меры государственной поддержки рождаемости как на федеральном, так и на региональном уровнях. Кроме того, понимание особенностей и причин складывающейся региональной дифференциации рождений высоких порядков позволит строить более обоснованные (и потому более надежные) прогнозы демографической динамики.

Важным результатом, заслуживающим обсуждения (и, очевидно, дальнейшего изучения), является не подтвердившаяся взаимосвязь между уровнем рождаемости третьих и последующих детей и такими экономическими факторами, как реализация программы регионального материнского капитала, уровень социально-экономического развития региона и уровень благосостояния семей в регионе. Проведенный анализ показал, что эти факторы не взаимосвязаны и с характером динамики рождаемости третьих и последующих детей.

Интересно, что в результате исследований, проводимых на основе различного информационного массива и с применением самых разных методик, авторы получали очень различающиеся оценки эффективности программ регионального материнского капитала. Так, например, С. В. Мазуренко, Т. Тихомирова и Н. Тихомиров сделали вывод об их эффективности [14; 22]; другими исследователями, наоборот, были представлены аргументы, доказывающие неэффективность таких программ [13; 23–25].

Вероятно, для однозначного вывода об эффективности программ регионального материнского капитала нужна серия исследований в регионах страны. При этом такие исследования должны проводиться по унифицированной методике и на основе комплексного применения методов статистического анализа объективных демографических показателей и методов социологических опросов населения. Очевидно, для понимания демографических процессов нужны междисциплинарные исследования, которые достаточно трудоемки и требуют существенного объема финансирования со стороны государства как заинтересованной стороны. Однако представляется, что их существенная ресурсоемкость оправдана в ситуации высоких бюджетных расходов, которые связаны с реализацией мер государственной демографической политики.

Полученные в ходе настоящего исследования результаты позволяют сделать вывод о том, что детерминанты рождений высоких порядков не ограничиваются экономическими условиями жизни населения. При этом отсутствие взаимосвязи с отдельными экономическими индикаторами (как, впрочем, и ее наличие)

подтверждалось и ранее в ряде научных российских и зарубежных публикаций. Однако в проведенном исследовании в качестве потенциальных детерминант рождений высоких порядков рассматривались интегральные показатели, комплексно характеризующие экономические условия жизни населения. Анализ не показал обусловленность рождений высоких порядков экономическими условиями жизни населения в регионах России.

Рождаемость – многофакторный демографический процесс. Его детерминанты находятся в разных сферах – экономических, политических, социальных, культурных, религиозных и даже климатических [26]. Такое представление о факторах рождаемости лежит в русле институционального подхода в демографии, развиваемого, в частности, в работах М. А. Клупта⁹. Этот подход (в отличие от концепции демографического перехода) отстаивает неограниченность перечня детерминант демографических процессов, сложность их взаимодействия и региональное разнообразие. Очевидно, что исторически сложившаяся и не уменьшающаяся с течением времени региональная дифференциация демографических процессов будет постоянно актуализировать ее изучение и поиск ее детерминант. Причем такие детерминанты, вероятнее всего, будут рассматриваться вне рамок традиционно изучаемых экономических и социальных факторов. Так, например, в рамках Уральской научной школы активно развивается концепция родительского и прародительского труда как институтов, влияющих на рождения детей высоких порядков в регионах.

В этом ключе необходимо дать комментарии относительно следующей особенности региональной дифференциации рождений высоких порядков, выявленной в ходе анализа. В зарубежных и отечественных исследованиях в качестве одной из наиболее сильных детерминант рождаемости традиционно считается религиозный фактор. В частности, многими исследователями отмечается, что в тех российских регионах, где преобладающей религией является ислам, уровни рождаемости традиционно выше. Действительно, проведенный анализ показал, что среди регионов с наиболее высокими уровнями рождаемости высоких порядков, есть те, в которых преобладающей религией является ислам. Однако из топ-10 субъектов Федерации с наиболее высокими показателями СКР 3+ таких регионов оказалось только три – Чечня, Ингушетия и Дагестан (см. табл. 2); в других семи регионах из этой группы преобладающими являются другие религии – буддизм, православие, традиционные верования. С другой стороны, в отдельных регионах с сильными традициями ислама рождаемость высоких порядков в последние годы была на уровне среднероссийской или даже ниже этого уровня (например, в Республике Татарстан СКР 3+ в исследуемый период времени варьировался в диапазоне от 0,29 до 0,33, что чуть ниже средних по России показателей). Также в ходе анализа не было выявлено однозначной детерминированности религиозных факторов и темпов роста (или падения) уровней высокой рождаемости в регионах. Показатель СКР 3+ в последние годы мог падать и расти в регионах с очень разными религиозными традициями (табл. 6). Исследование религиозного фактора в качестве детерминанты рождений высоких порядков не входило в круг задач настоящего исследования.

⁹ Клупт М. А. Демография регионов Земли. СПб. : Питер, 2008. 347 с.

Однако полученные результаты, очевидно, актуализируют отдельное научное исследование в этом направлении.

Результаты проведенного исследования позволяют составить более полное и глубокое представление о факторах российской рождаемости, особенностях ее динамики и региональной дифференциации. Полученные данные могут быть полезны для оценки эффективности реализации мер демографической политики в России и ее отдельных субъектах. Также результаты исследования задают новые востребованные ориентиры для дальнейшего исследовательского поиска в сфере региональной демографии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Wood J., Neels K., Vergauwen J. Economic and Institutional Context and Second Births in Seven European Countries // *Population Research and Policy Review*. 2016. Vol. 35, issue 3. Pp. 305–325. <https://doi.org/10.1007/s11113-016-9389-x>
2. Matysiak A., Szalma I. Effets des politiques de congé parental sur les deuxièmes naissances et l'emploi des femmes en Hongrie et en Pologne // *Population*. 2014. Vol. 69. Pp. 659–698. <https://doi.org/10.3917/popu.1404.0659>
3. Stanczyk A. B. The Dynamics of U.S. Household Economic Circumstances Around a Birth // *Demography*. 2020. Vol. 57, issue 4. Pp. 1271–1296. <https://doi.org/10.1007/s13524-020-00897-1>
4. Cowan S. K., Douds K. W. Examining the Effects of a Universal Cash Transfer on Fertility // *Social Forces*. 2022. Vol. 101, issue 2. Pp. 1003–1030. <https://doi.org/10.1093/sf/soac013>
5. Impact of the First Wave of the COVID-19 Pandemic on Birth Rates in Europe: A Time Series Analysis in 24 Countries / L. Pomar [et al.] // *Human Reproduction*. 2022. Vol. 37, issue 12. Pp. 2921–2931. <https://doi.org/10.1093/humrep/deac215>
6. Kristensen A. P., Lappegård T. Unemployment and Fertility: The Relationship between Individual and Aggregated Unemployment and Fertility During 1994–2014 in Norway // *Demographic Research*. 2022. Vol. 46. Pp. 1037–1064. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2022.46.35>
7. Behrman J., Gonalons-Pons P. Women's Employment and Fertility in a Global Perspective (1960–2015) // *Demographic Research*. 2020. Vol. 43. Pp. 707–744. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2020.43.25>
8. Ready for Parenthood? Dual Earners' Relative Labour Market Positions and Entry into Parenthood in Belgium / L. Marynissen [et al.] // *Demographic Research*. 2020. Vol. 42. Pp. 901–932. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2020.42.33>
9. Ermisch J. English Fertility Heads South: Understanding the Recent Decline // *Demographic Research*. 2021. Vol. 45. Pp. 903–916. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2021.45.29>
10. da Silva J. H. C. M., de Lima E. E. C., de Oliveira M. C. F. A. Educational Pairings and Fertility Decline in Brazil: An Analysis Using Cohort Fertility // *Demographic Research*. 2022. Vol. 46. Pp. 147–178. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2022.46.6>
11. Архангельский В. Н. Помощь семьям с детьми в России: оценка демографической результативности // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 56–64. URL: https://www.socis.isras.ru/files/File/2015/2015_3/Archangelskiy.pdf (дата обращения: 21.08.2022).
12. Sorvachev I., Yakovlev E. Short- and Long-Run Effects of a Sizable Child Subsidy: Evidence from Russia // *IZA Discussion Papers*. 2020. No. 13019. 60 p. URL: <https://docs.iza.org/dp13019.pdf> (дата обращения: 25.08.2022).
13. Королева Л. П. Социальная политика регионов: сокращение бедности среди семей с детьми и стимулирование рождаемости // *Региональная экономика: теория и практика*. 2020. Т. 18, № 10 (481). С. 1869–1893. <https://doi.org/10.24891/re.18.10.1869>
14. Мазуренко С. В. Разновидности материнского капитала и особенности его использования // *Вестник Керченского государственного морского технологического университета*. 2020. № 1. С. 176–202. URL: <https://clck.ru/34SpVq> (дата обращения: 02.10.2022).

15. Казенин К. И. Рождаемость в России в 2020 г.: региональная динамика // Экономическое развитие России. 2021. Т. 28, № 3. С. 50–54. URL: <http://www.edrussia.ru/archive/2021/1361-03-2021> (дата обращения: 17.09.2022).
16. Костина С. Н., Трынов А. В. Кластерный анализ динамики рождаемости четвертых и последующих детей в регионах Российской Федерации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14, № 3. С. 232–245. <https://doi.org/10.15838/esc.2021.3.75.14>
17. Шубат О. М. Статистическая оценка снижения рождаемости в Российской Федерации: региональный аспект // Вопросы статистики. 2021. Т. 28, № 5. С. 39–48. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2021-28-5-39-48>
18. Родионова Л. А., Копнова Е. Д. Сезонность рождаемости в России: региональные особенности // Вопросы статистики. 2022. Т. 29, № 2. С. 61–76. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2022-29-2-61-76>
19. Трынов А. В., Костина С. Н., Банных Г. А. Исследование социально-экономической детерминации рождаемости на основе анализа региональных панельных данных // Экономика региона. 2020. Т. 16, № 3. С. 807–819. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-3-10>
20. Рогачева О. А. Рождаемость в Иркутской области и в России: индексный анализ // Baikal Research Journal. 2021. Т. 12, № 1. [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2021.12\(1\).20](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2021.12(1).20)
21. Ротарь Т. С. Многомерный статистический анализ рождаемости в Республике Саха (Якутия) // Вектор экономики. 2020. № 11 (53). URL: <http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2020/11/mathematicalmethods/Rotar.pdf> (дата обращения: 25.09.2022).
22. Тихомирова Т., Тихомиров Н. Оценка результативности программы материнского капитала в регионах России // Федерализм. 2020. № 1. С. 5–26. <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2020-1-5-26>
23. Попова Л. А. Современная российская демографическая политика в области рождаемости: результаты и направления совершенствования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 2 (44). С. 79–93. <https://doi.org/10.15838/esc.2016.2.44.5>
24. Захаров С. Скрампные демографические результаты пронаталистской политики в контексте долговременной эволюции рождаемости в России. Часть 2 // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3, № 4. С. 6–26. <https://doi.org/10.17323/demreview.v3i4.3203>
25. Гришина Е. Е., Цацура Е. А. Региональный материнский капитал: анализ региональных различий и влияния на репродуктивное поведение // Уровень жизни населения регионов России. 2017. Т. 3, № 205. С. 51–58. https://doi.org/10.12737/article_595cd361ebda81.61231626
26. Cummings D. R. Human Birth Seasonality and Sunshine // American Journal of Human Biology. 2010. Vol. 22, no. 3. Pp. 316–324. <https://doi.org/10.1002/ajhb.20987>

Поступила 23.11.2022; одобрена после рецензирования 28.02.2023; принята к публикации 10.03.2023.

Об авторе:

Шубат Оксана Михайловна, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления на металлургических и машиностроительных предприятиях Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620002, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0929-8144>, o.m.shubat@urfu.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Wood J., Neels K., Vergauwen J. Economic and Institutional Context and Second Births in Seven European Countries. *Population Research and Policy Review*. 2016;35(3):305–325. <https://doi.org/10.1007/s11113-016-9389-x>
2. Matysiak A., Szalma I. Effets des politiques de congé parental sur les deuxièmes naissances et l'emploi des femmes en Hongrie et en Pologne. *Population*. 2014;69:659–698. <https://doi.org/10.3917/popu.1404.0659>

3. Stanczyk A. B. The Dynamics of U.S. Household Economic Circumstances Around a Birth. *Demography*. 2020;57(4):1271–1296. <https://doi.org/10.1007/s13524-020-00897-1>
4. Cowan S.K., Douds K.W. Examining the Effects of a Universal Cash Transfer on Fertility. *Social Forces*. 2022;101(2):1003–1030. <https://doi.org/10.1093/sf/soac013>
5. Pomar L., Favre G., de Labrusse C., Contier A., Boulvain M., Baud D. Impact of the First Wave of the COVID-19 Pandemic on Birth Rates in Europe: A Time Series Analysis in 24 Countries. *Human Reproduction*. 2022;37(12):2921–2931. <https://doi.org/10.1093/humrep/deac215>
6. Kristensen A. P., Lappegård, T. Unemployment and Fertility: The Relationship between Individual and Aggregated Unemployment and Fertility During 1994–2014 in Norway. *Demographic Research*. 2022;46:1037–1064. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2022.46.35>
7. Behrman J., Gonalons-Pons P. Women's Employment and Fertility in a Global Perspective (1960–2015). *Demographic Research*. 2020;43:707–744. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2020.43.25>
8. Marynissen L., Neels K., Wood J., Van de Velde S. Ready for Parenthood? Dual Earners' Relative Labour Market Positions and Entry into Parenthood in Belgium. *Demographic Research*. 2020;42:901–932. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2020.42.33>
9. Ermisch J. English Fertility Heads South: Understanding the Recent Decline. *Demographic Research*. 2021;45:903–916. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2021.45.29>
10. da Silva J.H.C.M., de Lima E.E.C., de Oliveira M.C.F.A. Educational Pairings and Fertility Decline in Brazil: An Analysis Using Cohort Fertility. *Demographic Research*. 2022;46:147–178. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2022.46.6>
11. Arkhangel'skiy V.N. Assistance to Families with Children in Russia: An Assessment of Demographic Efficiency. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2015;(3):56–64. Available at: https://www.socis.isras.ru/files/File/2015/2015_3/Arkhangel'skiy.pdf (accessed 21.08.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
12. Sorvachev I., Yakovlev E. Short- and Long-Run Effects of a Sizable Child Subsidy: Evidence from Russia. *IZA Discussion Papers*. 2020;13019. Available at: <https://docs.iza.org/dp13019.pdf> (accessed 25.08.2022).
13. Koroleva L.P. Social Policy of the Regions: Reducing Poverty among Families with Children and Stimulating Fertility. *Regional Economics: Theory and Practice*. 2020;18(10):1869–1893. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24891/re.18.10.1869>
14. Mazurenko S.V. Types of Maternal Capital and Features of its Use. *Bulletin of the Kerch State Marine Technological University*. 2020;(1):176–202. Available at: <https://clck.ru/34SpVq> (accessed 02.10.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
15. Kazenin K.I. Birth Rate in Russia in 2020: Regional Dynamics. *Russian Economic Developments*. 2021;28(3):50–54. Available at: <http://www.edrussia.ru/archive/2021/1361-03-2021> (accessed 17.09.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
16. Kostina S.N., Trynov A.V. Cluster Analysis of the Dynamics of the Birth Rate of Fourth and Subsequent Children in Russian Regions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2021;14(3):232–245. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15838/esc.2021.3.75.14>
17. Shubat O.M. Statistical Estimates of the Decline of the Russian Fertility: Regional Specifcs. *Voprosy statistiki*. 2021;28(5):39–48. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2021-28-5-39-48>
18. Rodionova L.A., Kopnova E.D. Birth Seasonality in Russia: Regional Features. *Voprosy statistiki*. 2022;29(2):61–76. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2022-29-2-61-76>
19. Trynov A.V., Kostina S.N., Bannykh G.A. Examination of Socio-Economic Determinants of Fertility based on the Regional Panel Data Analysis. *Economy of Region*. 2020;16(3):807–819. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-3-10>
20. Rogacheva O.A. Birth Rate in the Irkutsk Region and in Russia: Index Analysis. *Baik Research Journal*. 2021;12(1). (In Russ., abstract in Eng.) [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2021.12\(1\).20](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2021.12(1).20)

21. Rotar T.S. Multi-Dimensional Statistical Analysis of Fertility in the Republic of Sakha (Yakutia). *Vektor ekonomiki*. 2020;(11). Available at: <http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2020/11/mathematicalmethods/Rotar.pdf> (accessed 25.09.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
22. Tikhomirova T.M., Tikhomirov N.P. Evaluation of the Impact of Maternity Capital in Russian Regions. *Federalism*. 2020;(1):5–26. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2020-1-5-26>
23. Popova L.A. Modern Russian Demographic Policy in the Field of Fertility: Results and Areas for Improvement. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2016;(2):79–93. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15838/esc.2016.2.44.5>
24. Zakharov S. Modest Demographic Results of the Pronatalist Family policy in the Context of Long-Term Evolution of Fertility in Russia. Part 2. *Demographic Review*. 2016;3(4):6–26. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17323/demreview.v3i4.3203>
25. Grishina Ye., Cacura Ye. Regional Maternal Capital: Analysis of Regional Differences and Influence on Fertility Behavior. *Level of Life of the Population of Regions of Russia*. 2017;3(205):51–58. (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.12737/article_595cd361ebda81.61231626
26. Cummings D.R. Human Birth Seasonality and Sunshine. *American Journal of Human Biology*. 2010;22(3):316–324. <https://doi.org/10.1002/ajhb.20987>

Submitted 23.11.2022; revised 28.02.2023; accepted 10.03.2023.

About the author:

Oksana M. Shubat, Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor, Department of Economics and Management at Metallurgy and Industrial Enterprises, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (19 Mira St., Ekaterinburg 620002, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0929-8144>, o.m.shubat@urfu.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ / SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

УДК 303.425-053.8(597)

doi: 10.15507/2413-1407.123.031.202302.375-392

Оригинальная статья

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Социальная адаптация пожилых людей к цифровой трансформации общества: социологические исследования в Ханое и Хошимине (Вьетнам)

X. X. Нгуен

*Национальная политическая академия Хошимина (г. Ханой, Вьетнам),
Российский государственный социальный университет
(г. Москва, Российская Федерация)
hoangnh@hcta2.edu.vn*

Аннотация

Введение. В эпоху развития 4-й промышленной революции и цифровой трансформации в мире (в том числе во Вьетнаме) остается большое количество пожилых людей, не имеющих навыка пользования цифровыми ресурсами. Цель статьи – проанализировать текущее состояние социальной адаптации пожилых людей в Ханое и Хошимине (Вьетнам) к цифровой трансформации общества через отношение и уровни доступа к некоторым видам цифровых технологий и их использования в экономической, политической и социальной сферах.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили результаты социологического опроса 984 пожилых людей в Ханое и Хошимине, который был проведен с мая по сентябрь 2022 г. Статистический анализ и количественное тестирование были выполнены с помощью программы SPSS версии 25.0. Также проанализированы данные национальных отчетов о переписи населения и о старении населения.

Результаты исследования. Выявлено, что пожилые люди плохо осведомлены о функции и пользе некоторых цифровых технологий, которые достаточно популярны, необходимы и даже созданы только для них. Определены основные причины низкого доступа к цифровым технологиям: незнание о доступных цифровых ресурсах и отсутствие помощи в их освоении. Однако пожилые люди считают, что цифровые технологии помогут им жить счастливее и удобнее.

Обсуждение и заключение. Оснащение молодого поколения цифровыми знаниями и навыками является необходимой подготовкой к «активному старению» в эпоху цифровых технологий. Правительству нужны более актуальные проекты по усилению социальной адаптации пожилых людей. Полученные результаты о степени доступа пожилых людей к цифровой среде могут быть полезны для государственных органов, ассоциаций пожилых людей, институтов семьи. Эти данные могут стать стимулом для создания необходимых программ для поддержки пожилых людей в цифровую эпоху.

© Нгуен X. X., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: социальная адаптация, пожилые люди, цифровая трансформация общества, старение населения, цифровые технологии, четвертая промышленная революция

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Нгуен Х. Х. Социальная адаптация пожилых людей к цифровой трансформации общества: социологические исследования в Ханое и Хошимине (Вьетнам) // Регионоведение. 2023. Т. 31, № 2. С. 375–392. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.123.031.202302.375-392>

Original article

Social Adaptation of the Elderly to Digital Transformation of Society: The Sociological Research in Hanoi Capital and Ho Chi Minh City (Vietnam)

H. H. Nguyen

*Ho Chi Minh National Academy of Politics (Hanoi, Vietnam),
Russian State Social University (Moscow, Russian Federation)
hoangnh@hcma2.edu.vn*

Abstract

Introduction. The population aging in Hanoi Capital and Ho Chi Minh City (Vietnam) coincides with the development of the 4th Industrial Revolution and digital transformation. The article aims to analyze the current state of social adaptation of elderly people in Vietnam to the digital transformation of society through their attitudes and levels of accessing and using to certain types of digital technologies in the economic, political, social and cultural field.

Materials and Methods. The sociological survey of 984 elderly people in Hanoi and Ho Chi Minh City was conducted from May to September 2022. SPSS version 25.0 was used for statistical analysis and quantitative testing. The national census reports and population aging data were also analyzed.

Results. Elderly people are poorly aware of the function and usefulness of some digital technologies, although this technologies are quite popular, necessary, and even created only for them. Therefore, they do not have good access to them. The main reasons are ignorance, the absence of help and guidance. However, elderly people believe that digital technologies will help them live happier and more convenient.

Discussion and Conclusion. Equipping the younger generation with digital knowledge and skills is a necessary preparation for the goal of “active aging” in digital era. The government needs more relevant projects to improve the social adaptation of elderly people; pay attention to the best solution to the digital divide for elderly people being in rural area, poor group, low education and living alone. The results of this article provide some important implications for state agencies, elderly associations, family institutions and the elderly. This results will supply ideas to build necessary solutions and policies for the elderly in the digital era.

Keywords: social adaptation, elderly people, digital transformation of society, population aging, digital technologies, the 4th Industrial Revolution

Conflict of interests. The author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Nguyen H.H. Social Adaptation of the Elderly to Digital Transformation of Society: The Sociological Research in Hanoi Capital and Ho Chi Minh City (Vietnam). *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(2):375–392. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.123.031.202302.375-392>

Введение. Сегодня из 8 млрд чел. в мире 10 % составляют люди пожилого возраста (65 лет и старше)¹. Закон Вьетнама о пожилых людях 2009 г. в качестве таковых определяет людей 60 лет и старше. В настоящее время во Вьетнаме про-

¹ World Population Prospects 2022: Summary of Results [Электронный ресурс] // United Nations Department of Economic and Social Affairs Population Division. URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/wpp2022_summary_of_results.pdf (дата обращения: 11.11.2022).

живает около 11,41 млн пожилых людей (что составляет 11,86 % всего населения страны). С 2017 г. Вьетнам вошел в состав стран со стареющим населением и, как ожидается, официально станет страной с суперстарым населением в 2030-х гг.²

Старение населения во Вьетнаме происходит одновременно со сложным и всеобъемлющим процессом преобразования общества в цифровое, «суперумное» общество (общество 5.0) из-за воздействия 4-й промышленной революции. В этом контексте ожидается, что социальная цифровая трансформация вместе с достижениями цифровых технологий и их преимуществ, а также воздействием пандемии COVID-19 принесут прорывное решение для улучшения качества жизни³ [1]. Однако повысить социальную адаптивность пожилых людей к цифровой трансформации общества непросто. Многие исследования также показали, что пожилые люди имеют слабую социальную адаптацию к цифровой трансформации и неспособны интегрироваться в информационное общество [2]. В настоящее время во Вьетнаме около 74 % населения пользуются интернетом, но только 6,4 % людей в возрасте 55 лет и старше – социальными сетями⁴. Нынешние пожилые люди, помимо рисков и барьеров, вызванных снижением в старости психофизиологической функции, сталкиваются и с «цифровым неравенством», «цифровым разрывом».

Столица Вьетнама Ханой и г. Хошимин являются ведущими центрами политики, экономики, науки, технологий и инноваций в стране, пионерами пилотного строительства новых современных моделей цифрового преобразования. В Ханое в настоящее время проживают около 1 200 000 пожилых людей (что составляет около 11,0 % пожилого населения страны), а в Хошимине – около 841 000 пожилых людей (около 9,4 % пожилого населения страны).

Следовательно, исследования по социальной адаптации пожилых людей к цифровой трансформации общества в Ханое и Хошимине (Вьетнам) актуальны.

Цель статьи – проанализировать состояние социальной адаптации пожилых людей во Вьетнаме к социальной цифровой трансформации по двум измерениям: отношению к ней пожилых вьетнамцев (восприятие, мнения, убеждения) и их наличию доступа к цифровым технологиям, опыту их использования в экономической, политической, культурной и социальной сферах.

Обзор литературы. Исследования социальной адаптации пожилых людей к цифровой трансформации общества, с социологической точки зрения, на данный момент отсутствуют. На основе предыдущих исследований мы выделили три наиболее важные проблемные группы.

1. Применение теорий и моделей «принятия технологий», ориентированных на научный и технический подход, для рассмотрения способности пожилых людей получать и использовать цифровые технологии⁵ [3; 4].

² UNFPA. Population Aging and the Elderly in Vietnam: Current Situation, Forecast and Some Policy Recommendations. Hanoi : United Nations Population Fund in Vietnam, 2011. 68 p.

³ The Impact of COVID-19 on Older Persons: Vietnam Analytical Brief [Электронный ресурс]. URL: https://ageingasia.org/wp-content/uploads/2020/12/Vietnam_analytical_report_23122020.pdf (дата обращения: 11.11.2022).

⁴ We Are Social. Digital Transformation in Vietnam. Impressive Statistics at the Beginning of 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://specials.laodong.vn/chuyen-doi-so-tai-viet-nam-va-nhung-thong-ke-an-tuong-2021/> (дата обращения: 11.11.2022).

⁵ Bolaños M., Collazos C., Gutiérrez F. Experiences in the Application of Some Models of Technology Acceptance: Adaptation for the Elderly People // The XXI International Conference on Human Computer Interaction, 2021. New York : Association for Computing Machinery, 2021. Pp. 1–5.

2. Положительные стороны, преимущества и недостатки, барьеры для пожилых людей при использовании цифровых технологий в повседневной жизни [5–8].

3. Социальная адаптируемость пожилых людей к цифровой трансформации в мире и во Вьетнаме через призму социологии [9; 10]. В большинстве исследований недостаточно четко отражены содержание и проявления общей и комплексной трансформации установок, поведения и переживаний пожилых людей при постепенном переходе к цифровому обществу и появлению цифровых технологий.

Наблюдается серьезная нехватка подходов со стороны гуманитарных и социальных наук, особенно в современной социологии, к изучению этой темы. Предыдущие исследования основаны преимущественно на теориях и моделях принятия цифровых технологий [11], поэтому объяснения и рекомендации в основном подчеркивают перспективу технического проектирования [12; 13]. Между тем некоторые последние публикации показывают, что необходимо анализировать состояние осведомленности, доступа и использования цифровых технологий пожилой группы с социологических позиций⁶ [9; 10; 14; 15], уделять больше внимания балансу и гармонии вместо того, чтобы полагаться исключительно на подходы научных технологических теорий [16].

Таким образом, проведенный анализ научной литературы показал недостаточное исследование адаптации и доступа пожилых людей к цифровым услугам, что свидетельствует об актуальности проведенного нами исследования.

Материалы и методы. Статья основана на результатах социологического опроса 984 пожилых людей, проживающих в Ханое и Хошимине (Вьетнам), проведенного с мая по сентябрь 2022 г. Пожилые люди в этом исследовании были выбраны маловероятным и целенаправленным образом, чтобы гарантировать, что они подходят для целей исследования с разумной и гармоничной структурой выборки пожилых, избегая слишком большого несоответствия и дисбаланса, как количественно, так и с точки зрения психофизиологических, демографических, экономических и социальных факторов. Столица Ханой (районы Кау Гиай и Донг Ань) была выбрана для представления Севера, а мегаполис Хошимин (включая город внутри него Тху Дык и район Кан Гио) – для представления Южного региона Вьетнама. Эти территории являются важнейшими экономическими, политическими, культурными и научно-техническими центрами страны. Все респонденты были проинформированы об участии в исследовании.

Для обработки и анализа данных применялись: критерий хи-квадрат – для статистической обработки результатов исследования; Т-тест и тест One-Way ANOVA – для проверки разницы среднего значения между количественной переменной и средним значением пути разветвления в качественной переменной. Эта разница является статистически значимой при уровне значимости исследования $p\text{-value} < 0,05$. С помощью 3- или 5-уровневой шкалы Лайкерта проверялась пригодность и согласованность содержания компонентов (наблюдаемых

⁶ Вдовина М. В. Развитие цифрового взаимодействия в трансформирующемся обществе // Цифровизация в условиях пандемии: миссия социального университета будущего. М. : РГСУ, 2022. С. 70–75.

переменных) для набора переменных с помощью коэффициента Кробаха Альфа и факторного анализа (EFA) для сведения количества наблюдаемых переменных к нескольким факторам.

В исследовании также использовались многие официальные вторичные данные: национальный отчет о переписи населения и жилого фонда 2019 г.; результаты лонгитюдного исследования здоровья пожилых людей во Вьетнаме, опубликованные в 2020 г.

Результаты исследования. *Отношение пожилых людей к цифровой трансформации общества и роли цифровых технологий в повседневной жизни.* Исследования показывают, что пожилые люди плохо понимают функции и полезность 15 заложенных в опрос цифровых технологий (общий средний балл – 1,41/10 баллов) и тратят очень мало времени в течение дня на доступ к ним и их использование (общий средний балл – 0,81 часа/день), хотя данные технологии простые, распространенные и необходимые в пожилом возрасте⁷ (табл. 1.).

Таблица 1. Понимание пожилыми людьми функций, полезности (баллы) и времени, проведенного с использованием цифровых технологий (часы/день)⁸

Table 1. Elderly people's understanding of functions, usefulness (scores) and time spent using digital technologies (hours/day)

Основные виды цифровых технологий / Some basic types of digital technologies	Уровень понимания / Level of understanding	Время использования / Usage time
1	2	3
Онлайн-приложение по уходу за пожилыми людьми (S-Health, Hasu) / Online application for elderly care (S-Health, Hasu)	0,61	0,44
Онлайн-приложение для предупреждения о наводнениях / Online application for flood warning	0,66	0,42
Информационное приложение для передвижения на транспорте / Online bus application	0,72	0,43
Приложение для оплаты банковской картой онлайн / Online banking card payment application	0,73	0,46
Технология виртуальной реальности (VAR) / Virtual reality technology (VAR)	0,85	0,42
Аудиокниги, электронные книги в интернете / Audio books, e-books	0,93	0,65
Приложение для онлайн-навигации Google Maps / Google Maps online application for navigation	0,96	0,56
Приложение для онлайн-покупок (Lazada, Tiki, Shopee) / Online shopping application (Lazada, Tiki, Shopee)	1,08	0,61
Программное обеспечение для встреч / прослушивания, онлайн-звонков (Skype, Zoom) / Softwares for online meeting, listening – calling (Skype, Zoom)	1,11	0,54
Технологическая служба вызова и бронирования автомобилей (Grab, Gojek) / Use car-booking application (Grab, Gojek)	1,15	0,56
Компьютер (ноутбук) / Computer (laptop)	1,93	0,92

⁷ Institute for Economic Research ASEAN and East Asia, Institute of Population, Health and Development. Elderly and health in Vietnam. Hanoi : Labor Publishing House, 2020. 288 p.

⁸ Здесь и далее в статье все таблицы и рисунок составлены автором.

Окончание табл. 1 / End of table 1

1	2	3
Социальные сети / Social networks	2,21	1,58
Умный мобильный телефон с подключением к интернету / Smart phone with Internet connection	2,43	1,75
Электронный паспорт вакцины против COVID-19 / Electronic COVID-19 vaccine passport	2,43	0,49
Телевидение с подключением к интернету/Wi-Fi / TV with Internet/Wi-Fi connection	3,4	2,39

Т-тест и однофакторный дисперсионный анализ показывают, что пожилые мужчины, принадлежащие к этнической группе кинь (большинство этнических групп во Вьетнаме), проживающие в городских районах (город Тху Дык и район Кау Гиай), достаточно обеспеченные, живущие с другими членами семьи, хорошо образованные и принадлежащие к возрастной группе 60–69 и 70–79 лет, гораздо лучше понимают полезность подключенного к интернету телевидения, по сравнению с пожилыми людьми в остальных группах (уровень значимости исследования $p\text{-value} < 0,01$). Результаты опроса показывают, что существует положительная корреляция между уровнем знаний и временем, проведенным с использованием цифровых технологий в повседневной жизни пожилых людей (табл. 1). В течение дня они проводят больше времени за использованием технологий, которые хорошо знают, и понимают их важность для жизни (за исключением электронного заявления на получение паспорта вакцины от COVID-19, которое действительно необходимо и было распространено только в пик пандемии).

Пожилые люди относительно позитивно воспринимают и оценивают эффекты цифровых технологий после их использования (табл. 2). Это важная практическая основа для руководства и продвижения исследовательских моделей и проектов и корректировки системы политики национальной безопасности, чтобы помочь повысить адаптируемость этой социальной группы к цифровой трансформации общества во Вьетнаме. Однако также они выразили обеспокоенность и поделились, с какими трудностями им приходится сталкиваться. Так, они не понимают, как использовать цифровые технологии (60,2 %), не знают, как защитить информацию, персональные данные (32,5 %), часто им некому помочь в освоении цифровых средств (43,1 %), сами цифровые технологии вызывают сложность (27,6 %), а некоторые опрошенные в качестве барьеров указали противодействие членов семьи (25,2 %).

Таблица 2. Ощущения пожилых людей от использования цифровых технологий, %
Table 2. Emotions of elderly people when using digital technologies, %

Показатель / Indicator	Соотношение / Percent	
	Не согласен / Not Agree	Согласен / Agree
1	2	3
Стал счастливее / Be happier	44,7	55,3
Мне удобнее / Be more comfortable	49,6	50,4
Более удовлетворен / Be more satisfied	56,1	43,1
Больше надежды / Be more hopeful	80,5	19,5

Окончание табл. 2 / End of table 2

1	2	3
Слишком дорого* / Be more expensive	85,4	14,6
Одиноко* / Be lonelier	93,5	6,5
Больше стресса* / Be more stressful	94,3	5,7
Стал беспокоиться* / Be more nervous	95,1	4,9
Более хлопотно* / Be more annoying	95,1	4,1
Потеря большей свободы* / Losing more freedom	100,0	0

* Негативное восприятие пожилых людей при использовании цифровых технологий / Negative feelings of elderly people when using digital technologies.

Приведенные в таблице 2 результаты перекликаются и с другими исследованиями по этой теме [4; 6].

Подход и опыт пожилых людей к использованию цифровой реальности в различных сферах общественной жизни. В сфере экономики. Наше исследование показывает, что 56,9 % пожилых людей все еще работают, 35,0 % – не работают, 8,1 % – затруднились с ответом. Этот результат согласуется с характеристиками финансовых возможностей пожилых людей во Вьетнаме, свидетельствующих, что доля пожилых людей, живущих в бедных домохозяйствах, выше, чем в среднем по стране, у них меньше сбережений, пенсий и пособий, получаемых от государства; уровень их участия в социальном страховании по-прежнему низок [17]⁹.

Нами проанализированы некоторые тенденции в выборе работы пожилыми людьми во Вьетнаме. Так, они предпочитают рабочие места, соответствующие их уровню здоровья и трудоспособности, а также традиционным укладам ведения хозяйства нации: земледелие, скотоводство (40,7 %), малый бизнес (35,0 %) или ведение домашнего хозяйства, уход за больными (22,8 %). Другие рабочие места, особенно связанные с работой в интернете, требуют творчества и имеют большой доступ к информационным технологиям, компьютерам, цифровым приложениям и т. д., но редко выбираются этой социальной группой. Этот результат показывает, когда в качестве приоритетных критериев выбора работы пожилых людей больше внимания уделяется гибкости во времени (51,2 %), возможности общения (41,5 %), особенностям здоровья, опыту и навыкам пожилых людей (40,7 %). Другие критерии (высокие требования к креативности, современности, удаленная работа и т. д.) при отборе не учитываются. Благодаря этому создается впечатление, что большинство пожилых людей еще не адаптировались к новым видам труда, возникающим в условиях социальной цифровой трансформации и основанным на применении цифровых технологий.

В таблице 3 представлены 9 цифровых бизнес-платформ, обеспечивающих статистическую достоверность изучения уровня взаимодействия с использованием этих платформ пожилыми людьми (Кронбаха $\alpha = 0,941$).

⁹ UNFPA. Population Aging and the Elderly in Vietnam...; Vietnam Elderly Association. Report on the implementation Results of the National Action Program for the Elderly in Vietnam for the period 2012–2020. Hanoi : Central Vietnam Association of Elderly, 2020.

Таблица 3. Частота использования пожилыми людьми некоторых цифровых бизнес-платформ

Table 3. Frequency of elderly people using some digital business platforms

Цифровая бизнес-платформа / The digital business platforms	Среднее значение / Mean	Частота использования / Frequency
Покупки (мебель, одежда, продукты питания и т. д.) через приложения в интернете (Tiki, Lazada, Shopee, Now) / Purchases (furniture, clothes, food, etc.) through applications on the Internet (Tiki, Lazada, Shopee, Now)	1,85	Редко / Rarely
Комментарии после покупки онлайн / Comments after online purchase	1,63	Не используется / Never
Оплата коммунальных услуг (электричество, водоснабжение, интернет и т. д.) банковской картой (через банкомат) / Payment (electricity, water, Internet, etc.) by bank card (via ATM)	1,61	Не используется / Never
Получение рекламной информации из интернета / Getting advertising information from the Internet	1,79	Не используется / Never
Оплата покупок в супермаркетах, магазинах у дома банковской картой (через банкомат) / Payment for purchases in supermarkets, convenience stores by bank card (via ATM)	1,61	Не используется / Never
Создание личной учетной записи в приложениях для онлайн-покупок, чтобы совершать покупки или накапливать бонусные баллы / Creating a personal account in online shopping apps to make purchases or earn reward points	1,48	Не используется / Never
Звонки на горячую линию / Calling, asking for advice on the switchboard / hotline	1,59	Не используется / Never
Запись на платные онлайн-занятия / тренинги / Registration for paid online classes/trainings	1,34	Не используется / Never
Подписка на некоторые платные онлайн-сервисы (онлайн-игры, загрузка документов, покупка онлайн-хранилища и т. д.) / Subscribing to some paid online services (online games, downloading documents, purchasing online storage, etc.)	1,33	Не используется / Never

Примечание. Частота использования: среднее значение 1,0–1,80 – «не используется»; 1,81–2,61 – «используется редко»; 2,62–3,42 – «иногда да, иногда нет»; 3,43–4,23 – «часто используется», 4,24–5,00 – «используется всегда» / *Note.* Frequency of usage: mean 1.0–1.80 – “Never”; mean 1.81–2.61 – “Rarely”; mean 2.62–3.42 – “Sometimes”; mean 3.43–4.23 – “Often”; mean 4.24–5.00 – “Always”.

Уровень доступа, эксплуатации и использования некоторых цифровых бизнес-платформ опрошенными пожилыми людьми в Ханое и Хошимине очень низкий (табл. 3). Причин несколько: нет инструкций, как ими пользоваться (47,2 %); забыл пароль, нет доступа (47,2 %); сложный способ загрузки и установки (26,8 %); технические барьеры (дизайн приложения, размер шрифта, стиль шрифта); опасения по поводу уровня безопасности; качество обслуживания не очень хорошее или приходится платить абонентскую плату и т. д.

В сфере политики. Среди 984 респондентов 74,8 % вступили в ассоциацию пожилых людей, 22,0 % – в клубы по интересам, 20,3 % – в районные/соседские группы, 8,9 % – в ассоциацию содействия обучению, 8,1 % – в межпоколенческий клуб бабушек и дедушек. Эти данные совпадают с результатами измерения участия и членства в общественных организациях 6 050 пожилых людей в 10 провинциях и городах Вьетнама в рамках проекта «Пожилые люди и здоровье», реализованного в 2018 г.¹⁰

¹⁰ Institute for Economic Research ASEAN and East Asia...

С помощью исследовательского факторного анализа (ЕФА) мы обнаружили, что существуют 2 фактора, которые могут представлять, обобщать и объяснять 76,9 % из 7 видов деятельности, упомянутых в таблице 4. На основании значения коэффициента загрузки множителя и характеристик выражения каждой деятельности в каждом факторе фактор 1 получил название «Совместное использование, участие в организации политической деятельности в Интернете», фактор 2 – «Мониторинг деятельности выборные органы онлайн».

Т а б л и ц а 4. Исследовательский факторный анализ политической активности пожилых людей

Table 4. Exploratory factor analysis for the political activities of the elderly

Вид политической активности (Кронбах $\alpha = 0,88$) / Types of political activities Cronbach $\alpha = 0,88$	Фактор 1 / Factor 1	Фактор 2 / Factor 2
P1. Обмен информацией, позитивными изображениями о любви и ответственности за родину в социальных сетях / Exchange of positive information & images about love and responsibility for the Motherland in social networks	0,85	
P2. Пожертвование денег и вещей на благотворительность, помощь людям в трудных обстоятельствах по призывам и акциям агентств, организаций и частных лиц из интернета / Donating money and things to charity, helping people in difficult circumstances through appeal and campaigns of agencies, organizations and individuals from the Internet	0,88	
P3. Публичное выражение мнений и чувств по общественно-политическим вопросам в интернете, социальных сетях (Zalo, Blog и т. д.) / Public expression of opinions and feelings on socio-political issues on the Internet & in social networks (Zalo, Blog, etc.)	0,86	
P4. Мониторинг (прослушивание/просмотр) новостных программ, транслируемых в интернете, в том числе на Youtube, веб-сайтах / Monitoring (listening/viewing) news programs broadcast on the Internet, including on Youtube, websites	0,61	
P5. Присоединение к собраниям, групповым мероприятиям, клубам, общественно-политическим организациям через социальные сети, приложения для онлайн-встреч (Skype, Google Meet, Zalo Call и т. п.) / Joining meetings, group events, clubs, social-political organizations through social networks, online meeting applications (Skype, Google Meet, Zalo Call, etc.)	0,77	
P6. Мониторинг (прослушивание/просмотр) заседаний Национального Собрания, опроса депутатов Национального Собрания, транслируемых в интернете в прямом эфире / Monitoring (listening/viewing) of the meeting of the National Assembly & polling of the deputies of the National Assembly broadcast live on the Internet		0,95
P7. Мониторинг (прослушивание/просмотр) заседаний Народного Совета, опрос делегатов Народного Совета по месту их проживания, транслируемых в интернете в прямом эфире / Monitoring (listening/viewing) meetings of the People's Council & polling the delegates of the People's Council according to their place of residence on the Internet live		0,93

Сочетая анализ и тестирование между Т-тестом и однофакторным дисперсионным анализом, нами выявлено, что главными пожилыми пользователями являются мужчины, принадлежащие к этнической группе кинь (этническое большинство страны) в возрасте 60–69 и 70–79 лет, проживающие в городских районах и имеющие более высокий уровень образования. Их частота обмена и участия в организации политической деятельности в интернете выше, чем у пожилых людей в остальных группах ($p\text{-value} \leq 0,01$).

Исследование также показывает, что пожилые люди участвуют в предоставлении рекомендаций по руководящим принципам, политике и законам, а также вносят свой вклад в обеспечение безопасности и порядка в основном в прямой форме, а не онлайн (табл. 5).

Т а б л и ц а 5. Формы комментирования пожилыми людьми политики, законов и обеспечения местной безопасности, %

Table 5. Forms of commenting on policies, laws and ensuring local security, %

Форма участия / Forms of participation	Соотношение / Percent
Обратная связь на встречах непосредственно с местным населением или контактах с избирателями / Feedback directly at the meetings with the local population or contacts with constituents	69,1
Вступление в общественно-политические организации и органы самоуправления по месту жительства / Joining socio-political organizations and self-government bodies in the place of residence	50,4
Добровольное объединение сил для обеспечения безопасности и порядка по месту жительства / Member of voluntary association to ensure security and order in the place of residence	35,8
Пропаганда и информирование об обеспечении общественного порядка и безопасности в социальных сетях / Propaganda and information for ensuring public order and safety by social networks	23,6
Вступление в группы, сообщества в интернете и социальных сетях для борьбы со злоумышленниками / Joining groups, communities on the Internet and in social networks to fight evil forces	15,4
Краткое знакомство и обмен рекомендациями, политическими новостями, положениями, новыми законами в социальных сетях / Brief acquaintance and exchange of recommendations, political news, regulations, new laws, in social networks	13,8
Выражение личного мнения через статьи и размышления в социальных сетях / Expressing personal opinion through articles and reflections on social media	9,8
Отправка комментариев через веб-сайты органов власти / Submitting comments via government websites	8,9
Исследования и написание статей для публикации в информационных бюллетенях, журналах и электронных газетах / Researching and writing articles for publication in newsletters, magazines and electronic newspapers	5,7
Отправление электронных писем в компетентные органы и организации / Sending emails to the competent authorities and organizations	5,7

В сфере культуры. Полученные данные свидетельствуют, что 64,2 % пожилых людей по-прежнему сохраняют привычку заниматься самообразованием и исследованиями, чтобы лучше адаптироваться к современному обществу. Примечательно, что среди прочего пожилые люди наибольшее значение придают обучению навыкам работы с цифровыми технологиями (57,7 %) и навыкам ухода за здоровьем в пожилом возрасте (52,8 %) по сравнению с содержанием обучения, выявленным другими исследованиями.

Анализ Т-теста показывает, что пожилые люди с небольшим пониманием и доступом к использованию цифровых технологий (в частности, 5 типов технологий, отраженных в таблице 1) являются социальными группами, не заинтересованными и не имеющими особой мотивации учиться и адаптироваться

к новым типам технологий ($p\text{-value} = 0,00$), это вызывает тревогу, потому что пожилые представляют собой социальную группу со многими рисками, в том числе с самым высоким риском цифрового неравенства с другими группами.

В качестве основных форм для продолжения учебы пожилые люди в основном выбирают самообучение или помощь друзей и членов семьи (детей, внуков). Однако в контексте цифровой трансформации пожилые люди быстро воспользовались преимуществами продуктов виртуального образования, онлайн-самообучения (33,3 %), онлайн-курсов (19,5 %) для удовлетворения своих потребностей в обучении и самосовершенствовании.

Также мы исследовали повседневную деятельность пожилых людей в семье и в обществе в период цифровой трансформации (табл. 6).

Т а б л и ц а 6. Результат факторного анализа повседневной активности пожилых людей

Table 6. The result of factor analysis of daily activities of elderly people

Ежедневные занятия (Кронбах $\alpha = 0,893$) / Daily activities Cronbach $\alpha = 0.893$	Фактор / Factor				
	1 (STI)	2 (TID)	3 (PHD)	4 (TII)	5 (TWD)
1	2	3	4	5	6
H1. Написание книги, мемуаров/дневника / Write a book, memoir/diary	0,809				
H2. Художественная композиция (поэзия, живопись и т. д.) / Artistic creations (poetry, painting, etc.)	0,809				
H3. Общение онлайн (в прямом эфире) с публикой / Communicate online on air with the public	0,833				
H4. Присоединение к телешоу в прямом эфире по телевизору / Joining the liveshow on TV	0,891				
H5. Вступление в форумы, клубы, группы в социальных сетях / Joining the forums, clubs, groups in social networks	0,745				
H6. Прогулки, физкультура, спорт / Going for a walk, physical education, sports		0,833			
H7. Осмотр достопримечательностей, природы / Seeing sight and nature		0,840			
H8. Просмотр телевизора / Watching TV		0,759			
H9. Пассивный отдых / Passive rest		0,835			
H10. Встречи с друзьями и соседями, чтобы весело провести время / Meeting up with friends & neighbors to have fun		0,753			
H11. Посадка бонсай / Planting ornamental plants			0,791		
H12. Уход за домашними животными / Caring pets			0,665		
H13. Чтение печатных газет / Reading printed newspapers			0,703		
H14. Работа по дому / Doing household chores			0,649		
H15. Прослушивание аудиокниг и чтение электронных книг / Listening to audiobooks and read e-books			0,573		
H16. Просмотр фильмов, прослушивание музыки, чтение газет в интернете / Watching movies, listen to music, read newspapers online.				0,732	

Окончание табл. 6 / End of table 6

1	2	3	4	5	6
H17. Встречи с друзьями в социальных сетях / Meeting up with friends in social networks				0,784	
H18. Обмен информацией в социальных сетях / Sharing information on social media				0,792	
H19. Чай/кофе / Drinking tea or coffee					0,791
H20. Работа / Work					0,806
H21. Участие в волонтерской деятельности для сообщества / Participating in volunteer activities for the community					0,662

Факторный анализ показал, что существует 5 факторов, которые могут представлять, обобщать и объяснять до 75 % повседневной активности пожилых людей. Назовем их так: фактор 1 – «Социальные взаимодействия онлайн» (STI), фактор 2 – «Вид развлечения в реальной жизни» (TID), фактор 3 – «Личные предпочтения в реальной жизни» (PHD), фактор 4 – «Онлайн-развлечения» (TII) фактор 5 – «Онлайн-работа» (TWD) (табл. 6).

При осуществлении Т-теста и анализе односторонней дисперсии двух факторов STI и TII с некоторыми демографическими характеристиками пожилых людей нами было обнаружено следующее:

1) пожилые мужчины, живущие одни в собственных домах или в домах престарелых, со стабильным ежемесячным доходом, с большей вероятностью будут участвовать в ежедневных социальных взаимодействиях (STI) и онлайн-развлечениях (TII), чем пожилые мужчины с хорошим доходом ($p\text{-value} = 0,00$);

2) пожилые люди, живущие в городских районах, более образованные, чаще вступают в социальные взаимодействия онлайн (STI) и онлайн-развлечения (TII), чем пожилые люди с низким уровнем образования, живущие в сельской местности. Примечательно, что пожилые люди, несмотря на наличие определенных физических барьеров, по-прежнему больше общаются и развлекаются в цифровой среде. Причина может быть связана с необходимостью компенсировать одиночество из-за вдовства в группе 80+, а также с нарастающей склонностью к одиночеству и другим социальным отделением по мере старения ($p\text{-value} = 0,00$).

В социальной сфере. В таблице 7 показан уровень доступа и использования некоторых относительно популярных и близких цифровых приложений для оказания социально-медицинской помощи пожилым людям.

Таблица 7. Уровень использования цифровых приложений для ухода за пожилыми людьми
Table 7. The usage rate of digital applications for elderly care

Приложения для социально-медицинских услуг / Some applications for medical services	Среднее значение / Mean	Частота использования / Frequency
1	2	3
Приложение для профилактики и контроля COVID-19 (National PC-Covid, Bluezone и т. д.) / Use of the COVID-19 prevention and control application (National PC-Covid, Bluezone etc.)	2,11	Редко / Rarely
Электронная книжка здоровья / Electronic health book	1,63	Не используется / Never

Окончание табл. 7 / End of table 7

1	2	3
Инструкции по медицинскому обслуживанию на веб-сайте государственного агентства / Health care instructions on the website of the government agency	1,52	Не используется / Never
Наручные/шейные часы с медицинской информацией и необходимыми медицинскими предупреждениями / Wrist or neck watch with medical information and necessary medical warnings	1,45	Не используется / Never
Электронная медицинская карта / Electronic medical record	1,33	Не используется / Never
Дистанционная диагностика, обследование и лечение (телемедицина) / Remote diagnostics, examination and treatment (telemedicine)	1,25	Не используется / Never
Приложение по уходу за пожилыми людьми S-Health / Vietnamese elderly care app S-Health	1,17	Не используется / Never
Применение модели «умный дом» / Smart home utility model application	1,15	Не используется / Never
Приложение HASU (hasuapp.vn): уход и социальное обслуживание для пожилых людей во Вьетнаме / HASU app (hasuapp.vn): care and social services for the elderly in Vietnam	1,15	Не используется / Never
Использование роботов с искусственным интеллектом для заботы о здоровье / Use the artificial intelligence for health care	1,12	Не используется / Never

Примечание. Частота использования: среднее значение 1,0–1,80 – «не используется»; 1,81–2,61 – «используется редко»; 2,62–3,42 – «иногда да, иногда нет»; 3,43–4,23 – «часто используется»; 4,24–5,00 – «используется всегда» / *Note.* Frequency of usage: mean 1.0–1.80 – “Never”; mean 1.81–2.61 – “Rarely”; mean 2.62–3.42 – “Sometimes”; mean 3.43–4.23 – “Often”; mean 4.24–5.00 – “Always”.

Исследование показывает, что большинство опрошенных пожилых людей редко получают доступ и применяют цифровые приложения для заботы о своем физическом и психическом здоровье (среднее значение $\leq 2,11$). Во время пандемии COVID-19 правительство разработало ряд приложений, бесплатных и широко развернутых среди всего населения (National PC-COVID, Bluezone, «Электронная книга здоровья» и т. д.) для информирования, советов и медицинской помощи всему населению в связи с пандемией, но пожилые люди не обращаются к ним. Многие другие приложения, разработанные и предназначенные для ухода за пожилыми людьми (такие как HASU, S-Health и т. д.), крайне редко использовались этой социальной группой.

Результаты статистического теста показывают, что 12 эмоциональных состояний (от S1 до S12) пожилых людей, представленные в таблице 8, обеспечивают достоверность отражения их различных настроений в цифровом контексте (Кронбаха $\alpha = 0,857$).

В контексте цифровой трансформации общества и все более интенсивного развития цифровых технологий во Вьетнаме существуют 3 модели, отражающие доминирующие настроения пожилых людей: позитивное настроение (S1, S2, S3, S5, S6, S7), негативное настроение (S8, S9, S10, S11, S12) и модель нейтрального настроения, балансирующая между двумя предыдущими (S4). Тем не менее позитивное настроение по-прежнему является наиболее типичным для Вьетнамских пожилых людей в цифровом контексте, особенно во время пандемии COVID-19 [18]. Этот вывод полностью согласуется с результатами исследования, представленными в таблице 2.

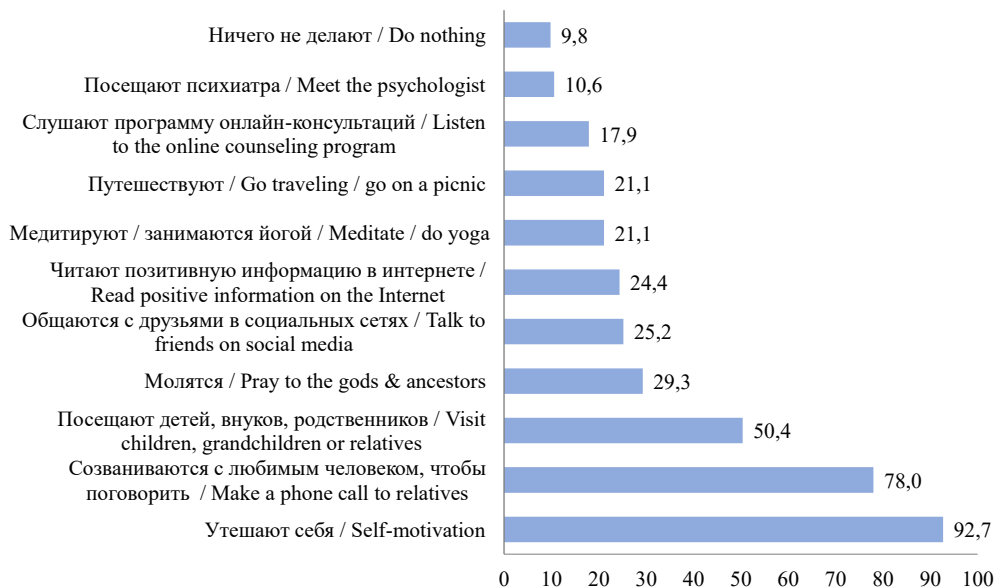
Хотя позитивное настроение пожилых людей в цифровом мире по-прежнему доминирует, иногда также присутствуют тревога/страх (S8) и печаль (S9) (табл. 8). Чтобы справиться с ними, пожилые люди используют разные варианты (рисунок).

Т а б л и ц а 8. Исследовательский факторный анализ эмоций пожилых людей в условиях цифровизации

Table 8. Exploratory factor analysis for emotions of the elderly

Эмоция / Emotions	Среднее значение / Mean	Частота / Frequency
S1. Оптимизм / Optimism	2,67	Появилось / Present
S2. Удовольствие / Pleasure	2,63	Появилось / Present
S3. Счастье / Happiness	2,58	Появилось / Present
S4. Спокойствие / Calm	2,37	Появилось / Present
S5. Удача / Luck	2,26	Проявлялось иногда / Sporadic
S6. Любовь / Love	2,07	Проявлялось иногда / Sporadic
S7. Возбуждение / Excitement	1,99	Проявлялось иногда / Sporadic
S8. Беспокойство / Anxiety	1,76	Проявлялось иногда / Sporadic
S9. Грусть / Sadness	1,70	Проявлялось иногда / Sporadic
S10. Несчастье / Unfortunate	1,57	Не появляется / Not present
S11. Гнев / Anger	1,50	Не появляется / Not present
S12. Ненависть / Hate	1,37	Не появляется / Not present

Примечание. Частота использования: среднее значение – 1,0–1,67 – «не появляется»; 1,68–2,33 – «проявлялось иногда»; 2,34–3,00 – «появилось» / Note. Frequency: mean 1.0–1.67 – «Not present»; mean 1.68–2.33 – «Sporadic»; mean 2.34–3.00 – «Present».

Р и с у н о к. Распределение ответов респондентов на вопрос о том, как они преодолевают негативное настроение в цифровом мире, %

Figure. How to overcome the negative mood of the elderly in digital society, %

Негативные настроения возникают непосредственно в цифровом мире, поэтому для их решения пожилые люди склонны комбинировать решения в реальной жизни (посещение детей и родственников (50,4 %), путешествие (21,1 %), обращение к религии или национальным традициям (29,3 %)) и в цифровой сфере (общаются с друзьями в интернете, в социальных сетях (29,3 %), читают оптимистичную информацию в Сети (24,4 %)).

Обсуждение и заключение. Нами получены следующие выводы. Во-первых, пожилые люди в обследуемых районах слабо осведомлены и недостаточно понимают функции и полезность некоторых видов цифровых технологий, относительно распространенных в повседневной жизни, даже приложений, созданных специально для них.

Для обездоленных групп, таких как пожилые люди, признание этих новых и современных вызовов является большой проблемой. Причина кроется в том, что они родились и выросли в период, когда страна была еще бедной, отсталой и опустошенной войнами и иноземными захватчиками. В 1986 г. Вьетнам начал слишком всеобъемлющие реформы для экономико-политического развития. Цифровые технологии развиваются, но пожилые люди стареют и хуже адаптируются к новой жизни.

Однако ограниченное представление пожилых людей о преимуществах цифровых технологий не означает их отрицательного и неуверенного отношения к ним. Результаты исследования показывают, что пожилые люди настроены оптимистично и возлагают большие надежды на цифровые технологии, которые действительно могут изменить их жизнь к лучшему.

Во-вторых, с одной стороны, пожилые люди по-прежнему сохраняют и сосредотачиваются на участии в непосредственных социальных взаимодействиях и деятельности в реальном мире, с другой – они также более заинтересованы и внимательно подходят к новым формам и методам с появлением цифровых технологий в виртуальном мире. Это отчасти доказывает усилия пожилых людей по ресоциализации и повторному включению в процесс социальной трансформации в цифровом контексте.

В-третьих, через призму социологии исследования показывают, что пожилые люди испытывают «двойное давление», по сравнению с другими социальными группами, в процессе адаптации к цифровой трансформации. Даже внутри социальной группы пожилых людей также существует цифровой разрыв между пожилыми людьми, живущими в сельских и горных районах, в бедных домохозяйствах, в группах без дохода, с низким образованием, проживанием в одиночестве или наличием многих заболеваний и т. д., с пожилыми людьми в остальных группах. Отсюда политика поддержки и повышения социальной адаптации для этой социальной группы нуждается в более комплексном и инклюзивном подходе, уделяя больше внимания социальным различиям даже внутри пожилой социальной группы, а не просто сделав упор на технологические решения.

В-четвертых, для достижения цели «успешного старения», «активного старения» подготовка к старому и сверхстарому обществу во Вьетнаме должна начаться уже сейчас и в более молодом поколении. Поколения Y, Z и Альфа должны быть оснащены базовыми и всесторонними взглядами, пониманием,

психологией и навыками с раннего возраста. Во многом это зависит от корректировки и разработки структуры национальных образовательных программ; способа ориентировать и воспитывать детей и внуков в каждой семье и изменения восприятия современного вьетнамского общества.

Полученные в ходе исследования результаты могут быть полезны государственным органам Вьетнама (и других стран) для корректировки и совершенствования политики в отношении пожилых людей в условиях текущей цифровой трансформации и процесса старения. Также материалы статьи могут сподвигнуть современных исследователей на углубленное изучение данной проблемы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Armitage R., Nellums L. B. COVID-19 and the Consequences of Isolating the Elderly // *Lancet Public Health*. 2020. Vol. 5, issue 5. [https://doi.org/10.1016/S2468-2667\(20\)30061-X](https://doi.org/10.1016/S2468-2667(20)30061-X)
2. Iwasaki N. Usability of ICT Applications for Elderly People in Disaster Reduction // *Journal of E-Governance*. 2013. Vol. 36, no. 2. Pp. 73–78. URL: <https://dl.acm.org/doi/10.5555/2595296.2595305> (дата обращения: 11.11.2022).
3. Acceptance of ICTs by Older Adults: A Review of Recent Studies / Q. Ma [et al.] // *The International Conference on Human Aspects of IT for the Aged Population*. Springer : Cham, 2015. Vol. 9193. Pp. 239–249. https://doi.org/10.1007/978-3-319-20892-3_24
4. König R., Seifert A. Digitally Savvy at the Home Office: Computer Skills of Older Workers During the COVID-19 Pandemic Across Europe // *Frontiers in Sociology*. 2022. Vol. 7. <https://doi.org/10.3389/fsoc.2022.858052>
5. IT and Computer Technologies for Education of Senior Citizens and Improving the Quality of their Life / O. A. Anikeeva [et al.] // *Eurasia Journal of Mathematics, Science and Technology Education*. 2019. Vol. 15, issue 11. <https://doi.org/10.29333/ejmste/109504>
6. Moore R. C., Hancock J. T. Older Adults, Social Technologies, and the Coronavirus Pandemic: Challenges, Strengths, and Strategies for Support // *Social Media & Society*. 2020. Vol. 6, issue 3. <https://doi.org/10.1177/2056305120948162>
7. Older Adults' Experiences of Maintaining Social Participation: Creating Opportunities and Striving to Adapt to Changing Situations / M. Löfgren [et al.] // *Scandinavian Journal of Occupational Therapy*. 2022. Vol. 29, issue 7. Pp. 587–597. <https://doi.org/10.1080/11038128.2021.1974550>
8. Schuster A. M., Cotten S. R. COVID-19's Influence on Information and Communication Technologies in Long-Term Care: Results From a Web-Based Survey With Long-Term Care Administrators // *JMIR Aging*. 2022. Vol. 5, no. 1. <https://doi.org/10.2196/32442>
9. Добринская Д. Е. Цифровое общество в социологической перспективе // *Вестник Московского университета*. 2019. Т. 25, № 4. С. 175–192. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2019-25-4-175-192>
10. Elderly People's Adaptation to the Evolving Digital Society: A Case Study in Vietnam / T. Nguyen [et al.] // *Social Sciences*. 2022. Vol. 11, issue 8. <https://doi.org/10.3390/socsci11080324>
11. Nga T. T. T. Intention to Use Digital Banking Services among the Elderly: A Case in Vietnam // *Asian Business and Economic Research Journal*. 2022. Vol. 33, issue 8. Pp. 67–81. <https://doi.org/10.24311/jabes/2022.33.08.05>
12. Accessibility to Digital Society: Interaction for All / P. Orero [et al.] // *ICDS 2014 : The Eighth International Conference on Digital Society*. 2014. Vol. 188, issue 191. Pp. 188–191. URL: https://www.researchgate.net/publication/264859476_Accessibility_to_Digital_Society_Interaction_for_All (дата обращения: 11.11.2022).
13. Design for Personalized Mobile Health Applications for Enhanced Older People Participation / P. Devos [et al.] // *European Geriatric Medicine*. 2015. Vol. 6, issue 6. Pp. 593–597. doi: <https://doi.org/10.1016/j.eurger.2015.10.004>

14. Blažič B. J., Blažič A. J. Overcoming the Digital Divide with a Modern Approach to Learning Digital Skills for the Elderly Adults // Education and Information Technologies. 2020. Vol. 25. Pp. 259–279. <https://doi.org/10.1007/s10639-019-09961-9>

15. Nguyen H. H., Tran H. V. Digital Society and Society 5.0: Urgent Issues for Digital Social Transformation in Vietnam // Masyarakat, Kebudayaan Dan Politik. 2022. Vol. 35, no. 1. Pp. 78–92. <https://doi.org/10.20473/mkp.V35I12022.78-92>

16. Castleton A. Older Adults, Tablets, and Ambivalence: A Grounded Theory Study of a One-Tablet-Per Older Person, Public Program in Uruguay // Journal of Aging & Social Policy. 2022. Vol. 1. <https://doi.org/10.1080/08959420.2022.2047401>

17. Нгуен Х. Х. Барьеры на пути социальной адаптации вьетнамских пожилых людей к цифровой трансформации: социологический анализ // Социальная политика и социология. 2022. Т. 21, № 2 (143). С. 43–51. EDN: JYJRUA

18. Вдовина М. В., Нгуен Х. Х. Влияние пандемии COVID-19 на пожилых жителей Хошимина (Вьетнам) // Социальная политика и социология. 2022. Т. 21, № 1 (142). С. 79–88. EDN: HMEMPQ

Поступила 26.12.2022; одобрена после рецензирования 14.02.2023; принята к публикации 27.02.2023.

Об авторе:

Нгуен Хыу Хоанг, преподаватель Политической Академии Региона II Национальной политической академии Хошимина (700000, Вьетнам, г. Хошимин); аспирант кафедры социологии, этнографии и социометрии Российского государственного социального университета (129226, Российская Федерация, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2296-214X>, hoangnh@hcma2.edu.vn

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Armitage R., Nellums L.B. COVID-19 and the Consequences of Isolating the Elderly. *The Lancet*. 2020;5(5). [https://doi.org/10.1016/S2468-2667\(20\)30061-X](https://doi.org/10.1016/S2468-2667(20)30061-X)
2. Iwasaki N. Usability of ICT Applications for Elderly People in Disaster Reduction. *Journal of E-Governance*. 2013;36(2):73–78. Available at: <https://dl.acm.org/doi/10.5555/2595296.2595305> (accessed 11.11.2022).
3. Ma Q., Chen K., Chan A.H.S., Teh P.L. Acceptance of ICTs by Older Adults: A Review of Recent Studies In: The International Conference on Human Aspects of IT for the Aged Population. Springer: Cham; 2015. 9193. p. 239–249. https://doi.org/10.1007/978-3-319-20892-3_24
4. König R., Seifert A. Digitally Savvy at the Home Office: Computer Skills of Older Workers During the COVID-19 Pandemic Across Europe. *Frontiers in Sociology*. 2022;7. <https://doi.org/10.3389/fsoc.2022.858052>
5. Anikeeva O.A., Sizikova V.V., Demidova T.E., et al. IT and Computer Technologies for Education of Senior Citizens and Improving the Quality of their Life // Eurasia Journal of Mathematics, Science and Technology Education. 2019;15(11). <https://doi.org/10.29333/ejmste/109504>
6. Moore R.C., Hancock J.T. Older Adults, Social Technologies, and the Coronavirus Pandemic: Challenges, Strengths, and Strategies for Support. *Social Media & Society*. 2020;6(3). <https://doi.org/10.1177/2056305120948162>
7. Löfgren M., Larsson E., Isaksson G., Nyman A. Older Adults' Experiences of Maintaining Social Participation: Creating Opportunities and Striving to Adapt to Changing Situations. *Scandinavian Journal of Occupational Therapy*. 2022;29(7):587–597. <https://doi.org/10.1080/11038128.2021.1974550>
8. Schuster A.M., Cotten S.R. COVID-19's Influence on Information and Communication Technologies in Long-Term Care: Results From a Web-Based Survey With Long-Term Care Administrators. *JMIR Aging*. 2022;5(1). <https://doi.org/10.2196/32442>

9. Dobrinskaya B.E. Digital Society: Sociological Perspective. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2019;25(4):175–192. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2019-25-4-175-192>
10. Nguyen T.X.H., Tran T.B.N., Dao T.B., et al. Elderly People's Adaptation to the Evolving Digital Society: A Case Study in Vietnam. *Social Sciences*. 2022;11(8). <https://doi.org/10.3390/socsci11080324>
11. Nga T.T.T. Intention to Use Digital Banking Services among the Elderly: A Case in Vietnam. *Asian Business and Economic Research Journal*. 2022;33(8):67–81. <https://doi.org/10.24311/jabes/2022.33.08.05>
12. Orero P., Serrano J., Soler O., et al. Accessibility to Digital Society: Interaction for All. *ICDS 2014: The Eighth International Conference on Digital Society*. 2014;188(191):188–191. Available at: https://www.researchgate.net/publication/264859476_Accessibility_to_Digital_Society_Interaction_for_All (accessed 11.11.2022).
13. Devos P., Jou A.M., De Waele G., Petrovic M. Design for Personalized Mobile Health Applications for Enhanced Older People Participation. *European Geriatric Medicine*. 2015;6(6):593–597. <https://doi.org/10.1016/j.eurger.2015.10.004>
14. Blažič B.J., Blažič A.J. Overcoming the Digital Divide with a Modern Approach to Learning Digital Skills for the Elderly Adults. *Education and Information Technologies*. 2020;25:259–279. <https://doi.org/10.1007/s10639-019-09961-9>
15. Nguyen H.H., Tran H.V. Digital Society and Society 5.0: Urgent Issues for Digital Social Transformation in Vietnam. *Masyarakat, Kebudayaan Dan Politik*. 2022;35(1):78–92. <https://doi.org/10.20473/mkp.V35I12022.78-92>
16. Castleton A. Older Adults, Tablets, and Ambivalence: A Grounded Theory Study of a One-Tablet-Per Older Person, Public Program in Uruguay. *Journal of Aging & Social Policy*. 2022;1. <https://doi.org/10.1080/08959420.2022.2047401>
17. Nguyen H.H. Barriers to the Social Adaptation of Vietnamese Elderly People to Digital Transformation: A Sociological Analysis. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya*. 2022;21(2):43–51. EDN: JYJRUА
18. Vdovina M.V., Nguyen H.H. The Impact of the COVID-19 Pandemic on the Elderly Residents of Ho Chi Minh City (Vietnam). *Sotsial'naya politika i sotsiologiya*. 2022;21(1):79–88. EDN: HMEMPQ

Submitted 26.12.2022; revised 14.02.2023; accepted 27.02.2023.

About the author:

Hoang H. Nguyen, Lecturer at Academy Politics of Region II, Ho Chi Minh National Academy of Politics (Ho Chi Minh 700000, Vietnam); Postgraduate student of the Department of Sociology, Ethnography and Sociometry, Russian State Social University (4 bld. 1, Wilhelm Peak St., Moscow 129226, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2296-214X>, hoangnh@hcm2.edu.vn

The author has read and approved the final version of the manuscript.

УДК 303.425.2-053.81

doi: 10.15507/2413-1407.123.031.202302.393-410

Оригинальная статья

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Молодежь региона в поисках гражданской идентичности: цифровое участие и модель наблюдателя

С. Б. Абрамова ✉

Н. Л. Антонова

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(г. Екатеринбург, Российская Федерация)

✉ s.b.abramova@urfu.ru

Аннотация

Введение. В настоящее время задачи формирования гражданской идентичности актуализируют проблематику цифрового гражданского участия и осмысления специфики онлайн-активизма как фактора и индикатора гражданской идентичности молодежи. Цель статьи – построение типологии моделей цифрового гражданского активизма и анализ наблюдательских моделей как механизма проявления гражданской идентичности.

Материалы и методы. Исследование строится на результатах опроса жителей Свердловской области в возрасте 14–25 лет ($n = 1\,150$). В объект включена учащаяся и работающая молодежь. Применение корреляционного анализа и расчета степенных средних показателей позволило определить связь моделей цифрового участия с проявлением гражданской идентичности.

Результаты исследования. Произведена типологизация на основании статуса вовлеченности, сконструированы три категории: наблюдатели, деятели, цифровые пассивисты. Молодежь включает наблюдательскую позицию в формы проявления гражданского цифрового активизма. Группа «наблюдателей» внутри является неоднородной и может быть дифференцирована по интенсивности использования цифровых практик. Определено, что несовпадение самоидентификации как наблюдателя и реальных практик цифрового гражданского участия создают внутренние противоречия в формировании гражданской идентичности.

Обсуждение и заключение. Исследование позволило определить, что идентификация молодежью себя как «гражданских наблюдателей» является для них удобной моделью, позволяющей преодолеть противоречия идентичности и выполняющей ряд функций. Зафиксирована трансформация позиции «наблюдателя» в заинтересованного и легко переключающегося со стороннего наблюдателя на деятельного участника и обратно. Результаты могут быть использованы при разработке региональных молодежных проектов, реализации гражданских инициатив, в работе молодежных общественных организаций.

Ключевые слова: цифровое участие, гражданская идентичность, гражданская активность, городская молодежь, цифровой активизм, наблюдательская модель

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено за счет совместного гранта Российского научного фонда и Правительства Свердловской области № 22-28-20265 (<https://rscf.ru/project/22-28-20265/>).

© Абрамова С. Б., Антонова Н. Л., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Абрамова С. Б., Антонова Н. Л. Молодежь региона в поисках гражданской идентичности: цифровое участие и модель наблюдателя // Регионология. 2023. Т. 31, № 2. С. 393–410. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.123.031.202302.393-410>

Original article

Regional Youth in Search of Civic Identity: Digital Participation and the Observer Model

S. B. Abramova ✉, N. L. Antonova

*Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russian Federation)*

✉ s.b.abramova@urfu.ru

Abstract

Introduction. At present, the tasks of forming civic identity actualize the issues of digital civic participation and understanding the specifics of online activism as a factor and indicator of youth civic identity. The purpose of the article is to build a typology of models of digital civic activism and analyze observational models as a mechanism for the manifestation of civic identity.

Materials and Methods. The study is based on the results of a survey of residents of the Sverdlovsk region aged 14–25 years ($n = 1\,150$). The object includes students (schoolchildren, secondary vocational schools and higher educational institutions) and working youth. The use of correlation analysis and the calculation of power-law averages made it possible to determine the relationship between digital participation models and the manifestation of civic identity.

Results. A typology has been made based on the status of involvement, three categories have been constructed: observers, doers, digital passivists. Young people include an observer position in the forms of manifestation of civic digital activism. The group of “observers” inside is heterogeneous and can be differentiated by the intensity of the use of digital practices. It is determined that the discrepancy between self-identification as an observer and real practices of digital civic participation create internal contradictions in the formation of civic identity.

Discussion and Conclusion. The study made it possible to determine that young people’s identification of themselves as “citizen observer” is a convenient model for them, which allows them to overcome the contradictions of identity and performs a number of functions. The transformation of the position of an “observer” into an interested one and easily switching from an outside observer to an active participant and vice versa was recorded. The results can be used in the development of regional youth projects, the implementation of civil initiatives, in the work of youth public organizations.

Keywords: digital participation, civic identity, civic engagement, urban youth, digital activism, observer model

Conflict of interests. The authors declare that there is no conflict of interest.

Funding. The research was funded by the Russian Science Foundation and the Government of the Sverdlovsk Region No. 22-28-20265 (<https://rscf.ru/project/22-28-20265/>).

For citation: Abramova S.B., Antonova N.L. Regional Youth in Search of Civic Identity: Digital Participation and the Observer Model. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(2):393–410. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.123.031.202302.393-410>

Введение. Социальная активность молодежи – это маркер утверждения ее гражданской идентичности [1]. Исследования демонстрируют, что гражданская идентичность является фактором и условием становления и развития практик социального активизма. Актуализация вопроса гражданской идентичности молодежи отражена в Указе Президента РФ о Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., где общероссийская гражданская идентичность определена как «осознание гражданами

Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества»¹.

Развитие информационно-коммуникационных технологий трансформирует практики активизма, цифровизация для молодого поколения сегодня становится базисом новых поведенческих действий и взаимодействий, формируя цифровые модели социальных связей и отношений. Цифровой активизм позволяет заявить гражданскую позицию через участие в политических, экономических и культурных процессах. При этом активизм может принимать различные формы: от «диванного голосования» до реальных практик в режиме офлайн. К. Моссбергер, К. Дж. Толберт и Р. С. МакНил вводят понятие цифрового гражданства как возможности участвовать в жизни общества через интернет, которая способствует социальной интеграции [2]. Авторы полагают, что использование интернета, особенно среди молодежи, является фактором становления цифрового гражданина через вовлечение в политическую жизнь общества. В фокусе нашего исследовательского внимания – модель наблюдателя в цифровом участии как индикатор гражданской идентичности молодежи.

Цель статьи – проанализировать наблюдательские модели цифрового гражданского участия как механизма проявления гражданской идентичности. Для реализации цели выдвигались следующие задачи: 1) построить типологию моделей цифрового гражданского участия и определить представленность выделенных категорий среди городской молодежи; 2) обозначить противоречия, порождаемые наблюдательскими моделями участия и установками гражданской идентичности на проявление социального активизма; 3) определить проявление гражданской идентичности на различных уровнях (семья, двор, город, страна) у представителей разных типов гражданского участия, в том числе «наблюдателей».

Обзор литературы. Гражданская идентичность – феномен, к которому последние десятилетия обращено внимание как управленцев-практиков, так и представителей академического сообщества. Следует отметить, что отсутствует его единое толкование в социогуманитарном дискурсе. В научных статьях широко тиражируется определение, предложенное А. Г. Асмоловым: гражданская идентичность – это «осознание личностью своей принадлежности к сообществу граждан определенного государства на общекультурной основе»². Т. Водлажская подчеркивает значимость для индивида идентичности и ее индивидуальный характер, который становится признаком гражданской общности как коллективного субъекта [3]. И. Г. Белякова полагает, что личностный компонент «представляет собой важную составляющую гражданской идентичности», является условием «гармоничного восприятия общества» [4, с. 100]. П. А. Немков уточняет, что следует отделять гражданскую идентичность от

¹ О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации № 1666 от 19 дек. 2012 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902387360> (дата обращения: 20.11.2022).

² Как проектировать универсальные учебные действия в начальной школе: от действия к мысли : пособие для учителя / под ред. А. Г. Асмолова. М. : Просвещение, 2008. 151 с.

этнической или национальной, поскольку она связана с гражданственностью как ценностно-нравственным ориентиром, формирующим установку на активное участие в решении социальных проблем [5].

Исследователи включают в структуру гражданской идентичности когнитивный, эмоциональный, ценностный и поведенческий компоненты [6]. Понимая под гражданской идентичностью осознаваемую индивидом принадлежность к общности граждан, мы делаем акцент на изучении деятельностного (действия, нацеленные на порядок жизнеустройства) компонента и частично затрагиваем аффективный компонент (эмоциональное отношение к стране и чувство ответственности за территорию проживания). Соответственно, основу исследовательского поиска составит активистско-деятельностный подход³, который позволяет проинтерпретировать действия индивидов и групп как активных субъектов (акторов) социальных преобразований.

Социальный активизм как показатель гражданской идентичности связан с усвоением и распространением гражданских знаний, ценностей, установок и практик, участием в общественной жизни и деятельности государства [7]. При этом можно утверждать, что гражданская идентичность проходит испытание в цифровом пространстве. С одной стороны, она проявляется через онлайн-практики. Например, согласно исследованию С. Пан, участие в общественных движениях выступает площадкой для заявления идентичности и гражданственности [8]. С другой стороны, по утверждению Д. К. Каминченко, создаваемое в интернете сетевое коммуникативное пространство определяет специфику формируемой идентичности [9, с. 97].

В поле научных исследований отсутствует единое понимание цифрового участия. Так, ученые оперируют понятиями сетевой активизм [10], интернет-активизм [11], гибридный активизм [12] и др. При этом понятия используются как синонимичные, демонстрируя специфику коммуникаций, связей, отношений в интернет-пространстве. Н. А. Рябченко и Н. А. Гнедаш уточняют, что цифровой активизм реализуется через использование онлайн-пространства, социальных сетей и сетевых сообществ, подкастов, видеохостингов «для мгновенной коммуникации и представления локальной информации широкой общественности посредством блогеров»⁴. Коммуникационные связи в цифровой среде схожи со связями в физическом пространстве, а цифровые платформы выступают центральными площадками формулирования коллективных целей и идентичностей [13, с. 87]. Например, сервисом для онлайн-петиций [Change.org](https://www.change.org) (зарегистрирован в Сан-Франциско, США) пользуются более 200 млн чел. из 196 стран⁵. Под цифровым участием в нашем исследовании будем понимать совокупность воспроизводимых действий и взаимодействий индивидов и групп,

³ Заславская Т. И. О субъектно-деятельностном аспекте трансформационного процесса // Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса. М., 2001. С. 3–15.

⁴ Рябченко Н. А., Гнедаш Н. А. Цифровой активизм: новые медиа, гражданские приложения и технологические сообщества как основания для социально-политических изменений // Сборник научных статей XIX Объединенной конференции «Интернет и современное общество» IMS – 2016, Санкт-Петербург, 22–24 июня 2016 г. СПб., 2016. С. 48–55.

⁵ Глобальная платформа для общественных кампаний – [Change.org](https://www.change.org) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.change.org/about> (дата обращения: 10.01.2023).

осуществляемых в интернете и нацеленных на становление и подтверждение гражданской идентичности.

Современные исследователи при обращении к цифровому участию предпринимают попытку типологизации практик активностей. Начиная с Л. Милбрата обязательным компонентом классификаций выступает учет уровня усилий гражданина и степени приверженности. Ставшая наиболее распространенной модель Д. Джорджа и Д. Лейднера включает три категории цифрового активизма: зрительский, транзитный и гладиаторский, которым соответствуют 10 видов активностей (кликтивизм, метаголосование, утверждение, электронное финансирование, защита прав потребителя, цифровые петиции, ботивизм, работа с данными, разоблачения и хактивизм) [14]. Весомый вклад в изучение молодого поколения и его активности в интернет-пространстве внесли российские ученые. Так, Е. В. Бродовская с коллегами провели масштабное исследование онлайн-практик молодежи, предложив типологию участников: идеалисты, прагматики, традиционалисты [15]. Проведя дискурс-анализ цифрового активизма и выделив техно-оптимистов и техно-пессимистов, О. А. Башева пришла к выводу, что гражданское участие сегодня проявляется скорее в коротких и акционных практиках, чем в длительных и высокорисковых [16].

В целом, современные исследователи отмечают высокий потенциал интернет-коммуникаций как мобилизационного ресурса гражданской активности, формирования солидаризированных практик, а также определения и проявления гражданской идентичности [17]. Одновременно с этим исследования фиксируют наличие группы наименее вовлеченных в цифровое участие молодых людей. Так, Е. И. Васильева с коллегами полагают, что имеются латентные формы гражданской активности, такие как обсуждение в социальных сетях, чтение информации о происходящем в городе на городских порталах и т. п. [18]. Это определяет акцентирование исследовательского интереса в данной статье на выделении наблюдательских практик цифровой партисипации, их функций и особенностей в проявлении гражданской идентичности. Считаем, что данное исследование позволит предложить научному сообществу эмпирически обоснованную модель наблюдателя в цифровой активности молодежи региона, которая маркирует гражданскую идентичность.

Материалы и методы. Основным методом исследования выступил опрос молодежи Свердловской области, проведенный в августе – сентябре 2022 г. Возрастные границы объекта составили 14–25 лет и определены рамками поколения Z: это поколение, которое родилось в период с 1995 по 2010 г., воспринимает цифровой мир как повседневность, выросло в окружении цифровых каналов и имеет доступ к большему количеству информации, чем любое другое поколение. Молодежь рассматривается как социальная группа с высоким творческим и гражданским потенциалом и способностью к социально-преобразующей деятельности.

Всего было опрошено 1 150 чел., использовалось сочетание онлайн-опроса и раздаточного анкетирования учащейся молодежи. Для построения выборочной совокупности был осуществлен квотный отбор по следующим категориям: пол, возраст, род занятости и тип населенного пункта. Среди опрошенных 43 % составили респонденты мужского пола, 57 % – женского пола. По роду занятости структура опрошенных представлена следующим образом: школьники

8–11 классов – 14 %, учащиеся учреждений начального профессионального образования (НПО) – 4 %, среднего профессионального образования (СПО) – 34 %, высших учебных заведений (ВО) – 38 %, работающая молодежь – 10 %. Среди работающей молодежи 32 % являются специалистами, 20 – фрилансерами, 15 – служащими, 15 – рабочими, 4 – занимают руководящие должности, 4 – имеют свой бизнес, 10 % – временно не работают. В опросе приняли участие представители молодежи Екатеринбурга (мегаполис, 61 %), больших и средних городов (10 %) и малых городов Свердловской области (29 %). Все респонденты были проинформированы о цели исследования и выразили согласие к сотрудничеству.

В ходе исследования авторы применяли общенаучные методы исследования и комплекс аналитических процедур, в том числе процедуры дескриптивного и многомерного статистического анализа с использованием пакета прикладных программ SPSS. С целью выявления тесноты взаимосвязи между исследуемыми величинами проводился корреляционный анализ с определением коэффициентов линейной корреляции (достоверные взаимосвязи между характеристиками описывались коэффициентом линейной корреляции r Пирсона при уровне значимости $p < 0,05$).

В качестве основы методики измерения цифрового участия молодежи использовалась типология Д. Джорджа и Д. Лейднера, в соответствии с которой в анкете был представлен список из 21 действия. Респонденты выбирали те действия, которые они совершали за последний год. На основании содержательных характеристик, а также количества используемых действий далее была построена типология цифрового участия. Для субъективной самооценки применялось два вида шкал: 1) 10-балльная для измерения вовлеченности в общественную жизнь региона (где 1 – совершенно не вовлечены, 10 – полностью вовлечены); 2) 3-балльная для оценки роли гражданских инициатив, себя как общественно активного человека, а также чувства ответственности за происходящее (где 1 – наименьшее проявление признака, 3 – наибольшая степень выраженности), что позволило произвести расчет средних показателей в разрезе различных выделенных типов гражданского участия.

Результаты исследования. Материалы нашего исследования свидетельствуют, что только 4 % в структуре опрошенных представляют самую активную часть молодежи – они использовали все виды активностей за последний год.

Большинство респондентов (79 %) предпочитали разные виды активности. Каждый десятый участник опроса за последний год не был включен ни в какие формы онлайн-активизма. Такая модель поведения чаще встречается у мужчин (15 %), чем у женщин (7 %) и уменьшается с возрастом: в младшей возрастной группе (14–17 лет) доля невовлеченных в цифровой активизм составляет 14 %, среди 23–25-летних – 5%. Онлайн-активизма меньше в средних и малых городах (16 % неучастников в сравнении с 8 % в Екатеринбурге).

69 % респондентов считают, что для них характерна позиция наблюдателя, им свойственно стремление быть в курсе события в сочетании с отсутствием выраженной фактической вовлеченности в цифровое участие. На основании теоретического осмысления концепта цифрового активизма, а также прикладного исследования практик молодежи Свердловской области в сфере гражданской онлайн-активности и выделения позиции наблюдателя как присущей значимой

части молодых горожан была модифицирована типологизация данных практик. Мы считаем необходимым при построении структуры молодежного сообщества по критерию цифрового активизма использовать следующие категории в соответствии со статусом участия/вовлеченности в цифровые практики:

1) неучастники цифровых форм гражданской активности – «цифровые пассивисты». В эту подгруппу включены респонденты, которые за последний год не использовали никаких онлайн-форм гражданского активизма (отметим, что это не исключает возможности их участия в офлайн-вариантах гражданской активности). Термин «пассивизм» входит в научный социологический оборот [19] для обозначения категорий граждан с наименьшей степенью участия в тех или иных видах активностей и подчеркивает наличие установки на целесообразность пассивности;

2) самоопределяющие себя как предпочитающие наблюдательскую позицию – «наблюдатели». В анкете предлагалось утверждение «предпочитаю преимущественно наблюдать за событиями, быть в курсе», и в эту категорию включены все респонденты, согласившиеся с данным утверждением как соответствующим их модели цифрового участия;

3) использовавшие за последний год какие-либо формы цифрового участия и при этом не выбравшие для себя позицию наблюдателя – «деятели». В последующем анализе «наблюдатели» определены нами в качестве центральной категории в соответствии с ключевой целью исследования. «Наблюдатели» имеют соответствующую базовую установку: «быть в стороне» допустимо и роль стороннего наблюдателя ими принимается.

Однако фактически такой взгляд на себя не всегда соответствует реальности, и уровень их вовлечения может быть достаточно высоким. Только 5 % опрошенной молодежи (8 % от всех наблюдателей) отнесены к «чистым наблюдателям», которые не предпринимают никаких действий в рамках цифрового участия и занимают позицию заинтересованного неучастия; соответственно 92 % в данной подгруппе фактически осуществляют практики активизма. Следовательно, группа «наблюдателей» внутри является неоднородной и может быть дифференцирована на три подгруппы: чистые наблюдатели, наблюдатели с низкой активностью и наблюдатели с высокой активностью (табл. 1).

Таблица 1. Матрица типологии цифрового участия молодежи, %⁶

Table 1. Typology matrix of youth digital participation, %

Статус цифрового участия / Status of digital participation	Использование практик цифрового активизма / Using digital activism practices		
	Без реальных практик активности / No real activity practices	С низкой активностью / With low activity	С высокой активностью / With high activity
Цифровые пассивисты / Digital passivists	10,5	–	–
Наблюдатели / Observers	5,1	19,8	43,6
Деятели / Doers	–	15,5	5,5

⁶Здесь и далее в статье все таблицы составлены авторами.

5,1 % опрошенной молодежи, «чистые наблюдатели», сами определяют себя в качестве заинтересованного, но полностью стороннего наблюдателя. Им важно знать происходящие события, при этом они не включаются в практики цифрового участия. Доля этой категории уменьшается с возрастом (к 23–25 годам снижается до 0,8 %), не зависит от размера города проживания, чуть выше у мужчин.

19,8 % городской молодежи могут считаться наблюдателями с низкой гражданской онлайн-активностью – позиционируют себя в качестве предпочитающих стороннее наблюдение, но при этом совершали 1–3 вида действий за последний год. Большинство из них использовали практики в рамках модели цифровых зрителей в типологии Д. Джорджа и Д. Лейднера (67 % – кликтивизм, 39 % – метаголосование, 15 % – утверждение), но есть и транзитивные действия (33 % – защита прав потребителей, 9 % – пожертвования) и даже гладиаторские примеры (18 % – активизм данных). Таких участников больше среди 18–22-летних (22 %), женщин (22 %), учащихся школ и вузов (25 %).

Обращаясь к группе респондентов с высокой цифровой активностью, определяющих себя как наблюдатели (43,6 %), отметим, что за последний год они использовали 4 и более видов участия. Практически все в этой подгруппе использовали кликтивизм (98 %) и метаголосование (89 %), а показатели транзитивных и гладиаторских практик достигают 60 %. Соответственно, их самоопределение в качестве наблюдателей может рассматриваться как дополнительная, а не ведущая модель, которая выступает одновременно условием для дальнейшего проявления активизма (получение информации, понимание ключевых трендов общественной жизни, выбор наиболее интересных проектов из информационного потока и т. д.) и как возможность для «выключенности» (отдыха, паузы, перерыва между активностями). Доля таких молодых граждан увеличивается с 34 % в возрастной группе 14–17 лет до 48 % среди 18–22-летних и до 65 % в 23–25 лет, их больше в мегаполисе и крупных городах (50 %).

Корреляционный анализ данных построенных типов гражданского участия молодежи с различными характеристиками показывает, что тип имеет значимую связь и с социально-демографическими параметрами опрошенных, и с оценкой своей гражданской активности, и с чувством гражданской идентичности.

Т а б л и ц а 2. Корреляция типов гражданского участия молодежи с социально-демографическими и содержательными переменными

Table 2. Correlation of types of youth civic participation with socio-demographic and content variables

Показатель / Indicator	Значимость связи / Significance of connection
1	2
<i>Социально-демографические характеристики респондентов / Socio-demographic characteristics of respondents</i>	
Пол / Gender	-0,136**
Возраст / Age	-0,090**
Род занятости / Type of employment	-0,078**
Тип населенного пункта / Locality type	0,173**

Окончание табл. 2 / End of table 2

1	2
<i>Оценка гражданской активности / Assessment of civic engagement</i>	
Самооценка степени вовлеченности в общественную жизнь региона / Self-assessment of the degree of involvement in the public life of the region	0,082**
Оценка времени в месяц, достаточного на участие в гражданских проектах, чтобы считать себя активным гражданином / Estimate of time per month sufficient to participate in civic projects to consider yourself an active citizen	-0,065*
Оценка роли инициативы граждан в жизни России / Assessment of the role of citizens' initiative in the life of Russia	-0,065*
Оценка себя как общественно активного человека / Evaluation of oneself as a socially active person	0,040
<i>Чувство ответственности за то, что происходит / A sense of responsibility for what is happening:</i>	
в семье / in family	0,016
на работе / учебе / at work / study	-0,067*
в доме, во дворе / in the house, in the yard	0,125**
в городе / in the town	0,073*
в стране / in the country	0,049

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя) / Correlation is significant at the 0.01 level (two-tailed).

* Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя) / Correlation is significant at the 0.05 level (two-tailed).

Зафиксированное несовпадение самоидентификации как наблюдателя и реальных практик цифрового гражданского участия неизбежно должно создавать ряд внутренних противоречий в формировании гражданской идентичности и, как следствие, ее изучении.

Во-первых, самоопределение своего статуса основано на сопоставлении, с одной стороны, представления об ожидаемом, социально-одобряемом минимальном уровне активности, начиная с которого можно считать себя активным гражданином, а с другой – своих реально затрачиваемых ресурсов на цифровое участие. Эти показатели замерялись через самооценку степени вовлеченности в общественную жизнь региона и оценку времени, которое необходимо затрачивать на общественные проекты, чтобы считать себя активным гражданином (в часах в месяц).

Показатели (табл. 3) демонстрируют связь представленных типов гражданского участия молодежи с уровнем самооценки вовлеченности, когда наименьшее значение (2,97 балла из 10 возможных) поставили себе «чистые наблюдатели», а наибольшее (5,68 балла) – «высоко активные деятели» (связь значима на уровне 0,01 (табл. 2)). Однако особенно интересен здесь показатель нормативного времени: именно у самых вовлеченных активистов он значительно ниже, их высокая самооценка включенности базируется не только на фактическом участии, но и более низкой ожидаемой норме. Следовательно, определение своего статуса как «наблюдателя» может быть связано со сформированными у молодежи завышенными критериями оценки уровня гражданской активности, завышенными ожиданиями со стороны общества (частоты их участия, интенсивности включенности, количества поддерживаемых проектов и т. д.).

Таблица 3. Самооценка молодежью степени своей вовлеченности в общественную жизнь региона и времени, которое достаточно уделять гражданским проектам, чтобы считать себя активным гражданином

Table 3. Young people's self-assessment of the degree of their involvement in the public life of the region and the time that is enough to devote to civic projects in order to consider themselves an active citizen

Показатель / Indicator	Самооценка степени вовлеченности в общественную жизнь региона (среднее значение*) / Self-assessment of the degree of involvement in the public life of the region (average value*)	Оценка времени на участие в гражданских проектах, достаточного, чтобы считать себя активным гражданином (час/месяц) / Estimated time to participate in civic projects, enough to consider yourself an active citizen (hour/month)
Наблюдатели / Observers	4,32	29,10
Чистые наблюдатели / Pure observers	2,97	23,43
Наблюдатели с низкой активностью / Observers with low activity	3,29	29,89
Наблюдатели с высокой активностью / Observers with high activity	4,95	29,37
Деятели / Doers	4,66	24,07
Деятели с низкой активностью / Doers with low activity	4,30	27,63
Деятели с высокой активностью / High activity doers	5,68	12,96
Цифровые пассивисты / Digital passivists	3,57	20,55

* Среднее значение может изменяться от 1 до 10, где 1 – совершенно не вовлечены, 10 – полностью вовлечены / Average values can vary from 1 to 10, where 1 is not involved at all, 10 is involved entirely.

Во-вторых, самоопределение статуса наблюдателя связано с готовностью/неготовностью (желанием или нежеланием) быть активно вовлеченным в гражданскую активность. Это создает удобство данной позиции как средней между полным отсутствием интереса к общественной жизни и сильной вовлеченностью в гражданские инициативы. В структуре молодого населения всегда выделяются подгруппы незаинтересованных в собственном участии [20], сомневающих в соответствии своих личных качеств данному виду деятельности.

Представители всех типов практически в равной степени (табл. 4) признают роль гражданских инициатив в современной России и считают ее скорее значимой (кроме цифровых пассивистов, где показатель ближе к незначительной роли); т. е. в восприятии всех категорий молодежи активизм является важной составляющей жизни страны (связь с типом активизма слабая (табл. 2)). Однако себя считают скорее активным человеком только представители типов «наблюдатель с высокой активностью» и «пассивист», остальные не рассматривают инициативность как свое ведущее качество. По всем типам самооценка

инициативности ниже оценки значимости гражданской инициативы в обществе. Для таких людей признание значимости активизма и неготовность самому в нем участвовать может вызывать внутренний дискомфорт, что приводит к формированию соответствующей наблюдательской позиции.

Таблица 4. Оценка молодежью роли гражданских инициатив в современной России и себя как активного человека

Table 4. Young people's assessment of the role of civic initiatives in modern Russia and of themselves as an active person

Показатель / Indicator	Оценка роли инициативы граждан в современной России (среднее значение*) / Assessing the role of citizens' initiatives in modern Russia (average value*)	Оценка себя как общественно активного человека (индекс**) / Assessment of oneself as a socially active person (index**)
Наблюдатели / Observers	2,34	1,82
Чистые наблюдатели / Pure observers	2,29	1,49
Наблюдатели с низкой активностью / Observers with low activity	2,31	1,64
Наблюдатели с высокой активностью / Observers with high activity	2,36	1,94
Деятели / Doers	2,36	1,89
Деятели с низкой активностью / Doers with low activity	2,36	1,85
Деятели с высокой активностью / High activity doers	2,35	2,00
Цифровые пассивисты / Digital passivists	2,09	1,59

* Средние значения могут изменяться от 1 до 3, где 1 – не играют никакой роли, 3 – имеют значительную роль / Average values can vary from 1 to 3, where 1 is – do not play any role, 3 – have a significant role.

** Индекс может изменяться от 1 до 3, где 1 – безусловно не считают себя общественно активным человеком, 3 – точно считают / The index can vary from 1 to 3, where 1 – they definitely do not consider themselves as a socially active person, 3 – definitely consider themselves.

В-третьих, статус в типологии участия (наблюдатель, деятель, цифровой пассивист) необходимо рассматривать непосредственно в контексте гражданской идентичности. В рамках исследования гражданская идентичность замес-рялась через чувство ответственности за происходящее на различном уровне окружения (семья, работа/учеба, двор, город, страна) и оценку возможности повлиять на общественную жизнь своего города.

Корреляционный анализ (табл. 2) показывает, что у рассматриваемых типов активизма значимая связь с чувством ответственности на уровне дома/двора, менее значимая – на уровне работы и города, и отсутствует влияние этих переменных друг на друга на уровне семьи и страны. Во всех выделенных типах гражданская идентичность изменяется в зависимости от уровня окружения следующим образом: на уровне семьи демонстрируется наивысший показатель чувства ответственности, к уровню города и страны он снижается. Однако развитие этого тренда внутри типов несколько отличается (табл. 5).

Таблица 5. Чувство ответственности за происходящее в окружении (средние показатели)*
Table 5. Feeling of responsibility for what is happening in the environment (average values)*

Показатель / Indicator	Уровень идентичности: ответственность за происходящее / Identity level: responsibility for what is happening				
	В семье / In family	На работе/ учебе / At work / school	В доме, во дворе / In the house, in the yard	В го- роде / In the town	В стра- не / In the country
Наблюдатели / Observers	2,71	2,71	2,03	1,88	1,94
Чистые наблюдатели / Pure observers	2,55	2,64	2,00	1,84	1,87
Наблюдатели с низкой активностью / Observers with low activity	2,74	2,70	1,93	1,70	1,75
Наблюдатели с высокой активностью / Observers with high activity	2,71	2,72	2,08	1,96	2,02
Деятели / Doers	2,68	2,71	2,27	1,99	2,00
Деятели с низкой активностью / Doers with low activity	2,71	2,72	2,26	1,94	1,96
Деятели с высокой активностью / High activity doers	2,59	2,68	2,30	2,11	2,11
Цифровые пассивисты / Digital passivists	2,75	2,56	2,20	1,87	1,88

* Средние показатели могут принимать значение от 1 до 3, где 1 – не чувствуют ответственность, 3 – ощущают ответственность в значительной мере / Average indicators can take a value from 1 to 3, where 1 – do not feel responsible, 3 – feel responsible to a large extent.

За события в городе наибольшую ответственность проявляют «деятели», они же лидируют по остальным уровням, кроме семьи. Показатели «чистых наблюдателей» и «пассивистов» в аспекте ответственности за город более низкие и сходные, что указывает на близость этих типов по выраженности гражданской идентичности. Интересно, что «наблюдатели с низкой активностью» демонстрируют самую низкую идентичность по всем аспектам, кроме семьи, что может косвенно подтверждать довольно формальный и даже демонстративный характер их активизма. Для «наблюдателей» также характерно более сильное чувство ответственности за происходящее в стране (1,94), чем в городе (1,88), и самый низкий показатель в сравнении с другими типами идентичности на уровне двора (2,03). Это может быть связано с более активным присутствием в повестке дня интернет-СМИ федеральных новостей, событий, проектов, что как раз демонстрирует их «оторванность» от реальных практик «местного патриотизма» [21] и включенность в онлайн-отслеживание как основную модель реализации гражданской позиции.

Обсуждение и заключение. Л. М. Дробижева, говоря о государственной идентичности, утверждает: в частной жизни человек живет своими повседневными заботами, но это не ослабляет его связь с обществом, с государством, и эта связь в той или иной мере проявляется в его идентичности [22, с. 494]. Мы бы добавим к этому, что не только повседневные заботы волнуют молодое

поколение, но и стремление знать и участвовать в решении социально-значимых проблем, в том числе посредством онлайн-технологий.

Молодежь, регулярно наблюдающая за информационными потоками и реакцией социума на отдельные события и интернет-публикации, включает такую наблюдательскую позицию в формы проявления гражданского цифрового участия. В условиях развития цифровой коммуникации и сетевых платформ значимую роль в исходе публичных дискуссий и реализации гражданских инициатив играет наблюдающая аудитория. В нашем понимании само значение этой категории претерпевает изменения: для большинства опрошенных это не просто позиция стороннего невключенного наблюдения, а деятельное сопереживание, в том числе выбор и определение интересных направлений, демонстрация своего отношения, и вместе с тем готовность в любой момент как включиться в реальные практики поддержки и гражданского участия, так и выйти из них.

Специфика организации гражданских действий в социальных медиа видится через формирование активного ядра сетевого сообщества, которое выступает инициатором необходимой информации, запускает и контролирует создание контента, а также периферии, которая окружает ядро в виде слоев и групп по степени вовлеченности [23]. Наблюдатели традиционно рассматривались в качестве наиболее пассивной части периферии. Так, Р. В. Парма определяет эту модель как «пассивное отслеживание информации» [24, с. 162]. На наш взгляд, наблюдатели перестают быть «чистым типом» и имеют сложную внутреннюю структуру, 92 % из них сочетают наблюдение с другими формами участия. Охватывая 68 % молодых граждан, позиция наблюдателя способна встраиваться в любые модели участия, брать на себя доминирующее или подчиненное значение, активизироваться и затухать в различных обстоятельствах. С одной стороны, определяя себя как наблюдателей, фактически большинство из этой группы достаточно активно используют различные формы цифрового участия, с другой – их самооценка уровня гражданской активности и гражданской идентичности сопоставима с участниками-деятелями.

Мы делаем вывод, что идентификация молодежи себя как «гражданских наблюдателей» является для них удобной моделью, позволяющей преодолеть противоречия и выполняющей несколько функций: 1) использование доступных, приемлемых, удобных по форме и интенсивности практик гражданского цифрового участия для демонстрации (как формальной, так и заинтересованной) своей гражданской идентичности; 2) снятие противоречия между социальными ожиданиями (призывами, обращениями к гражданственности) и фактическим уровнем их цифрового активизма; 3) обеспечение возможности обоснования перерывов, отдыха, неучастия через заинтересованное наблюдение; 4) включение в актуальные процессы федерального значения (формирование гражданской идентичности на уровне страны), которые не имеют иных форм участия; 5) формирование делиберативного общественного мнения, основанного на дискурсе и достижении общественно значимых целей через решение конкретных задач; 6) создание личной модели цифрового гражданского активизма, опосредованной как персонализированным контентом, так

и персонализированными цифровыми действиями; 7) побуждение организаторов проектов и участников дискуссий не только на выбор наиболее выверенных аргументов и задач, но и поиск более емких, зрелищных, мотивирующих приемов.

Отсюда выделение категории «наблюдателей» в ходе данного исследования выступает методическим приемом, позволившим показать трансформацию самого явления и, как следствие, научных представлений о нем. Предполагается, что гражданская идентичность, связывающая личность с сообществами вне цифровой среды, реализуется в цифровой партисипации как в традиционных формах (через приемы, мотивирующие к участию), так и в новых форматах (через оперативность взаимосвязи и площадки для обсуждения). Определяя основные задачи е-мобилизации, исследователи цифрового участия указывают на ведущее значение повышения осведомленности [25], тем самым определяя работу с информацией и наблюдательскую позицию как ключевую характеристику цифровых технологий в развитии гражданственности.

Проведенное нами исследование имеет ограничения. Поскольку в выборку были включены только жители городов одного региона (Свердловской области), результаты данного опроса не могут быть распространены на всю совокупность российской молодежи. Кроме того, гражданская идентичность и активизм как способ ее проявления определяется, наряду с прочими факторами, объективными процессами, происходящими в стране и регионе в период проведения исследования. Ситуация 2022 г. воспринимается как крайне неоднозначная, поставившая принципиально новые вызовы для каждого человека, что определяет модели поведения, расстановку приоритетов и пр. Специфичность ситуации 2022 г. определяет и тренды в идентичности. По данным ВЦИОМ, в сравнении с 2021 г. доля тех, кто чувствует сплоченность российского общества, ощутимо возросла (с 31 % до 56 %)⁷.

Перспективными направлениями дальнейшего изучения проблематики гражданской идентичности и цифрового участия молодежи можно считать изучение онлайн-сообществ и общественных движений как драйверов формирования актуальной политической и неполитической повестки и источника мобилизации ресурсов; анализ сетевой сплоченности и сетевой солидарности как факторов коллективных действий и цифровой активности; исследование лидеров мнений и их роли в продвижении цифрового активизма. Также перспективы расширения исследовательских возможностей изучения цифровой активности молодежи видятся в использовании гибридной (комплексной) эмпирической стратегии, предполагающей анализ цифровых следов с помощью технологий сбора больших данных, сервисов мониторинга социальных медиа, анализа социальных сетей с использованием графов, сентиментального (эмоционального) анализа текстов на основании библиотек Python и др.

⁷ Народное единство на фоне специальной военной операции [Электронный ресурс]. ВЦИОМ : сайт. 3 нояб. 2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/narodnoe-edinstvo-na-fone-specialnoi-voennoi-operacii> (дата обращения: 10.01.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Магранов А. С., Деточенко Л. С. Гражданская идентичность современной студенческой молодежи: особенности и факторы трансформации // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 108–116. <https://doi.org/10.31857/S013216250000766-5>
2. Mossberger K., Tolbert C. J., McNeal R. S. Digital Citizenship: The Internet, Society, and Participation. Cambridge, MA : MIT Press, 2007. <https://doi.org/10.7551/mitpress/7428.001.0001>
3. Водолажская Т. Идентичность гражданская // Образовательная политика. 2010. № 5–6 (43–44). С. 140–142. EDN: VZZOQD
4. Белякова И. Г. Формирование гражданской идентичности в образовательной среде глобализирующегося пространства // Вестник культуры и искусств. 2017. № 2 (50). С. 98–105. EDN: YTNWMJ
5. Немков П. А. Формирование гражданской идентичности учащихся в рамках российского движения школьников // Социально-политические исследования. 2020. № 4 (9). С. 121–134. <https://doi.org/10.20323/2658-428X-2020-4-9-121-134>
6. Сафин Н. В. Гражданская идентичность подростка как педагогическая проблема // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2016. № 2 (18). С. 274–281. URL: <http://www.vestospu.ru/archive/2016/articles/Safin2-18.html> (дата обращения: 09.01.2023).
7. Khoronko L., Tskvitariya T., Akhanov I. Cadets' Axiological Basics of Formation of Civil Identity // Innovative Technologies in Science and Education. 2020. Vol. 210. <https://doi.org/10.1051/e3s-conf/202021019006>
8. Pan S. Identity, Civic Engagement, and Learning about Citizenship: University Students' Experiences in Hong Kong // Compare: A Journal of Comparative and International Education. 2019. Vol. 51, issue 4. Pp. 945–964. <https://doi.org/10.1080/03057925.2019.1687286>
9. Каминченко Д. К. Отражение сетевизации идентичности в политическом процессе: на пример движения «желтых жилетов» во Франции // Вестник Пермского университета. Политология. 2020. Т. 14, № 3. С. 96–106. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2020-3-96-106>
10. Tufekci Z. “Not This One”: Social Movements, the Attention Economy, and Microcelebrity Networked Activism // American Behavioral Scientist. 2013. Vol. 57, issue 7. Pp. 848–870. <https://doi.org/10.1177/0002764213479369>
11. Брюханова А. А. Политический интернет-активизм: теоретический обзор основных форм и моделей исследования // Вестник Пермского университета. Политология. 2022. Т. 15, № 4. С. 121–130. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2021-4-121-130>
12. Treré E. Hybrid Media Activism: Ecologies, Imaginaries, Algorithms. London : Routledge, 2019. 222 p. <https://doi.org/10.4324/9781315438177>
13. Ахременко А. С., Стукал Д. К., Петров А. П. Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 73–91. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.06>
14. Ермолаева П., Ермолаева Ю., Башева О. Цифровой экологический активизм как новая форма экологического участия населения // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19, № 3. С. 376–408. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2020-3-376-408>
15. Гражданские и политические онлайн-практики в оценках российской молодежи / Е. В. Бродовская [и др.] // Политическая наука. 2019. № 2. С. 180–197. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskie-i-politicheskie-onlai-n-praktiki-v-otsenka-h-rossii-skoi-molodezhi-2018> (дата обращения: 09.01.2023).
16. Башева О. А. Цифровой активизм как новый метод гражданской мобилизации // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 1. С. 41–57. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2020-6-1-0-4>
17. Gerbaudo P. From Cyber-Autonomism to Cyber-Populism: An Ideological History of Digital Activism // TripleC. 2017. Vol. 15, issue 2. Pp. 477–489. <https://doi.org/10.31269/triplec.v15i2.773>
18. Васильева Е. И., Зерчанинова Т. Е., Никитина А. С. Исследование современных социальных и политических альтернативных форм гражданской активности молодежи // Вестник

Сургутского государственного педагогического университета. 2020. № 5 (68). С. 56–64. <https://doi.org/10.26105/SSPU.2020.68.5.005>

19. Домбровская А. Ю., Синяков А. В. Потенциал оппозиционности гражданского участия россиян: результаты кластерного анализа // Политическая наука. 2021. № 3. С. 142–160. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.03.06>

20. Антонова Н. Л., Абрамова С. Б., Гурарий А. Д. Типологизация практик неполитической активности городской молодежи: формы, мотивация, барьеры // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 1. С. 243–257. <http://www.doi.org/10.15838/esc.2022.1.79.13>

21. Формирование социальной идентичности молодежи региона: потенциал эстетической информации / В. П. Воробьев [и др.] // Регионология. 2022. Т. 30, № 2. С. 470–491. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.470-491>

22. Дробижева Л. М. Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 480–498. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1261>

23. Володенков С. В., Федорченко С. Н. Цифровые инфраструктуры гражданско-политического активизма: актуальные вызовы, риски и ограничения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 97–118. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2014>

24. Парма Р. В. Общественный активизм российских граждан в офлайн- и онлайн-пространствах // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 145–170. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2042>

25. Гудошникова О. Е. Технологии «новых медиа» как платформа гражданской активности // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18442> (дата обращения: 21.11.2022).

Поступила 24.11.2022; одобрена после рецензирования 01.02.2023; принята к публикации 10.02.2023.

Об авторах:

Абрамова Софья Борисовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620083, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4010-8406>, s.b.abramova@urfu.ru

Антонова Наталья Леонидовна, доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной социологии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620083, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2063-4970>, n.l.antonova@urfu.ru

Заявленный вклад авторов:

С. Б. Абрамова – методология исследования; проведение исследования; обработка данных; анализ и интерпретация результатов исследования.

Н. Л. Антонова – концепция статьи; теоретическое содержание статьи; анализ и интерпретация результатов исследования.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Magranov A.S., Detochenko L.S. Civil Identity of Modern Students: Features and Factors of Transformation. *Sociological Studies*. 2018;(8):108–116. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250000766-5>

2. Mossberger K., Tolbert C.J., McNeal R.S. Digital Citizenship: The Internet, Society, and Participation. Cambridge, MA: MIT Press; 2007. <https://doi.org/10.7551/mitpress/7428.001.0001>

3. Vodolazhskaya T. [Civil Identity]. *Educational Policy*. 2010;(5-6):140–142. (In Russ.) EDN: VZZOQD
4. Belyakova I.G. Formation of Civil Identity in Educational Environment of the Globalizing World. *Culture and Arts Herald*. 2017;(2):98–105. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: YTNWMJ
5. Nemkov P.A. The Formation of Students' Civil Identity as Part of Russian Student Movement's Activity. *Social and Political Research*. 2020;(4):121–134. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20323/2658-428X-2020-4-9-121-134>
6. Safin N.V. Teenager Civil Identity as a Pedagogical Problem. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University*. 2016;(2):274–281. Available at: <http://www.vestospu.ru/archive/2016/articles/Safin2-18.html> (accessed 09.01.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
7. Khoronko L., Tskvitariya T., Akhanov I. Cadets' Axiological Basics of Formation of Civil Identity. *Innovative Technologies in Science and Education*. 2020;210. <https://doi.org/10.1051/e3s-conf/202021019006>
8. Pan S. Identity, Civic Engagement, and Learning about Citizenship: University Students' Experiences in Hong Kong. *Compare: A Journal of Comparative and International Education*. 2019;51(4):945–964. <https://doi.org/10.1080/03057925.2019.1687286>
9. Kaminchenko D.K. Reflection of the Networkization of Identity in the Political Process: The Example of the “Yellow Vests” Movement in France. *Bulletin of Perm University. Political Science*. 2020;14(3):96–106. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2020-3-96-106>
10. Tufekci Z. “Not This One”: Social Movements, the Attention Economy, and Microcelebrity Networked Activism. *American Behavioral Scientist*. 2013;57(7):848–870. <https://doi.org/10.1177/0002764213479369>
11. Bryukhanov A.A. Digital Activism: Forms and Theoretical Approaches. *Bulletin of Perm University. Political Science*. 2022;15(4):121–130. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2021-4-121-130>
12. Treré E. Hybrid Media Activism: Ecologies, Imaginaries, Algorithms. London: Routledge; 2019. <https://doi.org/10.4324/9781315438177>
13. Akhremenko A.S., Stukal D.K., Petrov A.P. Network vs Message in Protest Diffusion on Social Media: Theoretical and Data Analytics Perspectives. *Polis. Political Studies*. 2020;(2):73–91. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.06>
14. Ermolaeva P., Ermolaeva Y., Basheva O. Digital Environmental Activism as the New Form of Environmental Participation. *The Russian Sociological Review*. 2020;19(3):376–408. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2020-3-376-408>
15. Brodovskaya Ye.V., Dombrovskaya A.Yu., Pyrma R.V., Azarov A.A. Civil and Political Online Practices in the Evaluations of Russian Youth. *Political Science*. 2019;(2):180–197. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskie-i-politicheskie-onlai-n-praktiki-v-otsenkah-rossii-skoi-molodezhi-2018> (accessed 09.01.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
16. Basheva O.A. Digital Activism as a New Method of Civil Mobilization. *Research Result. Sociology and Management*. 2020;6(1):41–57. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2020-6-1-0-4>
17. Gerbaudo P. From Cyber-Autonomism to Cyber-Populism: An Ideological History of Digital Activism. *TripleC*. 2017;15(2):477–489. <https://doi.org/10.31269/triplec.v15i2.773>
18. Vasilyeva E.I., Zerchaninova T.E., Nikitina A.S. Research of Modern Social and Political Alternative Forms of Youth Civic Engagement. *Bulletin of Surgut State Pedagogical University*. 2020;(5):56–64. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26105/SSPU.2020.68.5.005>
19. Dombrovskaya A.Yu., Sinyakov A.V. Opposition Potential of Russians' Civil Participation: Results of the Cluster Analysis. *Political Science*. 2021;(3):142–160. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.doi.org/10.31249/poln/2021.03.06>
20. Antonova N.L., Abramova S.B., Gurarii A.D. Classification of Non-Political Participation Practices of Urban Youth: Forms, Motivation, Barriers. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2022;15(1):243–257. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.doi.org/10.15838/esc.2022.1.79.13>

21. Vorobev V.P., Ivchenkov S.G., Eremina E.V., Retinskaya V.N., Murzina I.A. Formation of the Social Identity of the Youth of the Region: The Potential of Aesthetic Information. *Russian Journal of Regional Studies*. 2022;30(2):470–491. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.470-491>
22. Drobizheva L.M. The Meanings of All-Russian Civic Identity in Russian Mass Consciousness. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 2020;(4):480–498. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1261>
23. Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N. Digital Infrastructures of Civic and Political Activism: Current Challenges, Risks and Constraints. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 2021;(6):97–118. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2014>
24. Parma R.V. Public Activism of Russian Citizens in Offline and Online Spaces. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2021;(6):145–170. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2042>
25. Gudoshnikova O.E. Technologies of “New Media” as a Platform for Civic Engagement. *Modern Problems of Science and Education*. 2015;(1-1). Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18442> (accessed 21.11.2022). (In Russ., abstract in Eng.)

Submitted 24.11.2022; revised 01.02.2023; accepted 10.02.2023.

About the authors:

Sofya B. Abramova, Cand. Sci. (Sociol.), Associate Professor, Department of Applied Sociology, Ural Institute for the Humanities, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (19 Mir St., Yekaterinburg 620083, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4010-8406>, s.b.abramova@urfu.ru

Natalya L. Antonova, Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Department of Applied Sociology, Ural Institute for the Humanities, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (19 Mir St., Yekaterinburg 620083, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2063-4970>, n.l.antonova@urfu.ru

Contribution of the authors:

S. B. Abramova – research methods; conducting research; data processing; research results analysis and interpretation.

N. L. Antonova – concept of the article; theoretical content of the article; research results analysis and interpretation.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

Редакция журнала «Регионоведение» публикует оригинальные научные исследования, посвященные актуальным проблемам региональной политики, экономики и социологии, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран. Не допускается направление в редакцию уже опубликованных статей или статей, отправленных на публикацию в другие журналы. **В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий опубликованная статья будет ретрагирована (отозвана из печати).** Мониторинг несанкционированного цитирования осуществляется с помощью систем «Антиплагиат» и CrossCheck.

Журнал приветствует статьи, имеющие потенциально высокий импакт-фактор и/или содержащие материал о значительных достижениях в указанных направлениях. Особое внимание следует уделить качеству перевода. Желательно, чтобы он был выполнен носителем английского языка.

При подготовке статьи к публикации в журнале «Регионоведение» необходимо учесть следующие пункты.

1. Указать **УДК**.

2. **Заголовок статьи** должен кратко и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного исследования. *Приводится на русском и английском языках.*

3. **Аннотация** (200–250 слов.) выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. В ней должны быть четко обозначены следующие составные части:

- 1) Введение (Introduction);
- 2) Материалы и методы (Materials and Methods);
- 3) Результаты исследования (Results);
- 4) Обсуждение и заключение (Discussion and Conclusion).

Приводится на русском и английском языках.

4. **Ключевые слова** (5–10) являются поисковым образом научной статьи. В связи с этим они должны отражать основные положения, достижения, результаты, терминологию научного исследования. *Приводятся на русском и английском языках.*

5. **Благодарности.** В этом разделе следует упомянуть людей, помогавших автору подготовить настоящую статью, организации, оказавшие финансовую поддержку. Хорошим тоном считается выражение благодарности анонимным рецензентам. *Приводятся на русском и английском языках.*

6. **Основной текст** статьи излагается на русском или английском языках.

1) Введение – постановка научной проблемы, ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности.

2) Обзор литературы. Необходимо описать основные (последние по времени) исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; выделить нерешенные вопросы в пределах общей проблемы, которым посвящена статья.

3) Материалы и методы. В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованная аппаратура; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт и т. д.).

4) Результаты исследования. Это основной раздел, цель которого – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Также должно быть обосновано, почему для анализа были выбраны именно эти данные. *Все названия, подписи и структурные элементы графиков,*

таблиц, схем и т. д. оформляются на русском и английском языках. Рисунки могут быть представлены в растровом или векторном формате с разрешением не ниже 300 dpi. Они должны допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Все графические данные помещаются в текст статьи, а также высылаются дополнительно в виде отдельных файлов.

5) Обсуждение и заключение. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области.

7. **Список литературы** (оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа Р 7.0.5–2008). Ссылаться нужно в первую очередь на оригинальные источники из научных журналов, включенных в глобальные индексы цитирования. Желательно использовать 30–40 источников. Из них за последние 3 года – не менее 20, иностранных – не менее 15. Следует указать DOI или адрес доступа в сети Интернет. *Оформляется на русском и английском языках.*

8. **Информация об авторах.** Ф.И.О., должность и ученое звание, организация(и), адрес организации(й) (требуется указать все места работы автора, в которых выполнялись исследования (постоянное место, место выполнения проекта и др.)), ORCID ID, Researcher ID, Scopus ID, электронная почта, телефон, почтовый адрес для отправки авторского экземпляра. *Приводится на русском и английском языках.*

9. **Вклад соавторов.** В конец рукописи необходимо включить примечания, в которых разъясняется фактический вклад каждого соавтора в выполненную работу. *Приводится на русском и английском языках.*

10. Авторам необходимо прислать свое фото отдельным файлом для публикации в журнале – качественный лицевой портрет в формате *jpg или *tif с разрешением не менее 300 точек (формат 10x15 см).

При подаче статьи в редакцию автор соглашается с положениями прилагаемого лицензионного договора.

Важным этапом в процессе отбора статьи является рецензирование. В журнале «Регионология» принято «двойное слепое» (рецензент и автор не знают имен друг друга) рецензирование статей. Рецензент на основании анализа статьи принимает решение о рекомендации ее к публикации или о ее отклонении. В случае несогласия автора статьи с замечаниями рецензента его мотивированное заявление рассматривается редакционной коллегией.

Допускается свободное воспроизведение материалов журнала в личных целях и свободное использование в информационных, научных, учебных и культурных целях в соответствии со ст. 1273 и 1274 гл. 70 ч. IV Гражданского кодекса РФ. Иные виды использования возможны только после заключения соответствующих письменных соглашений с правообладателем.

Журнал распространяется по подписке, заявкам высших учебных заведений, учреждений образования и отдельных лиц. Подписной индекс – 73335.

Наименование журнала в базе данных Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index) – REGIONOLOGIYA-REGIONOLOGY RUSSIAN JOURNAL OF REGIONAL STUDIES.

Глушко Дмитрий Евгеньевич – главный редактор. Тел.: +7 (8342) 24-48-88.

Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора. Тел.: +7 (8342) 32-81-57.

Гордина Светлана Викторовна – ответственный секретарь. Тел.: +7 (8342) 48-14-24.

INFORMATION FOR AUTHORS AND READERS OF THE JOURNAL

Russian Journal of Regional Studies (hereinafter also referred to as the Journal) accepts previously unpublished original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. It is not allowed to submit papers that have already been published or sent for publication to other journals. **In case of multiple submission of a manuscript, the published article will be retracted.** Monitoring of unauthorized citation is implemented by means of *Antiplagiat* and *CrossCheck* systems.

The Journal gives preference to the articles with potentially high impact factor and/or containing materials about significant achievements in the specified areas of science. Special attention should be paid to the quality of the translation. Preferably it should be made by a native English speaker.

When preparing an article for publication in *Russian Journal of Regional Studies*, the following points should be taken into account.

1. It is necessary to indicate the **Universal Decimal Classification (UDC) code**.

2. **The title of the article** should accurately reflect the content of the article, the subject matter and the results of the research conducted.

The title should be written in Russian and English.

3. **The abstract** (200–250 words) serves as an enhanced title of the article and briefly presents its content. The abstract consists of the following components:

- 1) Introduction;
- 2) Materials and Methods;
- 3) Results;
- 4) Discussion and Conclusion.

The abstract should be written in Russian and English.

4. **Keywords** (5–10) make the search profile of the scientific article. In this regard, they should reflect the main provisions, achievements, results and terminology of the scientific research.

Keywords should be written in Russian and English.

5. **Acknowledgements.** In this section the author may mention the people who helped them to prepare the article or the organizations that provided financial support. It is considered good style to express gratitude to anonymous reviewers.

Acknowledgements should be written in Russian and English.

6. **The main body** of the article should be written in Russian or in English.

1) Introduction. It contains formulation of the scientific problem, its relevance, connection with the most important tasks to be solved, the importance for the development of a particular area of science or practical activities.

2) Literature review. It is necessary to describe the main (recent) pieces of research and publications relied upon by the author, modern views on the problem, difficulties in solving the problem as well as to highlight the unresolved issues within the general problem of the article.

3) Materials and methods. This section describes the process of designing the experiment, the methods and equipment used; it gives detailed information about the subject and sequence of the research, justifies the choice of the methods used (observation, survey, testing, experiment, etc.).

4) Results. This is the main section, the purpose of which is to prove the working hypothesis (hypotheses) by analyzing, generalizing and explaining the data. The results should be brief, but they should provide sufficient information to evaluate the conclusions drawn. It should also be justified why the particular data were chosen for the analysis. *All names, signatures and structural elements of graphs, tables, diagrams, etc. should be written in Russian and English.* Figures should be presented in a raster or vector format with a resolution of at least 300 dpi. It should be possible to move them in the text and

resize them. All graphic data should be placed in the text of the article and also should be attached as separate files.

5) Discussion and conclusion. In conclusion, the results of understanding the topic should be summarized; conclusions, generalizations and recommendations arising from the work should be made, their practical significance should be emphasized and the main directions for further research in the studied area should be determined.

7. **References** should be given in accordance with the requirements of the *GOST R 7.0.5–2008* standard. The original sources from scientific journals included in the global citation indices should be cited first of all. It is desirable to refer to 30–40 sources. Of these, at least 20 sources should be those published over the past 3 years and at least 15 foreign ones. DOI or the URL of the source should be indicated.

References should be written in Russian and English.

8. **Information about the author(s)** includes: the author's first name and last name, the name of the institution and its address (it is required to specify all the institutions where the author works and where the research was conducted (permanent place of work, the place where the project was done, etc.)). The author's position and academic title, ORCID, Researcher ID, Scopus ID, e-mail, phone number, postal address for sending a personal copy of the Journal issue.

Information about the authors should be written in Russian and English.

9. **Contribution of the authors.** At the end of the manuscript, the authors should include notes that explain the actual contribution of each co-author to the work performed.

Contribution of the authors should be written in Russian and English.

10. Authors should send their photos as separate files for publication in the Journal. They should be good quality portraits in *.jpg or *.tiff format with a resolution of at least 300 dpi (10x15 cm format).

When submitting an article to the Journal, the author agrees with the provisions of the attached license agreement.

As part of the submission, the Journal will peer review your article before deciding whether to publish it. *Russian Journal of Regional Studies* uses double-blind review, which means that both the reviewer and author identities are concealed from the reviewers, and vice versa. On the basis of the analysis of the article, the reviewer makes a decision whether to recommend the article for publication or reject it. If the author disagrees with the reviewer's comments, their reasoned statement shall be considered by the Editorial Board.

Free reproduction of the Journal's materials for personal purposes and free use for information, scientific, educational and cultural purposes is allowed in accordance with articles 1273 and 1274 of Chapter 70, part 4 of the Civil Code of the Russian Federation. Other types of use are possible only after the conclusion of relevant written agreements with the right holder.

The Journal is distributed on the basis of a subscription, requests of higher education institutions, educational institutions and individuals. The subscription index is 73335.

Name of the Journal in Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index) – REGIONOLOGIYA-REGIONOLOGY RUSSIAN JOURNAL OF REGIONAL STUDIES.

Dmitry E. Glushko – Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 24 48 88.

Sergey V. Polutin – Deputy Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 32 81 57.

Svetlana V. Gordina – Executive Editor. Tel.: +7 (8342) 48 14 24.

Уважаемые авторы и читатели!

Научный рецензируемый журнал открытого доступа «Регионоведение» включен в «Белый список» – перечень авторитетных научных изданий, утвержденный межведомственной рабочей группой Министерства образования и науки России, в состав которой вошли представители Российской академии наук, Российского центра научной информации, крупнейших отечественных вузов и научных организаций.

Страница журнала в «Белом списке»

<https://journalrank.rcsi.science/ru/record-sources/details/18194/>

РОССИЙСКИЙ ЦЕНТР
НАУЧНОЙ
ИНФОРМАЦИИ

Главная > Журналы > Карточка журнала

Журнал

РЕГИОНОЛОГИЯ

2413-1407, 2587-8549

Основная информация | Уровни | Показатели | Категории | Квартили | Перечни | Ссылки | Анализ

ОСНОВНАЯ ИНФОРМАЦИЯ		ПРОФИЛИ ЖУРНАЛА
REGIONOLOGIYA - REGIONOLOGY RUSSIAN JOURNAL OF REGIONAL STUDIES	РЕГИОНОЛОГИЯ	☒ DOAJ ☒ Scilit ☒ OpenAlex ☒ OpenAlex API ☒ Wikidata ☒ Scholia ☒ Fatcat ☒ Journal Observatory ☒ DNB ¹ / DNB ²
Название на англ.	Название на рус.	
2413-1407 (Web of Science), 2587-8549 (Web of Science)		
ISSN		
Английский	Россия (Web of Science, ISSN.org)	
Русский	Страна	
Язык		
Crossref		
Агентство регистрации DOI		

© 2022-2023 Федеральное государственное бюджетное учреждение «Российский центр научной информации»

Регионология

Редактор *Е. С. Суркова*.
Компьютерная верстка *Е. П. Гординой*.
Перевод *А. А. Сомкина*.
Выпускающий (редактор по выпуску) *Е. П. Гордина*.
Информационная поддержка сайта журнала *А. А. Парамонова*.

Подписной индекс – 73335.

Территория распространения журнала: Российская Федерация, зарубежные страны

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-85159 от 23 апреля 2023 г.

Подписано в печать 15.06.2023. Дата выхода в свет 30.06.2023. Формат 70х100 1/16. Усл. печ. л. 17,22. Тираж 1 000 экз. I завод – 250 экз. Заказ № 506. Свободная цена.

Адрес редакции: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68/1.

Тел./факс: (8342) 48-14-24, (8342) 32-86-14.
E-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru
<http://regionsar.ru>

Адрес учредителя и издателя: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68.

Адрес типографии: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, д. 24 (Издательство федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»).

Фотографии предоставлены самими авторами и опубликованы с их согласия.

Russian Journal of Regional Studies

Editor *E. S. Surkova*.
Desktop publishing by *E. P. Gordina*.
Translation by *A. A. Somkin*.
Sub-editor *E. P. Gordina*.
Informational support of the Journal's website by *A. A. Paramonov*.

Subscription index – 73335.

The Journal is distributed in the Russian Federation and abroad.

The Journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor); mass media registration certificate: PI No. FS77-85159 of 23 April 2023.

Signed to print 15.06.2023. Date of publishing 30.06.2023. Sheet size 70×100 1/16. Conventional printed sheets 17.22. Number of copies: 1,000. Print run 1: 250 copies. Order No. 506. Open price.

Editorial office: 68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation.

Tel/Fax: +7 8342 481424, +7 8342 328614
E-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru
<http://regionsar.ru>

Address of the Founder and Publisher: 68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation.

Address of the Printing House: 24 Sovetskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation (Publishing House of National Research Mordovia State University).

The photographs are provided by the authors and are published with their consent.